

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1 (24) 2019

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).

Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Степанов С. А., д-р юрид. наук, профессор

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

1 (24) 2019

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,
founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Stepanov S. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i> Исследование современных тенденций экономического развития России на основе структурных уравнений эконометрической модели	6
<i>Балашова И. О., Балашова А. О.</i> Инструменты электронной коммерции в сфере образования	21
<i>Ильшева М. А., Яценко О. Ю., Патракова Д. И.</i> Маркетинговое обоснование проекта повышения конкурентоспособности компании сферы услуг	28
<i>Фахрутдинова А. Р., Хмелькова Н. В.</i> Нативная реклама как перспективный формат цифрового маркетинга: теоретические аспекты и эмпирические исследования	38
Юриспруденция	47
<i>Гожоссо Э.</i> Проект учреждения конституционного контроля русской императрицей Екатериной II и отклики на него во Франции (1766–1774)	48
<i>Анисимова С. А., Глушкова С. И.</i> Актуальные вопросы международной защиты прав детей (к 30-летию Конвенции о правах ребенка)	63
<i>Денисов С. А.</i> Правительственный конституционализм	71
Философия	81
<i>Калистратова Е. А.</i> Человек повседневности – «ансамбль практик»	82
<i>Курюмова Н. В., Кортаева Е. В.</i> Фестиваль современного танца как способ существования и развития современного танца в России	90
<i>Шлегель Е. В.</i> Подходы и маркеры в поколенческом анализе общества	103
<i>Оглоблина И. А.</i> Проблематизация синтеза религии, наук и философии в оптике неклассической рациональности дара	110
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	127

Contents

Economics	5
<i>Mitsek S. A., Mitsek E. B.</i> Russia's Economic Development: the Study of Current Trends Based on Structural Equations of Econometric Model	6
<i>Balashova I. O., Balashova A. O.</i> E-Commerce Tools in Education	21
<i>Ilysheva M. A., Iatsenko O. I., Patrakova D. I.</i> Marketing Rationale for Service Company Competitive Advance Project	28
<i>Fakhrutdinova A., Khmelkova N. V.</i> Native Advertising as a Promising Format of Digital Marketing: Theoretical Aspects and Empirical Research	38
Law	47
<i>Gojosso È.</i> The Establishment of a Judiciary with the Power of Constitutional Review According to Catherine II of Russia and its Repercussions in France (1766–1774)	48
<i>Anisimova S. A., Glushkova S. I.</i> Topical Issues of International Protection of the Rights of Children (on 30th Anniversary of Convention on the Rights of the Child)	63
<i>Denisov S. A.</i> Government Constitutionalism	71
Philosophy	81
<i>Kalistratova E. A.</i> Everyday Man as an Ensemble of Practices	82
<i>Kuryumova N. V., Korotaeva E. V.,</i> Festival of Contemporary Dance as a Way of Existence and Development of Modern Dance in Russia	90
<i>Shlegel E. V.</i> Approaches and Markers in the Generational Analysis of Society	103
<i>Ogloblina I. A.</i> The Problem of the Synthesis of Science, Religion, Philosophy from the Position of Non-classical Rationality of Gift	110
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	127

|| ЭКОНОМИКА

Исследование современных тенденций экономического развития России на основе структурных уравнений эконометрической модели

Предмет. Современное состояние экономического роста России обуславливает необходимость прогнозирования базовых макроэкономических показателей на ближайшую перспективу, а также определения влияния внутренних и внешних факторов на темпы и динамику роста российской экономики.

В статье излагаются результаты анализа, которые следуют из оценок отдельных уравнений эконометрической модели, позволяющие определить влияние структуры экономики России на темпы экономического роста, инфляции и другие важнейшие макроэкономические переменные.

Цели. Цель авторов заключалась в определении степени влияния инструментов экономической политики и внешних факторов на темпы роста и на макроэкономическую динамику российской экономики в целом.

Методология. В настоящей работе на основе оцененных параметров и выбранной спецификации уравнений эконометрической модели рассчитывались долгосрочные эластичности зависимых переменных по независимым переменным, а также отбирались наиболее влиятельные переменные. На основе рассчитанных эластичностей анализировались причины, повлиявшие на динамику зависимых переменных в исследуемом периоде.

Результаты. Расчеты, сделанные на основе оцененных уравнений, позволяют понять причины изменений темпов роста российской экономики. К этим причинам относятся: стагнация совокупной факторной производительности, недостаток ликвидности и уменьшение государственных инвестиций, замедление темпов мировой экономики и сильная зависимость России от импорта.

Выводы. Расчеты отражают высокую степень зависимости от демографических факторов, значительную роль государства, ослабление влияния внешних факторов и усиление роли внутренних факторов в определении макроэкономических тенденций российской экономики. Основными проблемами являются стагнация совокупной производительности факторов производства и недостаточный уровень инвестиций в основной капитал, что сохраняет высокую степень трудоемкости российской экономики.

Ключевые слова: эконометрическая модель; экономический рост; инвестиции; инфляция; совокупная факторная производительность.

В настоящей статье излагаются выводы, которые следуют из оценок отдельных уравнений эконометрической модели, описанной авторами в работе [1]. Полученные выводы позволяют понять, каким образом структура экономики повлияла на темпы экономического роста, инфляции и другие важнейшие макроэкономические переменные.

Подход, применяемый в нашей работе, состоит в следующем.

1. На основе оцененных уравнений рассчитывались долгосрочные эластичности зависимых переменных по независимым переменным. Соответствующие

---

* **Сергей Александрович Мицек**, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com

** **Елена Борисовна Мицек**, д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: emitsek@yandex.ru

формулы приведены в классических трудах Green W. H. [2] и J. Johnston и J. Di Nardo [3].

2. Отбирались аргументы, эластичности зависимых переменных по которым по *абсолютной величине* были не менее 0,1. Первые получили название «наиболее влиятельные переменные».

3. На основе действий, осуществленных в соответствии с пунктами 1 и 2, анализировались причины, повлиявшие на динамику зависимых переменных в исследуемом периоде.

В проводимых расчетах динамика всех переменных, за исключением ценовых индексов, указана *в реальном исчислении*; она сглаживалась с помощью фильтра Ходрика – Прескотта (при $\lambda = 1\ 600$).

В качестве источников статистических данных использовались сайты Федеральной службы государственной статистики¹, Центрального банка Российской Федерации² и группы RIM Института народнохозяйственного прогнозирования РАН³.

Детальное описание эконометрического инструментария, а также основные статистические характеристики и прогнозные свойства модели приведены в указанной выше авторской статье (см.: [1])⁴, а также на сайте АНО ВО «Гуманитарный университет»⁵.

Изложение результатов дано по отдельным блокам модели.

Производственный блок

Производственный блок модели представлен, во-первых, макроэкономической двухфакторной производственной функцией Кобба – Дугласа с постоянной отдачей от масштаба. Кроме традиционных факторов производства в эту функцию включен ряд других переменных, влияющих на выпуск продукции⁶. Во-вторых, в производственный блок включены уравнения динамики основных фондов и численности занятых.

Уравнение динамики *основных фондов* позволяет сделать следующие выводы.

1. В течение 2000–2016 гг. среднегодовой темп роста основных фондов составил 1,02 %. Самым высоким этот темп был в 2003–2013 гг., составив в среднем 2,94 %; затем он резко замедлился.

2. Наибольший вклад в рост основных фондов внес рост валового накопления основного капитала. Рост этой величины в среднем за 2000–2016 гг. составил 7,24 % в год; наиболее быстрым он был в 2000–2008 гг. (10,44 % в год), но затем резко

¹ URL: <http://www.gks.ru>

² URL: <http://www.cbr.ru>

³ URL: www.macroforecast.ru

⁴ Здесь уместно заметить, что в пункте 1 выводов к этой статье сказано, что в *базовом* варианте модели прогноз темпов роста экономики России в 2018–2019 гг. является отрицательным. Но базовый вариант следует рассматривать лишь как «отправной», обоснованием которого является условие *неизменности динамики всех экзогенных переменных*. Кроме того, в статье приведены некоторые результаты и иных прогнозных вариантов и отмечено, что при изменении динамики экзогенных переменных поведение эндогенных переменных будет иным, чем в базовом варианте. Также заметим, что в первой половине 2018 г. такие экзогенные переменные, как экспортные цены, ВВП стран ОЭСР и денежная база росли темпами более высокими, чем в заложенном нами базовом варианте, темп роста экономики России оказался более высоким – 1,6 % в среднегодовом исчислении. Отметим, что это данные лишь за первые два квартала 2018 г., а не за весь двухгодичный период 2018–2019 гг.

⁵ URL: <https://gu-ural.ru/faculties/business-and-management/stranichka-dekana-publikatsii/>. На указанном сайте представлены: а) полный перечень переменных модели в алфавитном порядке с разъяснением их сути; б) полный перечень условных обозначений, принятых в модели; в) описание всех уравнений и тождеств модели в математической форме; г) результаты эконометрических оценок всех уравнений модели; д) графики динамики важнейших переменных модели; всего общим объемом 2,5 п. л.

⁶ Обоснование данной спецификации приведено в [1].

снизился. Именно резкое падение темпов роста валового накопления основного капитала после 2008 г. послужило главной причиной существенного замедления роста основных фондов после 2013 г.

В уравнении, определяющем численность занятых в экономике России, наиболее влиятельной переменной оказалась численность экономически активного населения. Подобный результат означает, что численность занятых в России в первую очередь определяют факторы предложения труда, а не спроса на труд (уместно заметить, что зависимость предложения труда от различных экономических переменных отражена в работе М. Keane и R. Rogerson [4]).

Определяющая роль факторов предложения труда тем более очевидна, что отношение численности экономически неактивного населения к численности экономически активного населения в России неуклонно снижалось: с 58 % в 1999 г. до 44 % в 2016 г.⁷ То есть резерв роста занятых за счет повышения активности населения почти исчерпан⁸. Заметим, что низкая зарплата – это одна из причин высокой экономической активности населения России. Такой вывод может быть сделан на основе результатов по межстрановым исследованиям, которые представлены в работе А. Vick, N. Fuchs-Schundeln и D. Lagakos [5]. Кроме того, плоская шкала подоходного налога служит еще одним объяснением экономической активности населения страны.

Данный результат означает высокую зависимость будущего экономического роста России от демографических факторов. А поскольку рост трудоспособного населения нашей страны в ближайшие годы в лучшем случае будет близок к нулевому⁹, это обстоятельство послужит существенным препятствием для его ускорения. Если же говорить о прошедшем периоде, то снижение темпов роста численности занятых с 1,15 % в год в 2000–2008 гг. до 0,44 % в год после 2008 г. было вызвано, в основном, снижением среднегодового темпа роста экономически активного населения с 0,77 % в год до 0,21 % в год в те же периоды. Параметр данного процесса, который трудно прогнозировать, – иммиграция. В начале 2000-х годов Россия была на втором месте в мире (после США) по числу принимаемых иммигрантов, и это положительно сказалось на динамике трудовых ресурсов (что, в частности, отражено в работе R. В. Freeman [6]). Но сохранится ли этот поток в будущем – неясно.

В макроэкономической производственной функции наиболее влиятельными переменными были основные фонды, численность занятых, дефлятор валового накопления основного капитала (со знаком минус) и реальные кассовые остатки.

Высокая эластичность выпуска по труду (около 0,8) является еще одним свидетельством сильной зависимости экономики России от демографических факторов. Альтернативным объяснением может служить зависимость совокупной факторной производительности от масштаба страны, который часто определяется именно численностью населения, что отражено в работах: F. Alcalá и A. Ciccone [7], J. Frankel и D. Romer [8], A. Alesina, E. Spolaore, R. Wacziarg [9].

В свою очередь, относительно низкая эластичность выпуска по основному капиталу (менее 0,2) снижает перспективы роста экономики за счет усиления инвестиционной активности. Одна из причин относительно низкой эластичности вы-

⁷ По возрастной категории от 15 до 72 лет; расчет авторов на основе данных сайта www.macroforecast.ru.

⁸ Отношение численности экономически активного населения в возрасте 15–72 лет к совокупной численности населения России – величина еще более консервативная. Она выросла с 48 % в 1999 г. до 53 % в 2007-м и с тех пор не менялась (расчет авторов на основе данных сайта www.macroforecast.ru). В странах ОЭСР это соотношение равно 48 %, и оно также не менялось с 2007 г. (URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/data/oecd-factbook-statistics_factbook-data-en).

⁹ Демографический прогноз Росстата. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

пуска по капиталу в производственной функции – это включение жилья в совокупный объем производственных фондов. Отметим, что анализ этого факта приведен в работах В. van Ark, М. О’Mahony, М. Р. Timmer [10], D. W. Jorgenson, М. S. Ho, К. J. Stiroh [11].

Влияние переменной реальных кассовых остатков отражает существенную зависимость экономики России от состояния ее ликвидности, что позволяет говорить о желательности смягчения денежной политики в целях стабилизации экономического роста. Теоретическое обоснование влияния ликвидности на совокупную факторную производительность приведено в работе В. Moll [12]. Кроме того, уместно заметить, что, например, влияние ликвидности на динамику производства в США четко отражено в недавно опубликованной работе S. Gilchrist, R. Schoenle, J. Sim и E. Zakrajšek [13].

Роль такого регрессора, как дефлятор валового накопления основного капитала, отражает влияние стоимости основных фондов на совокупную факторную производительность (СФП). Подобное объяснение представляется правдоподобным вследствие: а) большой зависимости России от импортного оборудования¹⁰ и б) высокой доли инноваций, связанных именно с инвестициями в оборудование¹¹. Это явление называют «воплощенный в капитале технический прогресс» (capital-embodied technical progress) или «связанный с инвестициями технический прогресс» (investment-specific technical change – данная формулировка введена в работе J. Greenwood, Z. Hercowitz и P. Krusell [14]). Отметим, что это явление хорошо известно и в других странах (см., например, работы: R. M. Samaniego [15], В. van Ark, М. О’Mahony и М. Р. Timmer [10], D. W. Jorgenson, М. S. Ho и К. J. Stiroh [11]) и отражает влияние внешнеэкономических факторов на СФП экономики России. Подробное обоснование данного эффекта дано в работе J. Haskel, R. Z. Lawrence, E. E. Leamer и M. J. Slaughter [16].

Расчеты показали, что на снижение среднегодовых темпов роста ВВП России в 2009–2013 гг. (1,74 % в год) и особенно в 2014–2016 гг. (0,15 % в год) по сравнению с 2000–2008 гг. (6,29 % в год, т. е., на 4,56 и 6,14 процентных пункта, соответственно) оказало значительное влияние изменение темпов роста всех этих переменных. В 2014–2016 гг. темп роста основных фондов в неизменных ценах был почти нулевым, а рост численности занятых составил 0,47 % по сравнению с 1,15 % в 2000–2008 гг.

Но наиболее резкое влияние на снижение темпов роста производства оказало ужесточение денежной политики: среднегодовой темп роста реальных кассовых остатков снизился с 18,57 % в 2000–2008 гг. до 6,79 % в 2009–2013 гг. и до 2,28 % в 2014–2016 гг. (т. е. на 11,78 и 16,30 % соответственно). Такой шок ликвидности не мог не отразиться на темпах роста производства. Заметим, что аналогичный шок имел место в США на рубеже 1970–1980-х гг., когда ФРС поставила задачу снизить инфляцию до 4 % годовых (см. об этом работу Bordo M. [17]).

Наконец, рост дефлятора валового накопления также сыграл свою роль в замедлении роста темпов экономики России. В целом в период 2000–2016 гг. реальная величина (т. е. в отношении к дефлятору ВВП) данного дефлятора снижалась в среднем на 0,79 % в год, что отражало мировые тенденции (см.: [18]). Но в

¹⁰ Соответствующие данные см., напр., в статье: Циноева Я., Сафронов И. Импортные станки сдают // Коммерсант–DAILY. – 2017. – 1 декабря. – № 224.

¹¹ Так, в структуре затрат на технологические инновации, которые осуществляет промышленность России в 2011 г., удельный вес машин, оборудования и программных средств составлял почти 62 % (в развитых странах Европы эта структура принципиально иная) (см.: Россия и страны – члены Европейского Союза. 2013 г. : справочник. Табл. 12.16 (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_65/main.htm)).

2014–2016 гг. происходил ее значительный *рост*, причины которого будут показаны ниже.

Производственная функция отразила снижение темпов роста совокупной факторной производительности (СФП) экономики России. В целом за весь период, охватывающий 2000–2016 гг., она росла в среднем на 3,07 % (отметим, что для мировой практики это довольно высокие темпы¹²). Но этот темп снизился с 5,18 % в год в 2000–2008 гг. до 1,03 % в 2009–2013 гг. и до отрицательных темпов (-0,25 % в год) в 2014–2016 гг. Очевидно, что это не могло не сказаться на темпах роста экономики в целом.

Более подробный анализ причин стагнации совокупной факторной производительности в России представлен в ранее опубликованной авторской работе (см.: [19]).

Ценовой блок

Ценовой блок модели включает уравнения дефлятора ВВП и других ценовых индикаторов.

В уравнении *дефлятора ВВП* наиболее влиятельными переменными были: денежная масса; индекс физического объема ВВП (со знаком «минус»)¹³; дефлятор государственных закупок; курс доллара; экспортные цены. Заметим, что существенное влияние обменного курса в качестве предиктора инфляции по данным различных стран показано в работе Y. Chen, K. S. Rogoff и B. Rossi [20].

Расчеты показали, что наибольший вклад в инфляцию в России в 2000–2016 гг. внес *рост дефлятора государственных закупок*. Иными словами, главные причины инфляции были фискальные. Подобный вывод верен для периодов 2000–2008 гг. и 2009–2013 гг., и лишь в 2014–2016 гг. ослабление рубля внесло сопоставимый с ростом дефлятора государственных закупок вклад в инфляцию¹⁴. Отметим, что Россия не одинока в том, что фискальные факторы играют большую роль в формировании инфляции. Аналогичный эффект показан в работе T. Sargent, N. Williams и T. Zha [21] на основе данных по странам Латинской Америки.

Второй по значимости фактор, обусловивший инфляцию, – *рост денежной массы*. Заметим, что относительная слабость влияния денежных агрегатов на уровень инфляции в других странах показана в статье K. Dominguez [22]. Подобный результат побуждает обратиться к теоретическому вопросу о «нейтральности денег». Экономика России не демонстрирует такой нейтральности. На историческом примере Франции объяснение проиллюстрировано в статье F. R. Velde [23].

Относительную слабость монетарных факторов в определении инфляции в России по сравнению с «учебными» теориями, приведенными в работах A. B. Abel, B. S. Bernanke и D. Croushore [24], R. J. Barro [25], D. Romer [26], можно объяснить не только недостаточной развитостью нашей финансовой системы и высоким спросом на деньги. Еще одним объяснением может служить высокая степень государственного контроля над ценами на жизненно важные товары и услуги.

В 2000–2008 гг. *рост экспортных цен* был третьим по значимости фактором инфляции, но в дальнейшем его роль резко снизилась. Ослабление рубля было вторым по значимости фактором после 2008 г. (особенно ощутимым в 2014–2016 гг.).

¹² Так, в США за 130 лет, с 1873-го по 2003 г. среднегодовой темп роста СФП составил лишь 1,3 % (см. об этом: Ferguson R. W., Wascher W. L. Distinguished Lecture on Economics in Government: Lessons from Past Productivity Booms. *Journal of Economic Perspectives*, 2004, vol. 18, no. 2, pp. 3–28).

¹³ Подобная зависимость для США периода 1990-х годов зафиксирована в работе L. Ball и N. G. Mankiw “The NAIRU in Theory and Practice” (*Journal of Economic Perspectives*, 2002, Fall, vol. 16, no. 4, pp. 115–136).

¹⁴ Резкое усиление инфляции во время войн показывает, что фискальные причины инфляции – явление обыденное в экономической истории.

Если же рассматривать *изменение* темпов инфляции, то, как показали расчеты, в *снижении* темпов инфляции в России важную роль сыграли внешнеэкономические факторы, но главными остались факторы государственной фискальной политики. Роль монетарных факторов была лишь на третьем месте. Ослабление рубля было важной причиной, препятствовавшей снижению инфляции после 2008 г.

Наконец, *рост физических объемов ВВП* на протяжении всего периода с 2000-го по 2016 г. препятствовал инфляции. Напротив, снижение темпов роста экономики после 2008 г. ослабило противодействие ей. Объяснением подобной зависимости с точки зрения современных макроэкономических теорий может служить понятие «шок предложения», другим объяснением – высокая эластичность спроса на деньги по объему производства.

В уравнении *дефлятора потребительских расходов домашних хозяйств* наиболее влиятельными регрессорами были денежные индикаторы и рублевый индекс импортных цен. Заметим, что важность влияния обменного курса на потребительские цены отмечается в работе С. Engel и К. D. West [27].

Таким образом, в общем замедлении роста потребительских цен со среднегодовых темпов 15,11 % в год в 2000–2008 гг. до 8,39 % в 2014–2016 гг. основную роль сыграли те же факторы, которые привели и к замедлению темпов общей инфляции, характеризуемой дефлятором ВВП. Но рост рублевого индекса импортных цен, вызванного, в свою очередь, ослаблением рубля, замедлил это падение, и поэтому в 2014–2016 гг. темпы роста дефлятора потребительских расходов были примерно те же, что и в 2009–2013 гг.

Динамика дефлятора валового накопления основного капитала определялась в первую очередь следующими переменными: дефлятором ВВП, дефлятором государственных закупок, курсом доллара.

Расчеты показали, что на рост этого дефлятора решающее влияние оказали два фактора: рост дефлятора ВВП и дефлятора государственных закупок.

Ослабление рубля в 2014–2016 гг. замедлило снижение темпов данного дефлятора.

Социальный блок

Социальный блок включает уравнения средней зарплаты и индекса физического объема потребительских расходов домашних хозяйств.

На величину *средней зарплаты* наибольшее влияние оказывают чистый предельный доход от труда и объем государственных закупок.

Чистый предельный доход от труда в соответствии с теорией равновесия фирмы есть главный фактор, определяющий средний уровень зарплаты. Аналогичный подход отражен в работе О. Ashenfelter [28]. Таким образом, технический прогресс оказывает положительное влияние на величину зарплаты в России. О мировых тенденциях в этом вопросе говорится в работе J. Mokyr, С. Vickers и N. L. Ziebarth [29].

Рост государственных закупок ведет к росту зарплаты, но повышение корпоративных налогов и выплат государственных социальных трансфертов снижает ее.

Расчеты показывают, что рост реальной зарплаты со среднегодовым темпом 3,78 % (дефлятор ВВП) в 2000–2016 гг. был обеспечен, в первую очередь, ростом чистого предельного дохода от труда (3,96 % в год) и государственных закупок (5,89 % в год).

Среднегодовой темп роста реальной зарплаты снизился с 5,40 % в среднем в 2000–2008 гг.¹⁵ до 1,50 % в год в 2014–2016 гг., т. е. на 3,89 %. Это снижение было вызвано, главным образом, резким замедлением темпов роста государственных закупок. Замедление темпов роста чистого предельного дохода от труда также

¹⁵ В то время – один из самых высоких темпов роста реальной зарплаты в мире (см.: [28]).

имело место в этот период, но оно было не таким заметным и потому сыграло меньшую роль.

В уравнении *индекса потребительских расходов домашних хозяйств* наиболее влиятельными переменными являются: совокупные располагаемые доходы¹⁶; государственные закупки; курс доллара (со знаком минус); дефлятор потребительских расходов (со знаком минус).

Значительное влияние государственных закупок на потребительские расходы отражает тот факт, что у России весьма низкий государственный долг, как внутренний, так и внешний. Поэтому она может себе позволить повышать потребительские расходы граждан, в том числе и за счет роста оплаты их деятельности государством. Отметим, что анализ данного эффекта для зарубежных стран дан в работе М. Feldstein [30].

Расчеты показали, что в 2000–2016 гг. основными факторами, способствовавшими росту потребительских расходов (в среднем на 5,88 % в год), были рост государственных закупок (6,22 % в год) и располагаемых доходов граждан (6,27 % в год).

Основным сдерживающим фактором был рост дефлятора потребительских расходов (в среднем 11,98 % в год).

В 2014–2016 гг. по сравнению с периодом, охватывающим 2000–2008 гг., среднегодовой темп роста потребительских расходов резко сократился: с 9,41 % до *минус* 1,63 %. Главной причиной стало резкое сокращение темпов роста государственных закупок. Заметную, хотя и гораздо меньшую роль сыграло снижение темпов роста располагаемых доходов. Сдерживающую роль в этом падении сыграло замедление инфляции потребительских цен.

Инвестиционный блок

Инвестиционный блок включает уравнения инвестиций в основной капитал, осуществленные за счет собственных средств компаний, средств государственного бюджета и внебюджетных фондов, а также за счет банковских кредитов.

В уравнении инвестиций *за счет собственных средств* важнейшими переменными являются: чистый предельный доход на основной капитал¹⁷; чистая прибыль; инвестиции в основной капитал за счет государственного бюджета; государственные закупки (со знаком минус); объем импорта (со знаком минус); дефлятор валового накопления основного капитала (со знаком минус).

Чистый предельный доход показывает выгодность инвестиций для инвестора, а величина чистой прибыли – размер источника финансирования данного вида инвестиций. Оценки данного уравнения вновь показывают большую роль государства в экономике России: государственные инвестиции оказывают сильное положительное воздействие на объем инвестиций за счет собственных средств компаний. При этом *текущие* государственные закупки конкурируют за финансовые средства с государственными инвестициями. Снижение объемов импорта содействует инвестициям, снижая конкуренцию со стороны иностранных товаров. Наконец, удорожание основного капитала снижает спрос на него.

Расчеты показывают, что в 2000–2016 гг. многие факторы способствовали росту инвестиций за счет собственных средств (6,84 % в среднем в год). Этими факторами являются: рост чистого предельного дохода на основной капитал (4,26 % в среднем в год), чистой прибыли (5,54 %) и инвестиций за счет государственных средств (5,32 %).

---

¹⁶ Мы использовали аппроксимацию данной переменной, а именно: ВВП плюс трансферты минус налоговые доходы государства.

¹⁷ Зависимость инвестиций от СФП отмечена в истории (об этом см., напр.: Ferguson R. W., Wascher W. L. Op. cit.).

При этом рост импорта и текущих государственных закупок сдерживал рост инвестиций.

В 2014–2016 гг. темп роста инвестиций за счет собственных средств снизился до среднегодового темпа 4,57 % в год по сравнению с 8,19 % в 2000–2008 гг. Основным фактором, определившим такую динамику, явилось снижение темпов государственных инвестиций. Снижение темпов роста текущих государственных закупок и импорта сдержало падение инвестиций. Аналогично, рост прибылей хоть и стал меньше (он снизился с 5,41 до 3,30 % в среднем в год), но снизился не столь резко, и это также сдержало падение инвестиций.

В уравнении инвестиций в основной капитал за счет средств государственного бюджета наиболее влиятельными регрессорами оказались: доходы государственного бюджета и внебюджетных фондов; денежная масса; тарифы на грузовые перевозки (со знаком минус); дефлятор валового накопления основного капитала (со знаком минус).

Расчеты показали, что в 2000–2016 гг. основной причиной роста данного вида инвестиций (среднегодовой темп 5,32 %) был рост государственных доходов (5,80 %) и реальных кассовых остатков (12,29 %). Рост транспортных тарифов существенно замедлял рост этого вида инвестиций.

В 2014–2016 гг. темпы роста государственных инвестиций резко упали (до минус 1,65 % в среднем в год) по сравнению с периодом 2000–2008 гг. (10,07 % в год). Подобная динамика была связана с резким снижением темпов роста государственных доходов и реальных кассовых остатков. Снижение темпов роста транспортных тарифов замедлило это сокращение темпов.

На инвестиции в основной капитал за счет банковских кредитов сильное влияние оказывают: чистый предельный доход на основной капитал; совокупные банковские кредиты бизнесу; инвестиции в основной капитал за счет средств государственного бюджета; объем ВВП.

Здесь мы вновь видим существенную поддержку со стороны государственных инвестиций.

В 2000–2016 гг. среднегодовой темп роста инвестиций за счет банковских кредитов составил 17,98 %. Главными факторами, поддержавшими этот рост, были рост банковских кредитов бизнесу и рост инвестиций за счет государственного бюджета.

Однако в 2014–2016 гг. среднегодовой темп роста этих инвестиций упал до 1,67 % по сравнению с 33,56 % в 2000–2008 гг. Столь резкое падение произошло из-за значительного снижения темпов роста ВВП, повлекшего сокращение роста банковских кредитов бизнесу и государственных инвестиций. Замедление темпов роста корпоративных налогов и государственных закупок смягчило падение темпов этого вида инвестиций.

Банковский блок

Уравнения банковского блока определяют динамику остатков на банковских счетах и депозитах – как рублевых, так и валютных; как физических лиц, так и организаций. Также в этом блоке определяются объемы рублевых и валютных кредитов организациям и совокупный объем кредитов физическим лицам.

В уравнении *рублевых банковских депозитов домашних хозяйств* наиболее влиятельными переменными являются реальные доходы домашних хозяйств и государственные закупки в реальном исчислении.

Иными словами, не только рост благосостояния, но и рост удельного веса доходов граждан, которые они получают от государства, содействует повышению их склонности к сбережению средств на банковских депозитах.

В 2000–2016 гг. объем рублевых банковских депозитов домашних хозяйств в реальном исчислении рос со среднегодовым темпом 17,97 %. Решающий вклад в

этот рост внесло повышение реальных доходов граждан и государственных закупок.

В 2014–2016 гг. банковские депозиты домашних хозяйств росли со среднегодовым темпом 6,64 %, что на 20 % ниже их роста в 2000–2008 гг. Основными причинами замедления этого роста стало резкое снижение роста как реальных доходов, так и государственных закупок, а также ужесточение денежной политики.

На рублевые *банковские депозиты организаций* наиболее сильное влияние оказывают следующие переменные: реальные кассовые остатки, т. е. денежная политика Банка России; индекс физического объема ВВП (т. е. общее развитие экономики); государственные закупки.

В 2000–2016 гг. остатки на банковских счетах и депозитах организаций в реальном исчислении росли со среднегодовым темпом 44,84 %. Решающий вклад в этот рост внесли рост реальных кассовых остатков и рост физического объема ВВП.

Рост депозитов организаций сократился радикально со среднегодового темпа 91,92 % в 2000–2008 гг. до 5,42 % в 2014–2016 гг. Основными причинами такого замедления были ужесточение денежной политики и снижение темпов роста экономики.

В уравнении валютных депозитов домашних хозяйств наиболее значимыми переменными оказались реальные доходы домашних хозяйств.

В 2000–2016 гг. основной причиной роста *валютных депозитов домашних хозяйств* (в среднем 13,01 % в год) был рост реальных доходов граждан.

В 2014–2016 гг. среднегодовой темп роста валютных депозитов вырос до 17,88 % в реальном исчислении против 11,64 % в 2000–2008 годах. Сыграли роль и переоценка, и рост курса доллара, но весьма важной причиной, как показало уравнение, стало снижение спроса на реальные рублевые кассовые остатки вследствие общего замедления роста экономики и ужесточения денежной политики. Падение темпов роста реальных доходов граждан замедлило рост этих депозитов.

На объем *валютных депозитов организаций* наиболее сильное влияние оказывают объем их рублевых депозитов и объем государственных закупок. В 2000–2016 гг. объем этих депозитов рос со среднегодовым темпом 17,26 %. Основной вклад внесли рост рублевых депозитов организаций (часть этих средств перемещалась на валютные депозиты) и рост государственных закупок. Но влияние этих двух факторов (весьма сильное в 2000–2013 гг.) резко ослабло, начиная с 2014 г. При этом темп роста данного вида депозитов в 2014–2016 гг. почти не сократился и составил в среднем 18,70 % в год.

В уравнении *рублевых кредитов организациям* наиболее сильными регрессорами являются банковские депозиты, а также государственные закупки. Вновь мы видим большую роль государственных закупок, для реализации которых необходима кредитная поддержка. Депозиты, как источник средств, – главный фактор, поддерживающий кредиты.

В 2000–2016 гг. рублевые кредиты организациям росли со среднегодовым темпом 18,86 %. Главным фактором, обеспечившим этот рост, был рост депозитов; на втором месте по значимости был рост государственных закупок. По сравнению с 2000–2008 гг., в 2014–2016 гг. среднегодовой темп роста рублевых кредитов организациям снизился с 32,19 до 4,20 %. Главными причинами этого замедления были снижение темпа роста депозитов и государственных закупок. Отметим, что ужесточение денежной политики оказывает двойной отрицательный эффект на динамику кредитов: а) замедляет рост депозитов; б) делает более обременительной выплату ранее выданных кредитов. Примеры из финансовой истории США даны в вышеуказанной работе М. Bordo (см.: [17]).

В уравнении *валютных кредитов организациям* главным фактором, оказывающим влияние на их динамику, является объем валютных депозитов. Среднегодовой рост этих кредитов в 2000–2016 гг. составил 15,69 %; в 2014–2016 гг. – 19,31 %, почти не изменившись с периода, охватывающего 2000–2008 гг.

В уравнении *потребительских кредитов* главным фактором был объем рублевых депозитов. Среднегодовой темп роста этих кредитов в 2000–2016 гг. составил 26,48 %. Этот темп снизился с 49,48 % в среднем в 2000–2008 гг. до 6,55 % в 2014–2016 гг. Основной причиной стало снижение темпов роста рублевых депозитов.

Внешиэкономический блок

Внешиэкономический блок включает уравнения, определяющие обменный курс рубля к доллару и индексы физического объема экспорта и импорта.

На *курс доллара* сильнее прочих влияют следующие переменные: индекс экспортных цен, объем ВВП в долларовом исчислении (со знаком минус) и реальные кассовые остатки (уместно заметить, что анализ влияния этих факторов на обменный курс с обзором исследований в этой области дан в работе С. Engel и К. D. West (см.: [27]), а аналогичные данные по финансовой истории США приведены в работе М. Bordo (см.: [17]).

Таким образом, рост экономики России укрепляет отечественную валюту, а рост денежной массы ослабляет ее. В 2014–2016 гг. основной причиной сильного ослабления рубля (кроме неидентифицированных факторов) послужило падение темпов роста экономики и падение экспортных цен. В то же время жесткая денежная политика и смягчение фискальной политики препятствовали ослаблению рубля.

На *индекс физического объема экспорта* наибольшее влияние оказывают следующие переменные: индекс физического объема ВВП; индекс внутреннего спроса и индекс внешнего спроса, представленный в модели объемом ВВП стран – членов ОЭСР¹⁸. Отметим, что схожий набор переменных, определяющих экспорт, в гравитационной модели приведен в работе J. E. Anderson и E. van Wincoop (см.: [31]).

Итак, росту объемов экспорта России способствует рост спроса со стороны мировой экономики. Рост отечественного производства способствует экспорту, но одновременно увеличивает внутренний спрос на товары, которые в противном случае могли быть отправлены на экспорт. Так, G. H. Hanson [32] приводит данные, согласно которым в России удельный вес отечественной добавленной стоимости в экспорте составляет 89 %, тогда как в мире в среднем – 75 %, а в Китае – 65 %. Кроме того, Россия в меньшей степени включена в глобальные производственные цепочки.

Среднегодовой рост физического объема российского экспорта (составивший 5,13 % в 2000–2016 гг.) определялся, главным образом, ростом мировой экономики. Но он существенно замедлялся ростом внутреннего спроса, вызванного ростом экономики России.

Замедление среднегодового роста физического объема российского экспорта (с 7,55 % в 2000–2008 гг. до 2,72 % в 2014–2016 гг.) было вызвано замедлением роста как мировой, так и отечественной экономики. Но, отметим, последнее сократило рост внутреннего спроса и сдерживало падение экспорта.

---

¹⁸ Динамику мировой экономике сегодня во многом придает рост таких стран, как Китай и Индия, а также других новых рыночных экономик. Но мы были вынуждены использовать индекс физического объема ВВП стран – членов ОЭСР в качестве индикатора мировой экономики просто из-за отсутствия квартальных данных о динамике глобального ВВП. Страны – члены ОЭСР по-прежнему остаются крупнейшими торговыми партнерами для стран как с низким, так и со средним уровнем дохода. Соответствующий анализ дан, например, в работе G. H. Hanson (см.: [32]).

В уравнении *импорта* наиболее сильными регрессорами являются индекс внутреннего спроса, импортные цены, курс доллара и индекс транспортных тарифов (последние три переменные – со знаком минус)¹⁹.

Расчеты показывают, что в 2000–2016 гг. рост импорта (10,14 % в среднем в год) почти исключительно определялся ростом потребительского спроса. Заметим также, что имело место и падение среднегодовых темпов роста импорта (с 19,29 % в 2000–2008 гг. до *минус* 6,74 % в 2014–2016 гг.), что обусловлено резким снижением темпов потребительских расходов (ставшими отрицательными в 2014–2016 гг.). Тот факт, что падение доходов вызывает резкое сокращение импорта, является общемировой тенденцией, что отмечается в работе G. Gopinath и B. Neiman [33].

Денежный блок

Уравнения денежного блока определяют объем денежной массы и ставки процента на межбанковском рынке M1ACR.

На *объем денежной массы* наиболее сильное влияние оказывает объем денежной базы (фактор предложения денег).

Как показывают данные, среднегодовой темп роста номинального объема денежного агрегата M2 в национальном определении в период 2000–2016 гг. составил 28,23 %, и его рост определялся преимущественно ростом денежной базы; рост ВВП, как фактор спроса на деньги, также оказал влияние на динамику денежной массы. Падение этих темпов с 41,82 % в среднем в 2000–2008 гг. до 9,18 % в 2014–2016 гг. было вызвано снижением темпов роста обоих этих факторов.

Динамика *процентной ставки* M1ACR, как показало соответствующее уравнение, в решающей степени определяется величиной ключевой ставки Банка России. В уравнении этой переменной есть и иные существенные регрессоры (дефицит бюджета, спрос и предложение реальных кассовых остатков и др.), но их влияние несколько ниже.

Заключение

Расчеты, сделанные на основе оцененных уравнений, позволяют понять причины изменений темпов роста российской экономики.

Главной причиной была, конечно, стагнация совокупной факторной производительности. Следовательно, основным направлением стимулирования экономического роста должно стать увеличение инвестиций в образование, науку, инновации, улучшение инвестиционного климата. Последнее особенно важно вследствие важной роли основного капитала в повышении совокупной производительности, о чем говорилось в статье. Вследствие нарастающего дефицита трудовых ресурсов основной упор следует сделать на трудосберегающий тип технического прогресса.

Стагнация совокупной производительности – главная, но не единственная причина замедления темпов роста. Другими причинами стали недостаток ликвидности и уменьшение государственных инвестиций. Соответственно, требуются смягчение денежной политики и изменение структуры государственных расходов: уменьшение доли текущих расходов и увеличение доли инвестиций. Это тем более важно, поскольку, как показали уравнения модели, частные инвестиции в России существенно зависят от объема инвестиций государственных.

Смягчение денежной политики не должно вызвать заметного повышения темпов инфляции вследствие относительно слабого влияния монетарных факторов на инфляцию в России. В то же время текущие государственные расходы сильно влияют на инфляцию, и потому их уменьшение будет способствовать снижению инфляции.

---

¹⁹ Это отчасти также подтверждается упомянутой выше гравитационной моделью J. E. Anderson, E. van Wincoop (см.: [31]).

Ужесточение государственного контроля над ценами монополистов способно стать дополнительным фактором смягчения инфляции.

Свою роль в замедлении темпов экономики России сыграли и замедление темпов мировой экономики, и сильная зависимость России от импорта. Снижение этой зависимости в разумных пределах будет способствовать экономическому росту.

Литература

1. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Экономический рост, инфляция, инвестиции и доходы в Российской Федерации: анализ и прогноз на основе эконометрической модели // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – Т. 17, Вып. 1. – С. 18–29.
2. Green W. H. *Econometric analysis*. 6th ed., Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 2008, pp. 239–240.
3. Johnston J., DiNardo J. *Econometric Methods*. 4th ed., NJ : McGraw Hill, 2007, pp. 244–248.
4. Keane M., Rogerson R. Micro and Macro Labor Supply Elasticities: A Reassessment of Conventional Wisdom. *Journal of Economic Literature*, 2012, vol. 50, no. 2, pp. 464–476.
5. Bick A., Fuchs-Schündeln N., Lagakos D. How Do Hours Worked Vary with Income? Cross-Country Evidence and Implications. *American Economic Review*, 2018, no. 108(1), pp. 170–199.
6. Freeman R. B. People Flows in Globalization. *Journal of Economic Perspectives*, 2006, vol. 20, no. 2, pp. 145–170.
7. Alcalá F., Ciccone A. Trade and Productivity. *Quarterly Journal of Economics*, 2004, vol. 119, no. 2, pp. 613–646.
8. Frankel J., Romer D. Does Trade Cause Growth? *American Economic Review*, 1999, vol. LXXXIX, pp. 379–399.
9. Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Economic Integration and Political Disintegration. *American Economic Review*, 2000, vol. XC, pp. 1276–1296.
10. Van Ark B., O'Mahony M., Timmer M. P. The Productivity Gap between Europe and the United States: Trends and Causes. *Journal of Economic Perspectives*, 2008, vol. 22, no. 1, pp. 25–44.
11. Jorgenson D. W., Ho M. S., Stiroh K. J. A Retrospective Look at the U.S. Productivity Growth Resurgence. *Journal of Economic Perspectives*, 2008, vol. 22, no. 1, pp. 3–24.
12. Moll B. Productivity Losses from Financial Frictions: Can Self-Financing Undo Capital Misallocation? *American Economic Review*, 2014, vol. 104, no. 10, pp. 3186–3221.
13. Gilchrist S., Schoenle R., Sim J., Zakrajšek E. Inflation Dynamics during the Financial Crisis. *American Economic Review*, 2017, no. 107 (3), pp. 785–823.
14. Greenwood J., Hercowitz Z., Krusell P. Long-Run Implications of Investment-Specific Technological Change. *American Economic Review*, 1997, vol. 87, no. 3, pp. 342–362.
15. Samaniego R.M. Entry, Exit, and Investment-Specific Technical Change. *American Economic Review*, 2010, vol. 100, no. 1, pp. 164–192.
16. Haskel J., Lawrence R. Z., Leamer E. E., Slaughter M. J. Globalization and U.S. Wages: Modifying Classic Theory to Explain Recent Facts. *Journal of Economic Perspectives*, 2012, vol. 26, no. 2, pp. 119–140.
17. Bordo M. Three great American disinflations, Board of Governors of the Federal Reserve System. *International Finance Discussion Papers Number*, 2007, no. 898. <https://www.federalreserve.gov/pubs/ifdp/2007/898/ifdp898.pdf>
18. Fisher J. D. M. The Dynamic Effects of Neutral and Investment-Specific Technology Shocks. *Journal of Political Economy*, 2006, vol. 114, no. 3, pp. 413–451.
19. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Структурные факторы роста экономики Российской Федерации: региональный, отраслевой и макроэкономический аспекты // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 7 (216). – С. 118–128.
20. Chen Yu-Ch., Rogoff K. S., Rossi B. Can exchange rates forecast commodity prices? *The Quarterly Journal of Economics*, 2010, vol. 125, no. 3, pp. 1145–1194.
21. Sargent T., Williams N., Zha T. The Conquest of South American Inflation. *Journal of Political Economy*, 2009, vol. 117, no. 2, pp. 211–256.

22. Dominguez K. M. E. The European Central Bank, the Euro, and Global Financial Markets. *Journal of Economic Perspectives*, 2006, vol. 20, no. 4, pp. 67–88.
23. Velde F. R. Chronicle of a Deflation Unforetold. *Journal of Political Economy*, 2009, vol. 117, no. 4, pp. 591–634.
24. Abel A. B., Bernanke B. S., Croushore D. Macroeconomics. 6th ed., Pearson International Edition, 2008, pp. 270–271, 298–99.
25. Barro R. J. Macroeconomics. 4th ed., J. Wiley & Sons, NY, 1993, pp. 167–169.
26. Romer D. Advanced macroeconomics. 3th ed., McGraw Hill, 2006, pp. 498.
27. Engel Ch., West K.D. Exchange Rates and Fundamentals. *Journal of Political Economy*, 2005 vol. 113, no. 3, pp. 485–517.
28. Ashenfelter O. Comparing Real Wage Rates. *The American Economic Review*, 2012, vol. 102, no. 2, pp. 617–642.
29. Mokyr J., Vickers C., Ziebarth N. I. The History of Technological Anxiety and the Future of Economic Growth: Is This Time Different? *Journal of Economic Perspectives*, 2015, vol. 29, no. 3, pp. 31–50.
30. Feldstein M. Resolving the Global Imbalance: The Dollar and the U.S. Saving Rate. *Journal of Economic Perspectives*, 2008, vol. 22, no. 3, pp. 113–125.
31. Anderson J. E., van Wincoop E. Trade Costs. *Journal of Economic Literature*, 2004, vol. 42, no. 3, pp. 691–751.
32. Hanson G. H. The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade. *Journal of Economic Perspectives*, 2012, vol. 26, no. 2, pp. 41–64.
33. Gopinath G., Neiman B. Trade Adjustment and Productivity in Large Crises. *The American Economic Review*, 2014, vol. 104, no. 3, pp. 793–831.

References

1. Micek S. A., Micek E. B. Ekonomicheskiy rost, inflyaciya, investicii i dohody v Rossijskoj Federacii: analiz i prognoz na osnove ehkonometricheskoj modeli [Economic growth, inflation, investment and income in the Russian Federation: analysis and forecast based on the econometric model]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*, 2018, vol. 17, ed. 1, pp. 18–29. (In Russ.)
2. Green W. H. Econometric analysis. 6th ed., Upper Saddle River. NJ: Prentice Hall, 2008, pp. 239–240.
3. Johnston J., DiNardo J. Econometric Methods. 4th ed., NJ : McGraw Hill, 2007, pp. 244–248.
4. Keane M., Rogerson R. Micro and Macro Labor Supply Elasticities: A Reassessment of Conventional Wisdom. *Journal of Economic Literature*, 2012, vol. 50, no. 2, pp. 464–476.
5. Bick A., Fuchs-Schundeln N., Lagakos D. How Do Hours Worked Vary with Income? Cross-Country Evidence and Implications. *American Economic Review*, 2018, no. 108 (1), pp. 170–199.
6. Freeman R. B. People Flows in Globalization. *Journal of Economic Perspectives*, 2006, vol. 20, no. 2, pp. 145–170.
7. Alcalá F., Ciccone A. Trade and Productivity. *Quarterly Journal of Economics*, 2004, vol. 119, no. 2, pp. 613–646.
8. Frankel J., Romer D. Does Trade Cause Growth? *American Economic Review*, 1999, vol. LXXXIX, pp. 379–399.
9. Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Economic Integration and Political Disintegration. *American Economic Review*, 2000, vol. XC, pp. 1276–1296.
10. Van Ark B., O'Mahony M., Timmer M. P. The Productivity Gap between Europe and the United States: Trends and Causes. *Journal of Economic Perspectives*, 2008, vol. 22, no. 1, pp. 25–44.
11. Jorgenson D. W., Ho M. S., Stiroh K. J. A Retrospective Look at the U.S. Productivity Growth Resurgence. *Journal of Economic Perspectives*, 2008, vol. 22, no. 1, pp. 3–24.
12. Moll B. Productivity Losses from Financial Frictions: Can Self-Financing Undo Capital Misallocation? *American Economic Review*, 2014, vol. 104, no. 10, pp. 3186–3221.
13. Gilchrist S., Schoenle R., Sim J., Zakrajšek E. Inflation Dynamics during the Financial Crisis. *American Economic Review*, 2017, no. 107 (3), pp. 785–823.

14. Greenwood J., Hercowitz Z., Krusell P. Long-Run Implications of Investment-Specific Technological Change. *American Economic Review*, 1997, vol. 87, no. 3, pp. 342–362.
15. Samaniego R. M. Entry, Exit, and Investment-Specific Technical Change. *American Economic Review*, 2010, vol. 100, no. 1, pp. 164–192.
16. Haskel J., Lawrence R. Z., Leamer E. E., Slaughter M. J. Globalization and U.S. Wages: Modifying Classic Theory to Explain Recent Facts. *Journal of Economic Perspectives*, 2012, vol. 26, no. 2, pp. 119–140.
17. Bordo M. Three great American disinflations, Board of Governors of the Federal Reserve System. *International Finance Discussion Papers Number*, 2007, no. 898. <https://www.federalreserve.gov/pubs/ifdp/2007/898/ifdp898.pdf>
18. Fisher J. D. M. The Dynamic Effects of Neutral and Investment-Specific Technology Shocks. *Journal of Political Economy*, 2006, vol. 114, no. 3, pp. 413–451.
19. Micek S. A., Micek E. B. Strukturnye faktory rosta ehkonomiki Rossijskoj Federacii: regional'nyj, otraslevoj i makroehkonomicheskij aspekty [Structural factors of economic growth of the Russian Federation: regional, sectoral and macroeconomic aspects]. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*, 2016, no. 7 (216), pp. 118–128. (In Russ.)
20. Chen Yu-Ch., Rogoff K. S., Rossi B. Can exchange rates forecast commodity prices? *The Quarterly Journal of Economics*, 2010, vol. 125, no. 3, pp. 1145–1194.
21. Sargent T., Williams N., Zha T. The Conquest of South American Inflation. *Journal of Political Economy*, 2009, vol. 117, no. 2, pp. 211–256.
22. Dominguez K. M. E. The European Central Bank, the Euro, and Global Financial Markets. *Journal of Economic Perspectives*, 2006, vol. 20, no. 4, pp. 67–88.
23. Velde F. R. Chronicle of a Deflation Unforetold. *Journal of Political Economy*, 2009, vol. 117, no. 4, pp. 591–634.
24. Abel A. B., Bernanke B. S., Croushore D. *Macroeconomics*. 6th ed., Pearson International Edition, 2008, pp. 270–271, 298–99.
25. Barro R. J. *Macroeconomics*. 4th ed., J. Wiley & Sons, NY, 1993, pp. 167–169.
26. Romer D. *Advanced macroeconomics*. 3th ed., McGraw Hill, 2006, pp. 498.
27. Engel Ch., West K. D. Exchange Rates and Fundamentals. *Journal of Political Economy*, 2005 vol. 113, no. 3, pp. 485–517.
28. Ashenfelter O. Comparing Real Wage Rates. *The American Economic Review*, 2012, vol. 102, no. 2, pp. 617–642.
29. Mokyr J., Vickers C., Ziebarth N. I. The History of Technological Anxiety and the Future of Economic Growth: Is This Time Different? *Journal of Economic Perspectives*, 2015, vol. 29, no. 3, pp. 31–50.
30. Feldstein M. Resolving the Global Imbalance: The Dollar and the U.S. Saving Rate. *Journal of Economic Perspectives*, 2008, vol. 22, no. 3, pp. 113–125.
31. Anderson J. E., van Wincoop E. Trade Costs. *Journal of Economic Literature*, 2004, vol. 42, no. 3, pp. 691–751.
32. Hanson G. H. The Rise of Middle Kingdoms: Emerging Economies in Global Trade. *Journal of Economic Perspectives*, 2012, vol. 26, no. 2, pp. 41–64.
33. Gopinath G., Neiman B. Trade Adjustment and Productivity in Large Crises. *The American Economic Review*, 2014, vol. 104, no. 3, pp. 793–831.

Sergey Aleksandrovich Mitsek,

Doctor of Economics, Head of Finance and Credit Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Elena Borisovna Mitsek,

Doctor of Economics, Professor of Management and Marketing Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Russia's Economic Development: the Study of Current Trends Based on Structural Equations of Econometric Model

Importance. The current state of Russia's economic growth makes it necessary to forecast basic macroeconomic indicators for the near future, as well as to determine the impact of internal and external factors on the pace and dynamics of Russian economic growth.

The article presents the results of the analysis following from the estimates of equations of the econometric model which allow determining the influence of the structure of Russian economy on the rates of economic growth, inflation and other key macroeconomic variables.

Objectives. The goal of the authors was to determine the degree of influence of economic policy instruments and of external factors on the growth rates and on the macroeconomic dynamics of Russian economy.

Methods. In this paper long-term elasticity of dependent variables with respect to independent ones were calculated on the basis of the equations' estimated parameters and chosen specifications, and the most influential variables were selected as a result. Based on the calculated elasticity the main factors that influenced the dynamics of dependent variables were analyzed.

Results. Calculations made on the basis of the estimated equations make it possible to understand the reasons of the changes in the growth rates of Russian economy. These reasons include stagnation of total factor productivity, lack of liquidity and reduction in public investment, a slowdown in the pace of the global economy, and Russia's strong dependence on imports.

Conclusions and Relevance. The calculations reflect the high degree of dependence of Russian economy on demographic factors, the significant role of the state, the weakening of the influence of external factors and strengthening of the role of internal ones in determining its macroeconomic trends. Its main problems are the stagnation of total factor productivity and the inadequate level of investment in fixed assets, which preserves the high degree of labor intensity of Russian economy.

Key words: econometric model; the economic growth; investments; inflation; total factor productivity.

Инструменты электронной коммерции в сфере образования

Несмотря на то что на рынке образовательных услуг не так давно начали использовать инструменты электронной коммерции, его достаточно быстро заполнили онлайн-курсы (МООК), что задало совершенно новый тренд в системе современного образования. В наше время цифровизации и глобализации образования МООК уже стало эффективным инструментом продвижения вузов в международном образовательном пространстве, а также это хороший способ привлечения дополнительного дохода. Так, в 2018 году каждый 15-й житель России [3] хотя бы один раз получал образование дистанционно (проходил онлайн-курсы, обучался онлайн в университете другой страны и т. д.). При этом большинство из них дистанционно изучает иностранный язык. На сегодня опубликовано не много работ, посвященных функционированию рынка МООК и перспективам его развития в условиях современной российской системы образования. Поэтому данная работа является актуальной.

Ключевые слова: образование; электронная коммерция; онлайн-образование; массовые открытые онлайн-курсы (МООК); стратегии продвижения.

Еще в 2012 г. влиятельное американское издание *New York Times* провозгласило годом массово открытых онлайн-курсов, сокращенно МООК [10]. Это стало точкой отсчета прогрессирующего роста количества онлайн-курсов, и вместе с ними увеличивается численность людей, которые посещают эти курсы, вебинары, онлайн-семинары и т. д. В гонку по созданию собственных массовых открытых онлайн-курсов по всему миру включились университеты. Чтобы говорить об актуальности таких курсов, необходимо привести данные о количестве человек, которые посетили МООК. Так, в 2017 г. количество университетов, участвующих в онлайн-секторе образования, составило более 700, а численность их слушателей – 81 млн чел. [11]. В следующем 2018 году МООК охватили 900 университетов, собрав 101 млн человек (пользователей) со всего мира [2].

Первоначально на платформах стали размещать онлайн-курсы, для того чтобы достичь социальной цели и предоставить свободный доступ к высококачественному высшему образованию. Кроме этого, таким образом учебное заведение хотело решить свои внутренние задачи – использовать собственные МООК или онлайн-курсы других университетов во время своего учебного процесса [9]. Уже в 2014 году возникает запрос на то, чтобы создать онлайн-программы, основанные на МООК. Вместе с тем размещение МООК на международных платформах дает возможность популяризировать культуру разных стран, а также становится инструментом повышения статуса национальных систем высшего образования в мире. Так, сегодня многие азиатские страны, такие как Китай, Малайзия и Южная Корея, создают МООК, размещают их и занимаются их продвижением на зарубежных онлайн-платформах. Это является одной из важных стратегических задач указанных государств. Таким образом государство создает систему высшего образования, которая будет высоко оценена мировым сообществом и которая будет конкурентоспособна среди ведущих мировых образовательных систем.

---

* **Ирина Очиловна Балашова**, старший преподаватель кафедры информационных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: balashova-76@mail.ru

** **Анастасия Олеговна Балашова**, студентка 2-го курса магистратуры факультета бизнеса и управления, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sia.lost@icloud.com

Такое быстрое распространение МООК связано и с тем, что свои проекты разработчики могут монетизировать. Например, такие онлайн-платформы, как edX и Coursera, вместе с университетами предлагают дополнительные платные услуги сертификации, кроме этого пользователю помогает пройти онлайн-курс личный ассистент. Таким образом поставщики МООК делают все возможное, чтобы их финансовые затраты не только окупались, но и принесли прибыль. Со временем создаются все новые и новые модели монетизации МООК, а старые подвергаются усовершенствованию. В 2014 г. мировой рынок МООК был оценен в \$1,13 млрд, а к 2019 г. он, как ожидается, вырастет до \$7,69 млрд [7].

В мире МООК возникла высокая конкуренция между университетами, что стало новым инструментом для продвижения образовательного бренда вузов среди потенциальных абитуриентов. Это касается и иностранных студентов. Кроме того, теперь МООК стала площадкой, где сертификаты могут приобретать физические лица, а также корпоративные клиенты, которые имеют возможность заказать серию онлайн-курсов, посредством которой их сотрудники смогут развивать у себя необходимые компетенции, тем самым повышая свою квалификацию и развиваясь.

Сегодня многие российские университеты разрабатывают и реализуют онлайн-курсы. Но на сегодняшний день нет полноценных и глубоких работ, в которых исследовался бы рынок МООК и его перспективы в России. Одной из таких попыток стало исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий, которое в 2017 году провела компания «Нетология Групп» [1]. Здесь было рассмотрено развитие онлайн-образования в целом, но не описывались подробности международного рынка МООК. В других работах авторов представлена история создания и развития МООК, но не проведено исследование по перспективам России на международном рынке МООК.

Еще в 2015 году на рынке МООК начали формироваться международная и национальная площадки. На международном рынке МООК представлены университеты, а также другие организации разных стран мира, которые являются производителями онлайн-курсов на разных языках. Производители из разных стран, а также потребители таких онлайн-курсов являются субъектами этого рынка. Тогда как на национальной площадке представлены провайдеры одной или нескольких стран, которые производят МООК на государственном языке. Примером таких компаний является MiriadaX [5], где представлены курсы на испанском языке; на FUN [6] размещены онлайн-курсы исключительно на французском, на XuetangX [14] – на китайском, на НПОО – на русском языке.

В 2018 году на платформы МООК регистрировались хотя бы 20 миллионов новых пользователей. Для сравнения, и в 2017-м, и в 2016 году на платформы онлайн-обучения приходили по 23 миллиона человек. Несмотря на это, количество пользователей, готовых платить за онлайн-обучение, выросло. Это показывает, что модели монетизации МООК-платформ работают эффективно. Такие провайдеры, как Coursera, получают немалые доходы. Так, Forbes во второй половине 2018 года составил список стартапов стоимостью в миллиард долларов. Одна из компаний в этом списке – Coursera. Поэтому возможно, что Coursera присоединится к Udacity в клубе единорогов (компаний-миллиардеров). Udacity достигла отметки в миллиард долларов в 2015 году, когда привлекла финансирование в размере 105 миллионов долларов. По данным Forbes, прогнозируемый доход Coursera в 2018 году составляет около 140 миллионов долларов. В 2017 году Class Central оценил Coursera в диапазоне примерно 100 миллионов долларов. Для сравнения, выручка Udacity в 2017 году составила 70 миллионов долларов по сравнению с 29 миллионами долларов в 2016-м, имеет доход £8,2 млн [12]. В настоящее время Coursera имеет три разных источника дохода: прямой доступ к по-

требителю, корпоративное обучение и онлайн-дипломы. Предлагая продукт по любой цене, Coursera и другие поставщики MOOC могут продавать свой базовый продукт по цене от нулевой до миллионов долларов.

Если говорить о провайдерах, то в течение последних трех лет пятерка лидеров остается прежней. Coursera остается абсолютным лидером по количеству зарегистрированных пользователей онлайн-курсов. Так, в 2018 году здесь обучалось 37 миллионов студентов, что в 2 раза больше, чем на edX, которая занимает почетное второе место. В этом можно убедиться, проанализировав диаграмму, составленную Class Central.

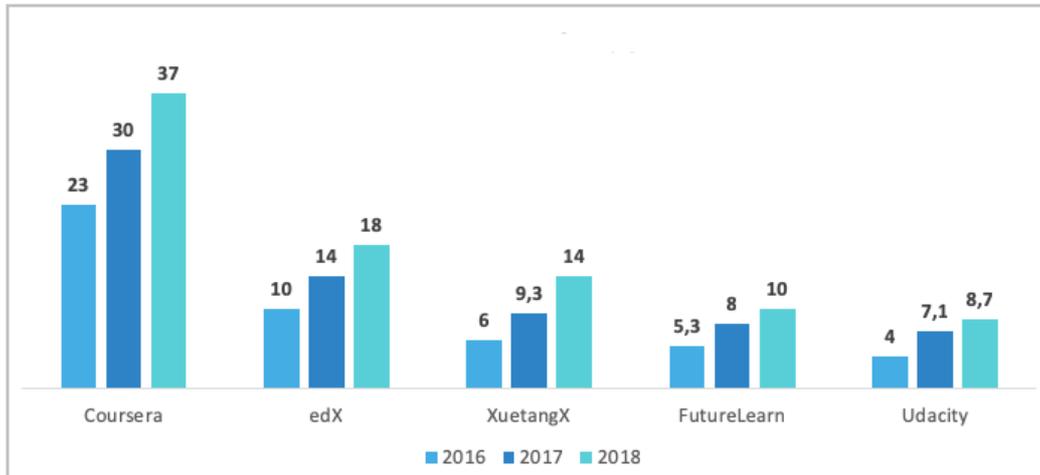

Рис. 1. Количество пользователей MOOC-платформ, млн чел. [2]

Также хочется отметить, что, несмотря на рост количества доступных курсов, количество информации в них становится все меньше. В последние годы продолжительность курсов становится все меньше по времени, а их расписание – более гибким. Количество слушателей увеличивается не так быстро, поэтому каждый курс получает все меньше пользователей.

У Coursera сейчас 3 100 активных курсов. За все время они запустили 3 800 курсов, но многие были закрыты. Каталог edX насчитывает 2 200 курсов. Future Learn приближается к тысяче курсов.

Согласно данным Forbes, предполагаемый доход Coursera в 2018 году – \$140 миллионов. Для сравнения, в 2017 году Class Central оценивал доход Coursera в \$100 миллионов.

Общий доход Udacity в 2018 году вырос на 25 % и составляет \$90 миллионов.

Future Learn заработала £8,2 миллиона за последний финансовый год (до конца июля 2018). Это около \$10 миллионов. Компания собирается привлечь £40 миллионов инвестиций.

В 2018 году Coursera, edX, Future Learn и XuetangX объявили о запуске новых онлайн-дипломов – программ, пройдя которые можно получить магистерскую или бакалаврскую степень. Количество программ с дипломами выросло до 47. В 2017 году их было всего 15.

Давал Ша, исполнительный директор Class Central, считает онлайн-дипломы «второй волной хайпа» онлайн-курсов. Многие из анонсированных программ все еще не начали работу и даже не принимают заявок.

В 2018 году специализации – подборки тематических онлайн-курсов – уже перестали быть хитом, уступив все внимание онлайн-дипломам. Тем не менее за последний год запустилось более 120 новых специализаций. Теперь существует около 630 специализаций 10 разных типов. Правда, абсолютное большинство из них принадлежит либо Coursera, либо edX.

Coursera запустила новый тип специализаций под названием «Master Track». Это более дешевая версия программ edX «Micro Masters».

В целом распределение курсов по предметам не изменилось с предыдущего года. 40 % курсов относятся к категориям, которые легко монетизировать: бизнес и технологии.

Таблица

Распределение MOOK по предметам [2]

Название предмета	Доля на рынке MOOK, %
Технологии	21
Математика	3
Искусство и дизайн	5
Инженерия	7
Здоровье и медицина	7
Образование и подготовка кадров	9
Наука	9
Гуманитарные науки	9
Социальные науки	12
Бизнес	18

На основании полученных данных была составлена следующая диаграмма, в которой можно увидеть распределение MOOK по предметам.

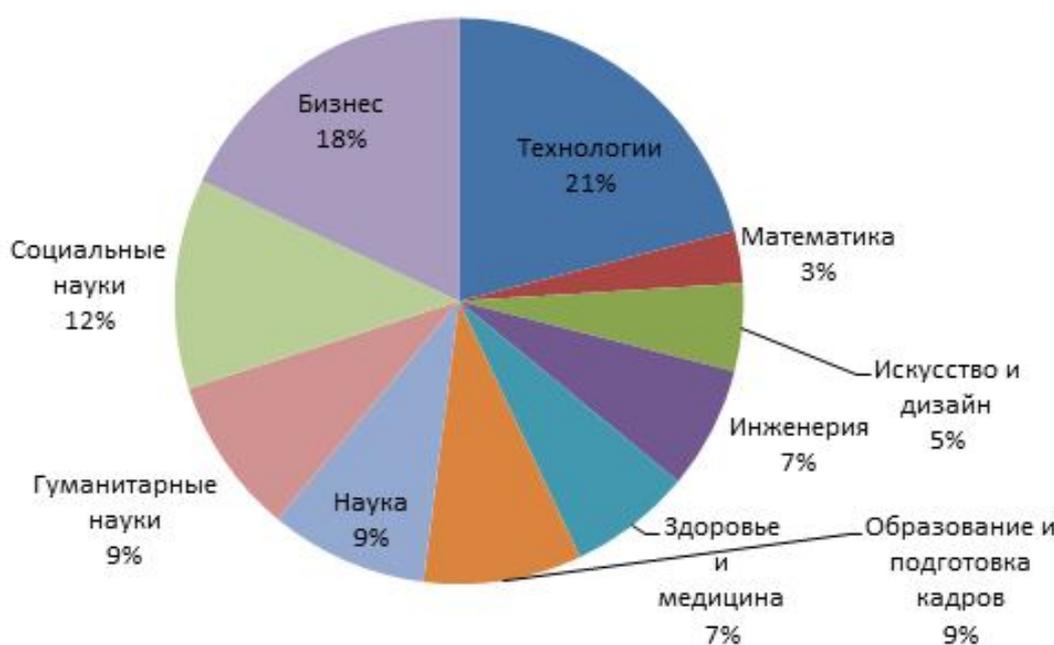

Рис. 2. Распределение MOOK по предметам

Российский рынок корпоративного образования оценивается в 3 млрд руб. Большую часть денег приносят корпорации типа «Газпромбанк», «Лукойл» и «Росгосстрах». Дистанционное обучение персонала заметно экономит средства. Исследование показало, что 69 % компаний обучают сотрудников сами и привлекают сторонние фирмы, 21 % – самостоятельно контролируют обучение и 10 % – отдают образование работников на аутсорсинг.

Средняя стоимость обучения слушателя корпоративной программы зависит от численности курса и достигает 40 % от суммы, которую платит частный клиент при прямых продажах.

Компании нередко адаптируют под себя готовый обучающий контент. Затраты на его кастомизацию достигают десятков миллионов рублей. Вероятно, из-за этого на рынке востребованы инструменты для создания учебных материалов или системы управления обучением.

Госучреждения составляют 60–70 % клиентов для разработчиков образовательных проектов. Инертность государственной системы замедляет развитие рынка, но не становится преградой для бизнеса. Так, годовая выручка образовательных проектов фонда «Сколково» в 2016 году составила около 1,2 млрд руб.

Согласно данным, предоставленным в Cossa, сегодня почти 3 % населения РФ изучают иностранные языки посредством онлайн-обучения. Причем их услугами пользуются люди в возрасте от 15 до 64 лет. Большинство посетителей онлайн-курсов иностранных языков выбирают для изучения английский язык (89 % обучающихся), немецкий язык изучают всего 10 %, тогда как французскому языку отдают предпочтение 4 % обучающихся, китайскому – 3 %, итальянскому и испанскому – по 2 %. Как было отмечено, большинство респондентов изучают языки для того, чтобы можно было общаться во время путешествий, либо это им необходимо для продвижения на работе.

Если рассматривать ценовую разницу между обучением в онлайн и офлайн, то стоимость одной недели обучения на офлайн-занятиях составляет 1 000 руб. в неделю, тогда как в онлайн пользователи тратят 502 руб. за неделю обучения с репетитором. Если же респондент занимается самостоятельно в Интернете, то это ему обходится в 175 руб. в месяц. «Жизненные циклы» слушателей в обоих случаях равны примерно 3,8 месяца в год.

Поставщики языкового образования пользуются 4 способами монетизации:

- freemium¹ с последующей подпиской;
- прямые продажи курсов;
- рекламная модель;
- продажа индивидуальных онлайн-занятий с учителями.

Лидером среди указанных способов является Freemium-модель [1].

Если говорить о традиционных языковых школах, то необходимо отметить, что здесь не наблюдается прогрессивных действий. Поэтому крупные учебные центры развивают собственные онлайн-продукты с прицелом на смешанное обучение, зачастую это групповые занятия с онлайн-тренажерами.

Исследователи считают, что одной из перспективных целевых аудиторий языковых сервисов являются школьники. Для них скоро появятся отдельные модели с обильной геймификацией. На сегодняшний день замечено, что в сервисах самостоятельного обучения очень мало респондентов. Это связано со слабой вовлеченностью и низкой мотивацией аудитории [4].

Подводя итог нашей работе, можно сделать вывод, что в ближайшие 5–7 лет массовые открытые онлайн-курсы будут все более востребованными. Ведь для их посещения не нужно тратить время на проезд, и на каждой платформе есть бесплатные курсы, попробовав которые каждый пользователь сможет решить для себя, заниматься ли ему дальше на платной основе или необходимо искать для себя что-то другое. Что касается самих MOOC-платформ, то модели монетизации у них окупаются, а это также свидетельствует о том, что заниматься этим выгодно, главное – постоянно совершенствоваться и разрабатывать новые стратегии для привлечения пользователей.

---

¹ Бизнес-модель, которая заключается в предложении воспользоваться онлайн-сервисом или услугой бесплатно, в то время как расширенная (улучшенная, премиум) версия продукта, его дополнительная функциональность, или сервисы, другие продукты, связанные с основным, предлагаются за дополнительную плату.

Литература

1. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий // Edmarket Research. – URL: <http://edumarket.digital> (дата обращения: 12.02.2019).
2. MOOC в цифрах: 2018 год // Edutainme. – URL: <http://www.edutainme.ru/post/MOOC-2018/> (дата обращения: 30.01.2019).
3. Преимущества современного онлайн-образования // Promdevelop. – 27.12.2018. – URL: <https://promdevelop.ru/rabota/preimushhestva-sovremennogo-onlajn-obrazovaniya/> (дата обращения: 30.01.2019).
4. Рожков Р. С полным погружением в интернет: рынок языкового обучения переходит в онлайн // Коммерсантъ. – 06.09.2017. – № 164. – С. 9. – URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/3403096> (дата обращения: 13.02.2018).
5. Cursos // MiríadaX : [сайт]. – URL: <https://miriadaX.net/cursos> (дата обращения: 12.02.2019).
6. Fun MOOC. – URL: <https://www.fun-mooc.fr/about> (дата обращения: 12.02.2019).
7. How do MOOCs Make Money? // Technavio. – 09.12.2015. – URL: <https://www.technavio.com/blog/how-do-moocs-make-money> (дата обращения: 10.02.2019).
8. How much does it cost to create an online course? – URL: <https://raccoongang.com/blog/how-much-does-it-cost-create-onlinecourse/> (дата обращения: 10.02.2019).
9. Kizilcec R. F., Perez-Sanagustín M., Maldonado J. J. Self-regulated learning strategies predict learner behavior and goal attainment in Massive Open Online Courses // Computers & Education. – 2017. – Vol. 104. – P. 18–33. – URL: <http://rene.kizilcec.com/wp-content/uploads/2016/11/kizilcec2017srl.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).
10. Pappano L. The year of the MOOC // The New York Times. – 02.11.2012. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/11/04/education/edlife/massive-open-online-courses-are-multiplying-at-a-rapid-pace.html> (дата обращения: 30.01.2019).
11. Shah D. A Product at Every Price: A Review of MOOC Stats and Trends in 2017 // Class Central. – 22.01.2017. – URL: <https://www.class-central.com/moocs-year-in-review-2017> (дата обращения: 30.01.2019).
12. Shah D. Coursera's 2018 Revenue Estimated to be \$140 million // Class Central. – 21.10.2018. – URL: <https://www.class-central.com/report/coursera-2018-revenue-140-million/> (дата обращения: 13.02.2019).
13. Shah D. Year of MOOC-based Degrees: A Review of MOOC Stats and Trends in 2018 // Class Central. – 06.01.2019. – URL: <https://www.class-central.com/report/moocs-stats-and-trends-2018/> (дата обращения: 01.02.2019).
14. XuetaangX : [сайт]. – URL: <http://www.xuetaangx.com/global> (дата обращения: 12.02.2019).

Irina Ochilovna Balashova,

Senior Lecturer at Information Technologies Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Anastasia Olegovna Balashova,

Master Student,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

E-Commerce Tools in Education

Despite the fact that the market of educational services began to use e-Commerce tools not long ago, it was quickly filled with online courses (MOOC), which brought a completely new approach to the system of modern education. In modern times when the processes of digitalization and globalization take place, MOOC has become an effective tool for promoting Universities in the international educational space, and it is a good way to attract additional income. Thus, in 2018 every 15th resident of Russia at least once received education online (took online courses, studied online at the University of another country, etc.). At the same time, most of them learn foreign languages online. Today, there are relatively few publications concerning the research of the MOOC market and presenting the prospects of its development in the modern Russian education system. Therefore, this work seems relevant enough.

Key words: education; e-Commerce; online education; mass open online courses (moocs); promotion strategies.

Маркетинговое обоснование проекта повышения конкурентоспособности компании сферы услуг

Статья посвящена проблеме маркетингового обоснования проекта повышения конкурентоспособности компании путем использования методик маркетингового анализа. Речь идет, в первую очередь, об изучении потребностей и анализе основных ценностей потребителей ресторанных услуг. Также в статье представлен анализ конкурентоспособности предприятия, составлен многоугольник конкурентоспособности и лист конкурентоспособности предприятия относительно предприятий-конкурентов. Были определены ключевые проблемы предприятия и приняты маркетинговые решения. Для повышения конкурентоспособности предлагается использовать неценовые методы конкуренции, а именно повышение потребительской ценности в процессе обслуживания клиентов за счет внедрения концепции бережливого производства в деятельность предприятия. Таким образом, завоевание конкурентного преимущества будет достигаться путем сервисной дифференциации.

Ключевые слова: проектное управление; бережливое производство; маркетинговое обоснование; конкурентоспособность компании; сегментирование; основные ценности потребителей; повышение потребительской стоимости; многоугольник конкурентоспособности; лист оценки конкурентоспособности.

Основные положения:

- ◆ предложен новый, наиболее эффективный подход для повышения конкурентоспособности предприятия за счет слияния методологии проектного управления, концепции бережливого производства и маркетинга, обеспечивающих тем самым синергетический эффект;
- ◆ обозначены точки соприкосновения маркетинга и концепции бережливого производства;
- ◆ проведен анализ потребителей ресторанных услуг, и выявлены основные потребительские ценности целевых сегментов;
- ◆ проведен конкурентный анализ предприятия (построен многоугольник и разработан лист оценки конкурентоспособности), в ходе которого выявлены основные причины, препятствующие достижению желаемого уровня конкурентоспособности;
- ◆ разработано маркетинговое обоснование необходимости проекта внедрения бережливого производства в деятельность предприятия.

---

* **Марина Анатольевна Ильшева**, канд. экон. наук, доцент кафедры маркетинга Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: maril@mail.ru

** **Оксана Юрьевна Яценко**, канд. пед. наук, доцент кафедры маркетинга Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: sunny1.3@mail.ru

*** **Дарья Ивановна Патракова**, магистрант кафедры маркетинга Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: patrakova88895@mail.ru

Введение

Обострение конкурентной борьбы в условиях высокой турбулентности окружающей среды не только способствует повышению деловой активности компаний, но и детерминирует организационные улучшения в них на уровне процессов и персонала. Предприятия сферы услуг модернизируют системы обслуживания потребителей, моделируют качество услуг за счет применения инновационных технологий эффективного управления, менеджмента и маркетинга.

Положительная динамика рынка услуг общественного питания г. Екатеринбурга за 2017 год, увеличение оборота по отношению к 2016 году на 6,8 % [1], прирост 63 объектов при одновременном экономическом спаде и снижении благосостояния населения востребуют необходимость разработки стратегии повышения конкурентоспособности актора данного рынка.

В данном проблемном поле конкурентоспособными останутся лишь маркетингово-ориентированные организации, диагностирующие и удовлетворяющие потребности потребителей, оказывающие парадоксальные по соотношению «цена/качество» услуги – максимально высокого, премиального качества по предельно возможной низкой цене.

Это предприятия, адаптирующиеся применительно к потребителю, ставшие на путь конвертации своих компетенций в соотношение «цена – качество».

Такой синергетический подход возможно реализовать в рамках маркетинга, методологии проектного управления и использования концепции бережливого производства.

Однако для того, чтобы применение данной концепции имело определенный результат, а также обеспечило победу предприятия над своими основными конкурентами, требуются дополнительные исследования специфики основных ценностей потребителей.

К числу основополагающих трудов, посвященных изучению потребителей, их потребностей и поведению на рынке, относятся работы отечественных и зарубежных специалистов в области маркетинга, менеджмента и поведения потребителей, таких как Ф. Котлер, Р. Блэкуэлл, Р. Бест, И. В. Котляревская, И. В. Алешина и др.

Изучению конкурентоспособности посвящены труды Г. Л. Багиева, Р. М. Портера, А. Фатхутдинова, Ж. Ж. Ламбена. Однако в научной литературе не существует единого определения конкурентоспособности, которое могло бы всесторонне отразить ее сущность как экономической категории. Одни авторы под «конкурентоспособностью предприятия» понимают способность предприятия производить конкурентоспособный товар. Другие же – конкурентоспособность предприятия связывают не только с товарной составляющей конкурентоспособности, но и с производственной деятельностью субъекта.

Н. К. Моисеева предлагает оценивать конкурентоспособность компании по двум критериям: эффективности производства и степени удовлетворения потребителя. Оба этих показателя могут быть достигнуты, улучшены за счет реализации проекта бережливого производства, отправной точкой которого должно стать маркетинговое обоснование [2].

В отечественной и зарубежной маркетинговой и менеджериальной научной литературе не представлены публикации по маркетинговому обоснованию внедрения проектов бережливого производства в сфере услуг, в том числе в сфере услуг общественного питания. Лишь некоторые авторы делают попытки увязать философию Лин и разработку маркетинговых стратегий [3].

Цель данного исследования – провести маркетинговое обоснование проекта внедрения и использования инструментов Лин-технологий для дальнейшей разработки и реализации мероприятий по повышению конкурентоспособности предприятия в рамках концепции бережливого производства.

Методы

Эмпирической базой исследования послужили отчеты о финансово-хозяйственной деятельности предприятия, статистические материалы, экспертные оценки специалистов, собственные расчеты авторов и данные, опубликованные в средствах массовой информации.

В качестве методологического инструментария в данной работе были использованы следующие методы анализа: сегментирование, лист оценки конкурентоспособности, многоугольник конкурентоспособности, показатели экономической эффективности (чистая прибыль, рентабельность и срок окупаемости).

Результаты и обсуждение

Объектом исследования являлся ресторан «Портофино» в г. Екатеринбурге (Группа компаний «ЮСТА»). Для повышения конкурентоспособности ресторана на рынке ресторанных услуг г. Екатеринбурга было дано маркетинговое обоснование проекта по внедрению концепции бережливого производства в процесс обслуживания клиентов. Данная концепция представляет собой набор конкретных методов и технологий, направленных на повышение конкурентоспособности предприятия за счет сокращения различного рода потерь, как в системе производства, так и в системе потребления. Однако для того, чтобы применение данной концепции имело определенный результат, а также обеспечило победу предприятия над своими основными конкурентами, требуются дополнительные исследования специфики потребителей, их ценностей для разработки и реализации мероприятий по повышению конкурентоспособности предприятия в рамках концепции бережливого производства.

Новизна, оригинальность предлагаемых методов и подходов состоит в том, что ранее не использовалась методология проектного управления, концепция бережливого производства для повышения конкурентоспособности предприятий сферы услуг общественного питания, не рассматривалось использование потенциала маркетинга, его методология и инструментарий для обоснования. Отправной точкой бережливого производства является ценность. При этом ценность товара или услуги, создаваемая производителем, может быть определена только конечным потребителем. Маркетинговый подход к управлению современным предприятием сферы услуг общественного питания позволит повысить конкурентоспособность последнего.

Предлагаемый подход также оригинален в том, что ранее использовали методологию проектного управления, внедряли концепцию бережливого производства на предприятиях, производивших товары, например автомобили, самолеты. Нами же предложено использование данного инструментария для маркетинга услуг. Существенным отличием маркетинга товаров от маркетинга услуг, впервые отмеченным Д. Ратмелом, является не пошаговость процессов производства товара, маркетинга и потребления, а то свойство услуги, что производство, маркетинг и потребление происходят одновременно [4]. Ценность услуги, создаваемая производителем (зачастую совместно с потребителем), например, в рамках обслуживания в действии «Сервакшн»-модели П. Эйглие и Е. Лангеарда, является точкой роста конкурентоспособности предприятия в условиях растущей неопределенности и рискованности окружающей среды [5]. Именно маркетинг услуг общественного питания, многокомпонентность, многоаспектность, персонифицированность, кастомизированность термина «качество услуги» востребуют методологию проектного управления, концепцию бережливого производства для повышения конкурентоспособности предприятия.

В современных условиях выживают только эффективные предприятия, которые при минимальных издержках достигают максимальной отдачи. Такой эффект обычно достигается за счет увеличения стоимости продукции/услуг или за счет

снижения издержек. Снижение издержек возможно благодаря переходу к более дешевым ресурсам (что негативно сказывается на качестве продукции и неприемлемо на рынке услуг общественного питания) либо за счет оптимизации производственных процессов. Система бережливого производства ориентирована именно на последний подход.

Бережливое производство (Lean production) – это концепция менеджмента, основанная на неуклонном стремлении к устранению всех видов потерь. Бережливое производство предполагает вовлечение в процесс оптимизации бизнеса каждого сотрудника и максимальную ориентацию на потребителя [6]. Маркетинг в центре своего внимания также ставит клиента с его потребностями. Концепция традиционного маркетинга ориентирует предприятие на выявление и анализ потребностей клиентов, все средства оперативного маркетинга – услуга, цена, сбыт, продвижение, люди, процесс и физическое окружение – используются в расчете на особенности потребителя.

Применение концепции бережливого производства – это прямой путь предприятия к завоеванию конкурентного преимущества «по издержкам» (Лин-технологии направлены на оптимизацию потока создания ценностей, сокращение потерь [7]), а также к завоеванию конкурентного преимущества «по дифференциации» (на это направлены методы обеспечения качества, а также потребитель получает товар «точно вовремя» и именно в той спецификации, которая ему нужна). Комбинируя эти два преимущества, потребитель получает оптимальную ценность по разумной цене.

Ресторан «Портофино», итальянский ресторан-траттория, относится к типу предприятий, ориентированных на маркетинг (1-й этап). Так как деятельность ресторана «Портофино» основана на концепции традиционного маркетинга, то главной задачей, стоящей перед предприятием, является отражение потребностей (выявленных проблем) целевых сегментов в своих услугах лучше, чем это делают конкуренты, и получение прибыли именно за счет удовлетворения этих потребностей.

В сложившейся ситуации предприятию необходимо разрабатывать мероприятия для повышения своей конкурентоспособности. При этом большинство из них должно быть направлено на повышение ценности для потребителя и снижение издержек производства. В совокупности это позволит улучшить экономические показатели.

Так как отправной точкой внедрения бережливого производства является ценность, которая может быть определена только конечным потребителем, был проведен анализ потребителей ресторанных услуг г. Екатеринбурга (сегментирование методом «вложенной иерархии» [8]), было выделено 324 сегмента, из которых 3 целевых. В ходе сегментирования были определены основные ценности потребителей (табл. 1).

При разработке мероприятий для повышения конкурентоспособности ресторана «Портофино» необходимо ориентироваться на основные ценности потребителей данных целевых сегментов. Следовательно, работать над соответствием цены и качества предоставляемых услуг, повышать скорость обслуживания, а также развивать профессионализм обслуживающего персонала.

Проведенный анализ конкурентной среды и конкурентоспособности ресторана «Портофино» на рынке ресторанных услуг показал, что конкуренция высока.

Основные ценности потребителей услуг ресторана

№	Целевой сегмент покупателей	Основные потребительские ценности
1	Жители Екатеринбурга в возрасте 25–59 лет с ежемесячным душевым доходом от 35 001 руб., не имеющие детей и посещающие ресторан 1–3 раза в месяц с целью отдыха	1. Соотношение цена/качество. 2. Наличие уникальных блюд
2	Жители Екатеринбурга в возрасте 25–59 лет с ежемесячным душевым доходом от 35 001 руб., имеющие детей и посещающие ресторан 1–3 раза в месяц с целью отдыха	1. Высокая скорость обслуживания. 2. Наличие уникальных услуг (увлекательная детская комната, мастер-классы для детей, живая музыка и т. п.)
3	Жители Екатеринбурга в возрасте 25–59 лет с ежемесячным душевым доходом от 35 001 руб., имеющие детей и посещающие ресторан 1–5 раз в год для того, чтобы организовать праздничное мероприятие	1. Профессионализм и приветливость обслуживающего персонала. 2. Широкий выбор блюд и напитков

Для определения конкурентной позиции ресторана «Портофино» на рынке ресторанных услуг г. Екатеринбурга был проведен анализ конкурентоспособности (по М. Портеру), который показал, что наиболее сильное влияние на положение ресторана «Портофино» в отрасли оказывают потребители и существующие конкуренты. Данное влияние в большей степени обусловлено несоответствием соотношения «цена/качество» услуг и их слабой дифференциацией. Под слабой дифференциацией в большей степени подразумевается предоставляемый рестораном сервис, куда включены: скорость обслуживания, профессионализм и внимательность персонала, т. е. все, что наиболее ценно для потребителя.

Конкурентное преимущество ресторана «Портофино» основано на стратегии «дифференциации», которая достигается путем создания продуктов, воспринимаемых потребителями как уникальные. Конкурентное преимущество ресторана «Портофино» – это наличие эксклюзивных блюд, разработанных по собственной уникальной технологии. Стержневой компетенцией, за счет которой достигается конкурентное преимущество предприятия, является наличие знаний и необходимых навыков в области итальянской кухни у шеф-повара ресторана и постоянное их совершенствование.

Для анализа конкурентоспособности ресторана «Портофино» была использована методика исследования конкуренции на рынке, предложенная И. В. Котляревской. Выявленные действующие и потенциальные конкуренты представлены в таблице 2.

По данным табл. 2 видно, что количество ресторанов в Екатеринбурге, удовлетворяющих весь комплекс запросов, предъявляемых потребителями к ресторанным услугам, составляет 11 заведений. Рестораны, специализирующиеся на итальянской кухне и удовлетворяющие специфические потребности отдельных сегментов рынка, следующие: итальянский ресторан «Моретти», предлагающий своим посетителям караоке, и итальянский ресторан «Dolce Vita», радующий своих посетителей различными концертами и выступлениями звезд. Компании, производящие товары и услуги (субституты), – это рестораны, специализирующиеся на другой кухне, различные кафе, кофейни, бары, заведения быстрого питания города Екатеринбурга. Можно сделать вывод, что конкуренция на рынке ресторанных услуг достаточно высока.

Таблица 2

Действующие и потенциальные конкуренты ресторана «Портофино»¹

Компании, предлагающие аналогичный тип продукции на тех же рынках			Компании, производящие товары-субституты, способные потеснить товар
Удовлетворяющие весь комплекс запросов, предъявляемых покупателем к ресторанным услугам (итальянская кухня)	Удовлетворяющие специфические потребности отдельных сегментов рынка	Намечающие выход на рынок с аналогичной продукцией	
Домашний итальянский ресторан «Carbonara»; Итальянский ресторан «Donna Olivia»; Ресторан «Maccheroni»; Семейный ресторан «Farfalle»; Остерия-бар «Sortiso»; «Il Patio»; «Gabbiano»; «Dieci»; «Труффальдино»; «Касторка»; «Fratelli Spirini»	Ресторан «Моретти» – караоке, спортивные трансляции. Ресторан «Dolce Vita» – концерты, выступления звезд	Нет данных	Рестораны (специализирующиеся на другой кухне), кафе, кофейни, бары, ночные клубы, заведения быстрого питания и др. (Екатеринбург, всего 2 183 заведения.)

Основные конкуренты ресторана «Портофино» – это итальянские рестораны города, удовлетворяющие весь комплекс запросов, предъявляемых покупателем к ресторанным услугам (итальянской кухне). При этом в соответствии с требованиями ГОСТ Р 50762-2007 «Услуги общественного питания. Классификация предприятий общественного питания» данные заведения относятся к классу «высший». Рестораны, соответствующие данным критериям, – это домашний итальянский ресторан «Carbonara» и итальянский ресторан «Donna Olivia». Остальные заведения относятся к классам «люкс» или «первый».

Был проведен анализ основных характеристик и показателей деятельности конкурентов, определена доля рынка ресторана «Портофино» и его основных конкурентов, выявлены сильные и слабые стороны конкурентов, был построен многоугольник конкурентоспособности. Компетентность предприятий была оценена по нижеследующим векторам (на рисунке экспертные оценки представлены в виде графического изображения – многоугольника конкурентоспособности); баллы были выставлены по пятибалльной шкале с учетом экспертной оценки, где в качестве экспертов выступали потребители ресторанов (были проанализированы отзывы посетителей ресторанов в интернет-источниках) и сотрудники ресторана «Портофино».

Для более точного анализа были рассчитаны площади многоугольников и сделан вывод о том, что заведение занимает не лидерскую позицию. Наибольшую площадь многоугольника имеет ресторан «Carbonara». Следовательно, данный ресторан является наиболее опасным конкурентом. В большей степени отставание ресторана «Портофино» обусловлено низкой скоростью обслуживания и высоким уровнем цен относительно конкурентов, что влечет за собой недовольство потребителей и их отток. Также предприятию следовало бы повышать профессионализм обслуживающего персонала, чтобы быть максимально конкурентоспособным.

¹ Составлено авторами по: [8].

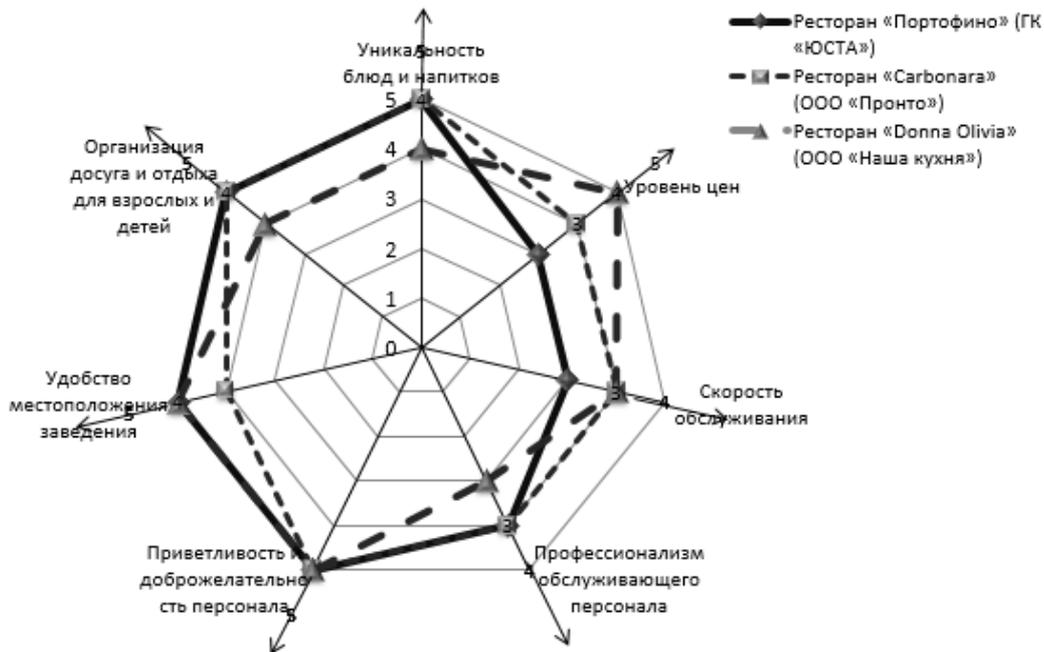

Рис. Многоугольник конкурентоспособности ресторана «Портофино» относительно конкурентов²

В дополнение к такому анализу был составлен лист оценки конкурентоспособности компании относительно конкурентов (табл. 3).

Таблица 3

Лист оценки конкурентоспособности ресторана «Портофино» относительно предприятий-конкурентов³

Факторы	Ресторан «Портофино»	Конкуренты	
		Ресторан «Carbonara»	Ресторан «Donna Olivia»
<i>1P – Услуга</i>			
1. Ширина ассортимента блюд и напитков	5	5	4
2. Насыщенность ассортимента блюд и напитков	5	5	3
3. Наличие уникальных блюд и напитков	5	5	4
4. Оригинальное оформление блюд и напитков	4	5	4
5. Вкусовые качества блюд и напитков (в т. ч. свежесть продуктов)	5	5	4
6. Наличие уникальных услуг (мастер-классы, живая музыка и т. п.)	5	4	4
Итого баллов по 1P	29	29	24
<i>2P – Цена</i>			
1. Прейскурантная цена	3	4	5
2. Цена со скидкой	4	5	5
Итого баллов по 2P	7	9	10

² Составлено авторами по: [8].

³ Составлено авторами по: [8].

<i>3Р – Каналы сбыта</i>			
1. Прямой сбыт	5	5	5
Итого баллов по 3Р	5	5	5
<i>4Р – Продвижение услуг на рынке</i>			
1. Печатная реклама в специализированных изданиях	4	3	3
2. SMM-маркетинг	4	4	4
3. Наружная реклама	4	4	4
4. Бонусная система, скидки для постоянных посетителей	4	5	5
Итого баллов по 4Р	16	16	16
<i>5Р – Люди</i>			
1. Уровень профессионализма персонала высшего звена	5	5	4
2. Уровень обученности обслуживающего персонала	4	4	3
Итого баллов по 5Р	9	9	7
<i>6Р – Процесс</i>			
1. Музыкальное сопровождение	5	5	5
2. Скорость обслуживания	3	4	4
3. Вежливость и доброжелательность обслуживающего персонала	5	5	5
4. Внимательность обслуживающего персонала	3	4	3
Итого баллов по 6Р	16	18	17
<i>7Р – Физическое окружение</i>			
1. Наличие удобной парковки для гостей ресторана	4	3	4
2. Оригинальность интерьера, соответствие концепции заведения	5	4	5
3. Наличие детской игровой комнаты	5	5	5
4. Внешний вид обслуживающего персонала	5	5	5
5. Эргономичная планировка помещения	5	5	4
Итого баллов по 7Р	24	22	23
Итого по разделам	106	108	102

Анализ Листа оценки конкурентоспособности ресторана «Портофино» показал, что наиболее неконкурентоспособной компания является по таким элементам комплекса маркетинга, как цена и процесс обслуживания, и конкретно по следующим критериям:

- преysкурантной цене;
- скорости обслуживания;
- внимательности персонала.

Чтобы повысить конкурентоспособность ресторана «Портофино» на рынке ресторанных услуг г. Екатеринбурга, в первую очередь необходимо разработать мероприятия по совершенствованию цены и процесса обслуживания потребителей, а также добиться, чтобы обслуживающий персонал был более внимательным, разработать эффективную систему мотивации. Так как снижение цены не всегда приводит к повышению эффективности деятельности предприятия, нужно выстроить цепочку создания потребительской ценности во время обслуживания посетителей ресторана таким образом, чтобы они были готовы платить установленную цену за услуги.

Был определен первый сдерживающий фактор повышения конкурентоспособности – это высокая цена за услуги по сравнению с основными конкурентами.

Очевидно, что в ходе проекта внедрения бережливого производства данный фактор корректировать не рекомендуется. Несмотря на то что Лин-технологии направлены на снижение себестоимости продукции, использование ценовых методов конкуренции может привести к таким отрицательным последствиям, как получение меньшего процента прибыли, снижение цен на свои услуги другими участниками рынка («война цен»), а также к кризису отрасли. Потребители, привлеченные только за счет ценового демпинга, при появлении другого конкурента, предлагающего еще более низкие цены, являются «неустойчивыми» и могут уйти.

Следовательно, для повышения конкурентоспособности рекомендованы неценовые методы конкуренции, а именно: повышение потребительской ценности в процессе обслуживания посетителей с момента появления гостя в заведении и до его ухода. Выявленной потребительской ценностью явились высокая скорость обслуживания, внимательность и профессионализм со стороны обслуживающего персонала. Таким образом, завоевание конкурентного преимущества будет достигаться путем сервисной дифференциации. Для реализации этих задач должен быть разработан и внедрен проект бережливого производства в процесс обслуживания потребителей услуг ресторана «Портофино».

Заключение

Маркетинговое обоснование проекта бережливого производства – насущная необходимость, без которого неопределенную, несформулированную ценность нельзя создавать для завоевания конкурентного преимущества.

Проведенное маркетинговое обоснование проекта и маркетинговый анализ с использованием различных методик позволили определить целевую аудиторию ресторана, а также сформулировать основные ценности потребителей целевых сегментов, которые в первую очередь включали высокий уровень процесса обслуживания (высокую скорость и внимательность персонала), приемлемые цены, наличие уникальных и разнообразных услуг и блюд.

Так как деятельность ресторана «Портофино» основана на концепции традиционного маркетинга, то главной задачей, стоящей перед предприятием, является отражение потребностей (выявленных проблем) целевых сегментов в своих услугах на уровне, превосходящем таковой у конкурентов, и получение прибыли именно за счет удовлетворения этих потребностей.

Результат конкурентного анализа (построение многоугольника и листа оценки конкурентоспособности) показал, что заведение занимает не лидерскую позицию среди основных своих конкурентов. Причинами отставания ресторана от своих основных конкурентов являются низкая скорость обслуживания и недостаточный профессионализм обслуживающего персонала.

Предприятию необходимо в рамках комплекса маркетинга совершенствовать элемент «Процесс»: разрабатывать меры по ускорению скорости обслуживания и повышению внимательности персонала во время обслуживания, так как именно данные аспекты препятствуют достижению желаемого уровня конкурентоспособности ресторана «Портофино» среди основных конкурентов.

Таким образом, завоевание конкурентного преимущества будет достигаться путем сервисной дифференциации и все усилия будут направлены на построение цепочки создания ценности для потребителя в таком виде, чтобы он был готов платить существующую цену за услуги.

Приняв во внимание полученные результаты маркетингового анализа, необходимо разработать и реализовать проект внедрения бережливого производства, направленный на устранение различных видов потерь во время обслуживания посетителей для повышения экономической и социальной эффективности деятельности ресторана «Портофино» и достижения им желаемого уровня конкурентоспособности на рынке ресторанных услуг г. Екатеринбурга.

В ходе маркетингового обоснования также был определен ключевой критерий успеха проекта – удовлетворенность заказчика и потребителя конечным результатом.

Литература

1. Деловой портал Екатеринбурга [Электронный ресурс]. – URL: <http://ekb.dk.ru>
2. Багиев Г. Л., Моисеева Н. К., Черенков В. И. Международный маркетинг. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 512 с.
3. Савкова Е. Философия ЛИН – современный подход к ресурсосбережению при разработке маркетинговых стратегий // Маркетинг. Идеи и технологии. – 2008. – № 6. – С. 14–20.
4. Rathmell J. Marketing in the Service Sector. – Mass : Winthrop Publishers, 1974.
5. Новаторов Э. Международные модели маркетинга услуг // Маркетинг в России и за рубежом. – 2000. – № 3.
6. Давыдова Н. С. Бережливое производство : монография. – Ижевск : Изд-во Института экономики и управления, ГОУВПО «УдГУ». – 2012. – 138 с.
7. Скударь Г. М. Интегрированная концепция: «Бережливое производство + шесть сигм» : учеб. пособие. – Краматорск, 2009. – 74 с.
8. Котляревская И. В. Маркетинг : учеб. пособие : в 2 ч. / И. В. Котляревская, С. А. Романова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2007. – Ч. 1. – 169 с.
9. Сервис отзывов людей о компаниях города [Электронный ресурс]. – URL: <http://ekaterinburg.flamp.ru>

Marina Anatolievna Ilysheva,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Oksana Iurievna Iatsenko,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Daria Ivanovna Patrakova,

Master Student, Ural Federal University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Marketing Rationale for Service Company Competitive Advance Project

The article deals with the problem of marketing substantiation for increasing the company competitiveness by using the marketing analysis methods. First of all, the authors research the needs and main values of restaurant service consumers, then conduct segmentation using the "nested hierarchy" method. In the article there is also the analysis of the enterprise competitiveness, the polygon of competitiveness and the sheet of the enterprise competitiveness concerning the competitors is made. The key problems of the enterprise were identified and marketing decisions were made. In order to increase competitiveness, it is proposed to use non-price methods, namely, improving consumer value in the customer service process. Thus, the achievement of a competitive advantage will be achieved through service differentiation.

Key words: project management; Lean production; marketing rationale; company competitiveness; segmentation; consumers core values; increase in consumer value; polygon of competitiveness; competitiveness assessment sheet.

Нативная реклама как перспективный формат цифрового маркетинга: теоретические аспекты и эмпирические исследования

В статье рассмотрен набирающий популярность формат цифрового маркетинга – нативная реклама. Авторы раскрывают сущность нативной рекламы, акцентируют внимание на ее формах, преимуществах и ограничениях. Приводятся данные исследовательских компаний, демонстрирующие рост данного сегмента рекламного рынка, а также положительное отношение к нему со стороны поколения миллениалов. Основная часть статьи посвящена представлению результатов авторского маркетингового исследования, нацеленного на оценку эффективности нативной рекламы. Авторы приходят к выводу о том, что применение нативной рекламы вызывает у потребителей доверие и способствует росту продаж продукции компании.

Ключевые слова: digital-маркетинг (цифровой маркетинг); нативная реклама; миллениалы; социальная сеть; блог; рекламная интеграция.

Одним из важных инструментов привлечения аудитории к компании являются четко выстроенные стратегии в сфере маркетинговых коммуникаций. Однако традиционные подходы сегодня уже не так эффективны, как прежде. Новые направления коммуникаций с целевой аудиторией дают компаниям возможность выделиться среди остальных брендов.

Традиционную рекламу во всех ее видах (телевидение, пресса и другие) довольно быстро вытесняют более продвинутые способы продвижения бренда. В эпоху развития информационных технологий главное место занимает реклама, которая распространяется с помощью цифровых каналов.

Одним из новых способов привлечения аудитории является нативная реклама. На данный момент ее активное развитие становится привлекательной стратегией для компаний.

Предметом рассмотрения статьи является характеристика нативной рекламы как инструмента digital-маркетинга. Будут рассмотрены теоретические аспекты данной темы, а также представлен эмпирический материал, собранный авторами в рамках маркетингового исследования, позволяющий оценить эффективность нативной рекламы.

Понятие digital-маркетинга

Digital-маркетинг (цифровой маркетинг) – это комплексный подход к продвижению компании, ее продуктов и услуг посредством цифровых технологий для привлечения потенциальных клиентов и удержания их уже в качестве потребителей. Компания Soft Ad Group была первооткрывательницей в данной сфере, когда в середине 1980 г. разработала рекламную кампанию для автопроизводителей. Читатель отправлял письмо с объявлением из журнала, а в ответ получал дискету с мультимедийным материалом по продвижению различных марок машин и предложением сделать пробные поездки бесплатно.

Особенности и преимущества цифровой маркетинговой стратегии:

---

* **Алина Рафаиловна Фахрутдинова**, студентка 3-го курса факультета компьютерных технологий, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** **Наталья Владимировна Хмелькова**, д-р экон. наук, доцент, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

- таргетированность – персонализированный подход за счет четкого представления о предпочтениях потенциальных клиентов;
- невысокие затраты на размещение;
- интерактивность – целевая аудитория имеет возможность воспользоваться частью продукта (скачать первую главу книги, демоверсию программы);
- гибкость управления – возможность дополнять и изменять рекламную кампанию в режиме online;
- большой охват аудитории.

При этом главным недостатком данного подхода является наличие значительного числа мошеннической и чересчур навязчивой рекламы, распространяемой по цифровым каналам, что приводит к снижению уровня доверия к ней среди пользователей [1, с. 339].

Сущность и формы нативной рекламы

Одним из набирающих популярность форматов цифрового маркетинга является нативная (естественная) реклама или рекламная интеграция. Это реклама, которая не «бросается в глаза» при ее появлении на сайте или в блоге, так как соответствует содержанию обсуждаемой темы, а рекламируемый продукт выступает как часть контента, приобретая характеристики той среды, в которой размещается. Амбассадорами бренда выступают лидеры мнений в социальных медиа, например блогеры и владельцы аккаунтов в социальных сетях с большим количеством подписчиков и просмотров. С точки зрения сторонников нативной рекламы, хорошо разработанная стратегия продвижения – это маркетинговые коммуникации с развлекательным и информативным контентом для пользователей. В итоге рекламодатель получает большой приток аудитории благодаря нестандартному подходу, который адаптирован применительно к стилю всего блога или к содержанию сайта.

Плюсы нативной рекламы:

- расположение в местах, где ее увидит достаточное количество пользователей;
- повышение лояльности к продукту за счет рекламы от источника, которому пользователь доверяет;
- поддержка на любом мультимедийном устройстве.

Ограничением данной стратегии является то, что пользователи могут понять, что перед ними лишь спонсорская поддержка продукта, а не авторское мнение. В таком случае источник теряет доверие и интерес к себе [2].

Согласно данным общероссийского исследования эффективности формата рекламной интеграции, проведенного в сентябре 2017 года, 83 % респондентов обнаружили понимание того, что блогеры продвигают только те бренды, за которые им заплатили рекламодатели. При этом 48 % полагают, что блогеры рекомендуют только те продукты и услуги, которые нравятся им самим. В исследовании приняли участие 702 жителя городов с населением 100 тысяч человек и более из восьми федеральных округов, мужчины и женщины в возрасте 14–45 лет, которые смотрели или читали блоги в YouTube и Instagram за последние 3 месяца. Исследование проводилось в форме интернет-опроса [3].

Наиболее удачными форматами представления нативной рекламы являются [4]:

1. Обзор – рассказ о продукте, который предпочитает блогер или владелец аккаунта с обозначением его названия, главных характеристик, преимуществ. Хорошо подходит для продуктов, недавно появившихся на рынке.

2. Мифы – борьба с предрассудками аудитории в отношении определенного бренда. Направлена на тот случай, когда потребители недоверчиво относятся к продукту. Важную роль играет авторитетность площадки, на которой размещается информация, а также грамотно сформулированные доказательства правоты.

3. История – рассказ о создании продукта от появления идеи до выхода на крупный рынок. Зачастую данный подход работает в тех случаях, когда у продукта или бренда действительно неординарная история создания.

4. Игровой формат – веселые истории, игры, битва двух брендов, тесты, конкурсы. Например, игровой формат, в котором нужно угадать, где сделаны разные фотографии со всего мира, и при этом получить скидку на билет от авиакомпании.

5. Подборки – списки, выборки. Это может быть как подборка с частичным присутствием бренда (перечисление продуктов правильного питания с позицией одной строго определенной марки), так и полностью «брендовый» список (смартфоны с хорошими селфи-камерами). Воспринимается как чек-лист с полезными рекомендациями.

6. Решение проблем – статьи, заголовок которых обычно содержит вопрос. Например, «Как быстро выучить английский?», «Что делать, если поборола усталость?» и т. д. Обычно это партнерский материал, поэтому в одном или нескольких пунктах статьи упоминается продукт/услуга партнера в рамках смыслового содержания.

Рис. 1. Рекламная интеграция в профиле Инстаграм Настасьи Самбурской [5]

На рис. 1 представлен пример рекламной интеграции Настасья Самбурская – Reebok, ставшей по результатам исследования, упомянутого выше, наиболее популярной среди россиян. Ее назвали 12 % от общего числа опрошенных [3]. Нативная реклама в данном случае реализована как обзор продукта с элементами игрового формата.

Маркетинговое исследование эффективности нативной рекламы

Авторское исследование эффективности нативной рекламы было проведено для подтверждения/опровержения следующей гипотезы: применение нативной рекламы вызывает у потребителей доверие и способствует росту продаж продукции. Источниками информации послужили кабинетное и полевое исследования.

Кабинетное исследование было реализовано в виде сбора и анализа вторичной информации. Источниками информации послужили данные компаний Sharethought и Data Insight.

Согласно данным исследования IAB Russia Digital Advertisers Barometer-2018, проведенного компанией Data Insight, самым востребованным рекламным форма-

том среди российских компаний является таргетированная реклама в социальных сетях. Более 80 % опрошенных отметили, что используют таргетированную рекламу в социальных сетях в своих рекламных кампаниях. В 2019 году увеличить долю ее использования планирует 48 % опрошенных. При этом нативная реклама наряду с ретаргетингом и digital video в социальных сетях являются наиболее используемыми рекламными технологиями на сегодняшний момент. Ими пользуются более половины опрошенных [6].

Прогнозируется рост доли нативной рекламы и в глобальном масштабе. В сравнении с 2016 годом доля затрат к 2021 г. возрастет с 56 до 74 %. Быстрый рост объясняется доминированием социальных платформ (Instagram, YouTube), где рекламу можно размещать в ленте новостей [7].

Исследования компании Sharethought среди миллениалов (поколения Y – людей, родившихся в период с 80-х годов XX века до 2000 года и увлеченных цифровыми технологиями) показывают, что 64 % опрошенных пользуются блокировщиками рекламы в силу того, что та мешает взаимодействовать с контентом. Это приводит к тому, что для данной целевой аудитории нативная реклама может играть роль единственного канала маркетинговых коммуникаций, доступного для компаний. Главный канал потребления для миллениалов – новостные ленты. На них ссылается 91 % респондентов. 44 % опрошенных формируют свое положительное отношение к социальным медиа, исходя из встроенной в новостную ленту рекламы. 48 % опрошенных считают, что бренды заинтересованы в доверительных отношениях с потребителями, если используют нативную рекламу [8].

Полевое исследование представляло собой интернет-опрос молодежной аудитории – студентов и недавних выпускников вузов в возрасте от 18 до 25 лет. Данная возрастная категория была выбрана потому, что молодые люди являются активными пользователями социальных сетей, в которых, главным образом, и размещается нативная реклама. Опрос проводился на ресурсе Google Формы, распространялся с помощью ссылки в социальных сетях ВКонтакте и Instagram. Анкета представлена в Приложении. В опросе приняли участие 84 человека (45 % мужчин и 55 % женщин). Ниже представлены результаты исследования.

С понятием нативной рекламы оказались знакомы 64 % опрошенных. Положительно относятся к такому виду рекламы 2 % респондентов, обращают внимание только на интересную для меня рекламу, 68 %, пропускают 18 % и резко отрицательно относятся 12 % (рис. 2).

Рис. 2. Отношение к нативной рекламе

Опрос показал, что респонденты встречаются с такой рекламой довольно часто – 64 % респондентов дали положительный ответ. Остальные видят данную рекламу редко или не задумывались об этом (12 и 24 % опрошенных соответственно).

Почти половина (48 %) респондентов пропускает рекламу на интересном для них источнике (блоге, сайте, интернет-канале). 39 % делает свой выбор в зависимости от контента и 13 % не пропускают ее (рис. 3).

Пропускаете ли Вы нативную рекламу на интересном для Вас источнике?

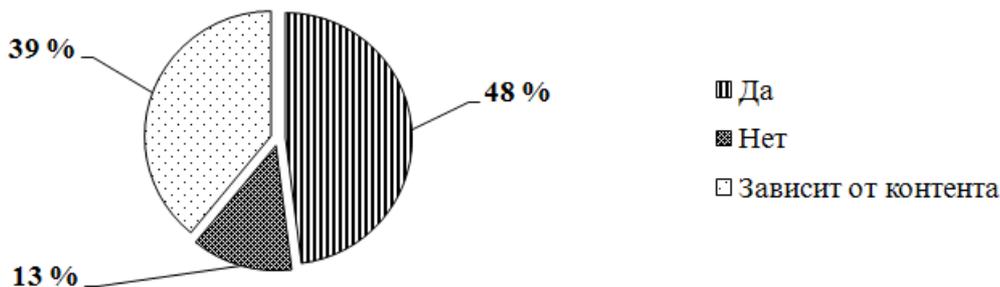

Рис. 3. Пропуск рекламы на интересном источнике

Наиболее востребованными среди опрошенных оказались социальные ВКонтакте (74 % опрошенных) и Instagram (69 %), а также интернет-канал YouTube (49 %). Именно на них зачастую и можно встретить нативную рекламу, так как на этих платформах публикуется большое количество контента. Меньшее внимание пользователи уделяют сервису Facebook (19 %) и другим платформам (Telegram, Twitch и другие) (рис. 4).

Рис. 4. Востребованность платформ

Часто встречающимися ресурсами с нативной рекламой, по мнению респондентов, оказались YouTube-каналы известных блогеров (Wylsacom, SOBOLEV, iLichShow, Ира Смелая и другие), а также профили в Инстаграме. В топе те же личности, что и на YouTube. При этом к ним добавляются Ольга Бузова, Мария Вискунова, Дарья Клюкина, Рита Дакота и ряд других. Здесь важно добавить, что

рекламодатели оценивают аудиторию известной личности и, если та привлекает к себе внимание, обязательно предлагают ей рекламные интеграции.

Больше всего в формате нативной рекламы продвигают косметические товары, обучающие курсы, видеоигры и электронику. Такой выбор не случаен, так как о данных товарах проще всего сформировать авторское мнение, рассказать о том, почему блогер выбирает этот товар, исходя из своих предпочтений. Рекламу, как правило, организывают либо в формате обзора продукта, либо в формате конкурса.

Понять, насколько эффективна данная маркетинговая стратегия, помог вопрос о покупках под ее влиянием. Так, почти половина (48 %) опрошенных покупала товары. В основном, как уже было отмечено выше, это была косметика, электроника, установка игр по ссылке. Однако оставшаяся часть (52 %) не совершала подобных покупок, обосновывая это тем, что покупают только необходимые им товары либо не доверяют рекламе.

Наиболее важным аспектом рекламной интеграции является доверие пользователей к данной форме маркетинговых коммуникаций. Как показал опрос, у подавляющего числа респондентов отношение к нативной рекламе определяется ее контентом. Иными словами, пользователям важно, что именно им рекламируют, а также – кто является проводником рекламной информации. Основываясь на данных параметрах, они формируют свое мнение. При этом безоговорочно доверяют нативной рекламе 18 % опрошенных, не доверяют – 20 % (рис. 5).

Рис. 5. Доверие к нативной рекламе

Проанализировав полученные результаты, можно сделать вывод, что нативная реклама является эффективным инструментом для формирования бренда. В настоящее время она представляет собой растущую нишу рекламного рынка. Авторское полевое исследование в совокупности с вторичными данными подтверждает актуальность применения нативной рекламы. Компании в этом случае не продают свои товары и услуги напрямую, а делают это в рекомендательной форме, что привлекает потенциальных покупателей.

Вместе с тем авторами статьи предлагается ряд рекомендаций, которые могут помочь компаниям, размещающим нативную рекламу, сформулировать положительное мнение у потребителей:

1. Давать пользователям не только интересный, но и полезный контент, направленный на приобретение практических навыков.

2. Обязательно обсуждать рекламную кампанию с ресурсом, где она размещается: авторы блогов лучше знают предпочтения своей аудитории и то, как правильно подать именно ей информацию.

3. Стараться делать материал, который обязательно вызывает реакцию и обратную связь, – пользователи запоминают эмоциональные моменты и, даже если контент им не понравился, запомнят его на подсознательном уровне.

4. Думать о масштабе рекламы (длине статьи или видеоролика) – подавая слишком объемные потоки информации, важно не потерять внимание потребителей.

5. Разобраться в целевой аудитории – для кого именно формируется реклама и что нужно донести до пользователей.

6. Подстраиваться под платформу, где размещается нативная реклама, учитывать все нюансы размещения.

7. Думать над заголовками и сюжетом рекламной интеграции – в большом потоке информации в интернете пользователя нужно увлечь чем-то уникальным.

Подведем итог.

Компании в современных условиях начинают предпочитать традиционной рекламе digital-маркетинг с большим количеством форм маркетинговых коммуникаций, важной особенностью которых является таргетированность и взаимодействие с аудиторией. Одним из наиболее успешных инструментов цифрового маркетинга является нативная реклама, которая выступает частью контента, но не мешает просмотру основной информации, размещенной на платформе.

Нативная реклама завоевывает доверие пользователей и формирует положительное отношение к бренду в результате размещения на авторитетных источниках и интересной подачи информации. Данные, полученные в ходе опроса, показывают, что пользователи часто встречаются с этим видом маркетинговой стратегии и довольно положительно к ней относятся. Вместе с тем, для того чтобы нативная реклама была действенной, необходимо выполнять ряд рекомендаций.

Таким образом, можно утверждать, что применение нативной рекламы вызывает у потребителей доверие и способствует росту продаж продукции компании.

Литература

1. Евстафьев В. А. Организация и практика работы рекламного агентства / В. А. Евстафьев, А. В. Молин. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016. – 512 с.

2. Гаврилов А. Онлайн-реклама в 2018. Как AdBlock изменил индустрию [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.uplab.ru/blog/web-advertising-in-2018>. (дата обращения: 9.01.2019).

3. Mediascope и PRT Edelman Affiliate оценили эффективность рекламы у блогеров [Электронный ресурс]. – URL: <http://mediascope.net/press/news/782008> (дата обращения: 9.01.2019).

4. От редакционных форматов к форматам интеграции [Электронный ресурс]. – URL: <https://medium.com/lifehacker-ru/integration-formats-6a836bc32146> (дата обращения: 9.01.2019).

5. Инстаграм Настасьи Самбурской [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.instagram.com/samburskaya/p/BbehODODJMx/?hl=it> (дата обращения: 9.01.2019).

6. IAB Russia Digital Advertisers Barometer 2018. Перспективы интерактивной рекламы в России: взгляд рекламодателей [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.datainsight.ru/iabbarometer2018> (дата обращения: 9.01.2019).

7. Native ads will drive 74% of all ad revenue by 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.businessinsider.com/the-native-ad-report-forecasts-2016-5> (дата обращения: 9.01.2019).

8. Study: The Millennial Perspective on Native Ads [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nativeadvertising.com/study-so-how-exactly-do-millennials-feel-about-in-feed-ads> (дата обращения: 9.01.2019).

Опрос респондентов

Исследование эффективности нативной рекламы

Нативная реклама – это реклама, которая не бросается в глаза при ее появлении на сайте или в блоге, так как соответствует содержанию обсуждаемой темы, а рекламируемый продукт выступает как часть контента, приобретая характеристики той среды, где размещается.

1. Укажите Ваш пол
  - Женский
  - Мужской
2. Было ли Вам известно понятие нативной рекламы ранее? (определение представлено в описании опроса)
  - Да
  - Нет
3. Как Вы относитесь к данному виду маркетинговой стратегии?
  - Положительно, просматриваю большинство рекламных объявлений, предлагаемых мне
  - Нейтрально, обращаю внимание только на ту рекламу, которая соответствует моим интересам
  - Нейтрально, пропускаю всю рекламу
  - Отрицательно, стараюсь ограничить свою новостную ленту от этого
  - Другое...
4. Как часто Вы встречаетесь с рекламной интеграцией?
  - Часто
  - Редко
  - Не задумывался
5. Пропускаете ли Вы рекламу на интересном для Вас источнике?
  - Да
  - Нет
  - Зависит от контента
6. Каким платформам Вы уделяете больше всего своего времени?
  - Instagram
  - ВКонтакте
  - YouTube
  - Facebook
  - Другое...

7. На каких ресурсах Вы встречались с нативной рекламой? (название YouTube-канала, группы ВКонтакте и т. д. или их тематика)

Развернутый ответ

8. С какими рекламируемыми товарами/услугами Вы сталкивались? (тематика или конкретное название бренда)

Развернутый ответ

9. Совершали ли Вы покупки под влиянием рекламы?

Да

Нет

10. Если совершали, то, в основном, какие; если нет, то почему?

Развернутый ответ

11. Доверяете ли Вы нативной рекламе?

Да

Нет

Зависит от контента

Alina Fakhrutdinova,

3rd year student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Natalia Vladimirovna Khmelkova,

Doctor of Economics, Associate Professor,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Native Advertising as a Promising Format of Digital Marketing: Theoretical Aspects and Empirical Research

The increasingly popular format of digital marketing – native advertising is described. The authors reveal the essence of native advertising, focusing on its forms, advantages and limitations. The data showing the growth of this segment of the advertising market, as well as a positive attitude towards it from the millennials, are presented. The main part of the article is devoted to the presentation of the results of the author's marketing research aimed at assessing the effectiveness of native advertising. The authors conclude that the use of native advertising inspires confidence to consumer and contributes to the growth of sales of the company's products.

Key words: digital marketing; native advertising; millennials; social network; blog; advertising integration.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проект учреждения конституционного контроля российской императрицей Екатериной II и отклики на него во Франции (1766–1774)**

В статье анализируются основные положения проекта учреждения в Российской империи конституционного контроля, которые изложены Екатериной II в ее инструкции для депутатов Уложенной комиссии. Как отмечает автор, идеи российской императрицы, во многом заимствованные у Ш. Л. Монтескье, оказались актуальными во Франции эпохи Старого порядка. Это объясняется, прежде всего, тем, что они могли быть использованы членами парламентов и их сторонниками в борьбе за сохранение привилегий высших судов королевства. Кроме того, к положениям проекта Д. Дидро написал пронизательные комментарии, в которых поставил и постарался разрешить важные вопросы, связанные с институтом конституционного контроля. Автор акцентирует внимание на таких вопросах, как понятие и содержание основных законов государства, иерархия нормативных правовых актов, основания и механизмы ограничения суверенной власти, сущность политической репрезентации.

Ключевые слова: парламент; конституционный контроль; основные законы; регистрация; суверенитет; орган власти; юрисдикция.

На основании Закона СССР от 1 декабря 1988 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» был создан Комитет конституционного надзора СССР, получивший 23 декабря 1989 г. в результате внесения соответствующих поправок в союзную Конституцию дополнительные функции, которые изменили его природу, сместив акцент с надзора на конституционный контроль. Таким образом советский режим перед своим падением учредил орган, осуществляющий конституционный контроль¹. Такое решение обозначило пере-

* Эрик Гожоссо, д-р права, почетный декан факультета права и социальных наук Университета Пуатье (Франция), директор Института истории права.

** Gojosso E. L'établissement d'un contrôle de constitutionnalité selon Catherine II de Russie et ses répercussions en France (1766–1774) // *Revue française de Droit constitutionnel*, 33, 1998, p. 87–99. Перевод с французского канд. юрид. наук, завкафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой) В. А. Токарева (basiletok@gmail.com).

¹ P. Gelard, L'actualité constitutionnelle en URSS et en Europe de l'Est, *chronique, cette Revue*, n° 1, 1990, p. 153–154 ; P. Collas, Le contrôle de constitutionnalité en URSS, in *RDP*, 1990, p. 1035–1054. В данном случае автор придерживается распространенных за рубежом представлений об эволюции института конституционного контроля в России. Так, известные французские компаративисты Р. Давид и К. Жоффре-Спинози отмечают, правда с некоторыми оговорками, что в СССР «контроль за конституционностью и законностью находится вне пределов той роли, которую призваны играть суды. Их задача – это применение законов, а также указов, постановлений, распоряжений, инструкций, изданных во исполнение действующих законов, это толкование законов в связи с их применением. Суды не призваны ни создавать право, ни развивать его, приспособивая к обстоятельствам. Советский закон может, если того пожелает законодатель, в известных случаях предоставить судье право выбора позиции. Но за исключением этих случаев, судья не может отойти от предписания закона, ссылаясь на требования справедливости или какие-либо иные принципы» (Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1996. С. 183). Однако, на самом деле, остается дискуссионным вопрос о существовании в СССР до конца 1980-х гг. института конституционного контроля в той или иной форме. В частности, В. Е. Чиркин утверждает, что «при «парламентском» подходе к конституционному контролю нередко используются в качестве совещательных, консультативных органов парламента и его президиума существующие или специально создаваемые органы. Они готовят консультативные заключения для парламента или его коллегиального постоянно действующего ор-

ход к правовому государству на родине коммунизма, где данное понятие, казалось, оставалось до того времени неизвестным, и его следствием стало принятие Закона РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР», а затем – после введения в действие Конституции 1993 г. – Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»². Однако, несмотря на то что указанные изменения произошли сравнительно недавно, идея проверки законов на их соответствие конституции давно появилась в этой стране, хотя она никогда не была реализована на практике и пережила долгий период забвения.

Действительно, результаты исследования, полученные нами при работе над докторской диссертацией³, позволяют утверждать, что уже в XVIII веке императрица Екатерина II разработала дальновидный проект организации конституционного контроля в государстве, которым она была призвана управлять (I). Этот проект получил известность во Франции, где наиболее горячие сторонники парламента проявили к нему живой интерес (II). К его положениям даже были написаны прощательные комментарии философом Дидро (III), и нам представляется небезынтересным рассмотреть подробнее этот европейский обмен идеями.

I – ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ II

Императрица Екатерина II, собираясь реформировать Россию, вскоре после восшествия на престол решила осуществить намерения большинства своих предшественников и провести кодификационную работу. С этой целью императрица созвала консультативную комиссию, фактически заседавшую с августа 1767-го до декабря 1768 г. Специально для 564 депутатов, входивших в комиссию, она составила «Инструкцию», или «Наказ», чей текст был обильно насыщен заимствованиями из трактатов Монтескье и Беккариа⁴ и предназначен для обозначения основных направлений дискуссии, которая должна была выявить ожидания народа. В этом бессвязном тексте сразу провозглашались принципы и назывались конкретные меры, которые следовало предпринять⁵, и, в частности, рассматривались важные вопросы публичного права. Так, императрица обращает особое внимание на проблему «гаранта конституции государства»⁶, естественно, волновавшую ее, поскольку она оказалась на троне в результате дворцового переворота, и отводит

гана. В СССР в 1924–1936 гг. эту роль выполнял Верховный Суд СССР, являвшийся в данном качестве консультативным органом Президиума ЦИК СССР, который осуществлял конституционный контроль. В дальнейшем задачу конституционного контроля возложили на Президиум Верховного Совета СССР, Верховный Суд утратил роль консультанта. В условиях развивающейся бюрократии и централизованного партийного руководства консультативные функции стали выполнять те или иные подразделения аппарата Президиума, но они занимались, по существу, только вопросами соответствия законодательства союзных и автономных республик Конституции СССР и союзным законам» (Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998. С. 60–61. – *Прим. пер.*).

² P. Gelard, chronique citée, *cette Revue*, n° 20, 1994, p. 839–845 et *cette Revue*, n° 22, 1995, p. 437–439.

³ *Le concept de République en France (XVIe–XVIIIe siècle)*, M. Ganzin dir., Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 1998.

⁴ Fr. X. Coquin, *La grande commission législative (1767–1768). Les cahiers de doléances urbains, Paris-Louvain, Nauwelaerts*, 1971, p. 16.

⁵ О намерениях Екатерины и о Наказе см.: *ibid.*, p. 13 et s.

⁶ *Instruction en vue de l'élaboration d'un Code des lois*, in *Revue d'histoire économique et sociale*, 1920, art. 17, p. 292. Напомним, что во Франции в эпоху Старого порядка под «конституцией» понималась «прирожденная и неизменная организация государства, которая определяла специфические принципы, формы и органы управления». M. Antoine, *La monarchie absolue*, in K. M. Baker (dir.), *The political culture of the old regime*, Oxford, Pergamon Press, 1987, p. 4. Можно предположить, что такой смысл вкладывается в данное понятие начиная с XIV века. Ср.: A. Rigaudière, *Pratique politique et droit public dans la France des XIVe et XVe siècles*, in APD, tome 41, 1997, p. 96 et s.

эту роль органу, называемому, вслед за Монтескье⁷, «хранилищем законов»⁸. Он не только оглашает вновь принятые законы и напоминает о законах, преданных забвению⁹. Существенное новшество по сравнению с концепцией французского юриста состоит в том, что данный орган также наделяется полномочием осуществлять конституционный контроль¹⁰.

В соответствии с весьма туманной формулировкой, содержащейся в тексте «Инструкции», такое хранилище законов «не может быть нигде, кроме как в государственных правительствах»¹¹. Несомненно, речь здесь идет о том, что такой орган, обладающий соответствующей компетенцией, является политическим институтом и зависит от суверена как источника всей полноты власти в государстве¹². В своих рассуждениях по этому вопросу Екатерина буквально повторяет слова Монтескье о посредствующих властях¹³, но приходит к иному выводу, чем президент парламента Бордо, согласно которому «совет короля не подходит на роль хранилища законов»¹⁴. Действительно, функцией конституционного контроля она наделяет Сенат¹⁵, состоящий из десяти президентов министерских коллегий и являющийся одновременно советом министров и верховным судом¹⁶. Вместе с тем императрица наделяет «другие суды» полномочием обращаться с представлением «в Сенат и к самому государю»¹⁷. Кроме того, существование разнообразных инстанций, наделяемых указанными полномочиями, очевидно, из-за осуществляе-

---

⁷ *Esprit des lois*, in *Œuvres complètes*, éd. R. Caillois, Paris, Gallimard/Pléiade, 1951, tome 2, II, 4, p. 249: «...необходимо (также) хранилище законов». Тема «хранилища законов» (*dépôt des lois*) активно развивается французскими парламентариями в их ремонстрациях (речь идет о присвоенном в XV веке французскими парламентами, т. е. высшими судебными инстанциями, праве отказывать в регистрации королевских актов, которые, по мнению парламентариев, противоречили праву и обычаям провинций или основным законам королевства; без такой регистрации королевские акты не вступали в силу, однако король мог преодолеть ремонстрацию, о чем сказано ниже. – *Прим. пер.*). Ср.: R. Bickart, *Les Parlements et la notion de souveraineté nationale au XVIIIe siècle*, thèse droit, Paris, Alcan, 1932, p. 86–100. Приведенная здесь цитата из «Духа законов» Ш. Л. Монтескье в русском переводе полностью выглядит следующим образом: «Недостаточно, чтобы в монархии были посредствующие власти; она еще нуждается в учреждении, охраняющем законы» (см.: Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 25. – *Прим. пер.*).

⁸ *Instruction, op. cit.*, art. 22, p. 296 et art. 28, p. 296. В ст. 22 дословно воспроизводится процитированная в предыдущей сноске фраза из текста Монтескье. Выражение «хранилище законов» имеет у Монтескье двойное значение: организационное (см.: *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 249) и материальное (см.: *ibid.*, tome 2, V, 10, p. 289).

⁹ *Ibid.*, tome 2, II, 4, p. 249.

¹⁰ *Instruction, op. cit.*, art. 21, p. 294 et art. 24, p. 296.

¹¹ *Ibid.*, art. 23, p. 296. Это выражение целиком заимствовано у Монтескье (см.: *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 249).

¹² *Instruction, op. cit.*, art. 19, p. 293: «...суверен является источником всякой политической и гражданской власти». Монтескье писал: «...в монархиях государь является источником всякой политической и гражданской власти» (*Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 247).

¹³ В статьях 18, 19 и 20 (*Instruction, op. cit.*, p. 292–294) буквально воспроизводятся первые строчки из *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II, 4, p. 247. В русском переводе они выглядят следующим образом: «Власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т.е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов. Я сказал: посредствующие, подчиненные и зависимые потому, что в монархии источником всякой политической и гражданской власти является сам государь. Эти основные законы необходимо предполагают существование посредствующих каналов, по которым движется власть, так как если в государстве нет ничего, кроме изменчивой и капризной воли одного, то в нем ничего не может быть устойчивого, а следовательно, не может быть и никакого основного закона» (Монтескье Ш. Л. О Духе законов. М.: Наука, 1999. С. 23. – *Прим. пер.*).

¹⁴ *Ibid.*, p. 249.

¹⁵ *Instruction, op. cit.*, art. 26, p. 296.

¹⁶ H. Vallotton, *Catherine II*, Paris, Fayard, 10e éd., 1955, p. 22. Сенат был учрежден в 1711 г. Петром Великим первоначально для того, чтобы замещать императора во время его отсутствия и гарантировать соблюдение законов (Fr. X. Coquin, *op. cit.*, p. 5).

¹⁷ *Instruction, op. cit.*, art. 27, p. 296.

мой ими судебной деятельности¹⁸ и обеспечиваемых ими гарантий субординации, предусматривалось «основополагающими законами» государства¹⁹.

Не вдаваясь в подробные разъяснения, Екатерина заявляет о «кодексе законов»²⁰, т. е. «основных законах и конституции государства»²¹, как ориентирующих нормах. Если на этом основании она, кажется, допускает возможность осуществления конституционного контроля по отношению ко всем «законам суверена»²², то затем в ст. 440–446 «Инструкции» проводится различие между правовыми актами, которое, как представляется, определяет изъятие из компетенции «хранилища законов» двух видов актов – «указов» и «учреждений временных», – нормативное содержание которых изменяется в зависимости от времени и обстоятельств²³. Тот же ограничительный подход прослеживается и в определении единственного условия, при котором Сенат и трибуналы могут вносить «представления»²⁴, – когда «указ» противоречит основополагающим положениям²⁵. Новые законы, если они соответствуют «Кодексу», утверждаются и обнародуются²⁶ по процедуре, сравнимой с той, которая применялась во Франции в суверенных судах.

Конечно, проект Екатерины, новаторский для своего времени, тем не менее остался только на бумаге, поскольку консультативная комиссия не смогла под-

¹⁸ Этим можно было бы объяснить неоднократное использование Екатериной слова «трибуналы» («tribunaux») как синонима «посредствующих властей» («corps intermédiaires»), *ibid.*, art. 20 et 21, p. 294, и выбор выражения «другие трибуналы» («les autres tribunaux»), *ibid.*, art. 27, p. 296, о которых упоминается после Сената, *ibid.*, art. 26, p. 296. В оригинальном тексте «Наказа» рассматриваемые автором статьи выглядят так: «20. Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть Государева. 21. Законы, сим правительствам дозволяющие представлять, что такой-то указ противен Уложению, что он вреден, темен, что нельзя по оному исполнить; и определяющие наперед, каким указам должно повиноваться, и как по оным надлежит чинить исполнение; сии законы – несомненно суть делающие твердым и неподвижным установление всякого государства» (Наказ Комиссии о сочинении проэкта новаго уложения, с принадлежащими к тому приложениями. Москва: Печатан при Сенате, 1767. С. 6. <https://www.prlib.ru/item/428545> (дата обращения: 13.08.2018)). Однако в томе X изданного в 1935–1947 гг. Собрания сочинений Дени Дидро содержится следующее примечание П. И. Люблинского: «Ст. 20. Статья эта в более точном переводе гласит: “Основные законы государства необходимо предполагают наличие средних каналов (протоков), то есть судов, посредством которых и проявляет себя верховная власть”. Это буквальное повторение фразы Монтескье. Дидро и понимает «средние власти» в смысле судебной. Но он не считает их гарантией основных законов, такую гарантию он видит в представительном учреждении, которое и называет «протоком, идущим от общего интереса и общей воли к государю». Ст. 21. Статья эта воспроизводит право, принадлежащее французским парламентам, представлять свои ремонстрации (возражения) против королевских указов, противных законам; в русском тексте мысль эта выражена очень неясно, так как вместо судов здесь говорится о правительствах. В точном переводе статья эта гласит: «Законы, дозволяющие этим судам делать представления о противоречии какого-либо указа Кодексу законов, с указанием, что указ этот является вредным, темным или непрактичным; законы, заранее устанавливающие, каким приказам надлежит повиноваться и как их должно выполнять, – эти законы делают прочной и непоколебимой конституцию государства». Дидро, имея в виду упразднение парламентов во Франции, оспаривает это. Французские парламенты вообще не пользовались симпатиями Дидро» (Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. Т. X. Rossica. Произведения, относящиеся к России. М. : ОГИЗ. Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 545–545). Автор настоящей статьи, как следует из его рассуждений ниже, в целом разделяет мнение советского ученого об отношении Дидро к французским парламентам. – *Прим. пер.*

¹⁹ *Ibid.*, art. 29, p. 294.

²⁰ *Ibid.*, art. 21, p. 294 et art. 24, p. 296.

²¹ *Ibid.*, art. 28, p. 296.

²² *Ibid.*, art. 24, p. 296.

²³ *Ibid.*, art. 440 à 446, p. 381.

²⁴ *Ibid.*, art. 21, p. 249 et art. 24, p. 296.

²⁵ *Ibid.*, art. 21, p. 294.

²⁶ *Ibid.*, art. 25, p. 296.

няться до уровня суверена, который, чтобы быть абсолютным, стал также и просвещенным²⁷. Самое большее, что комиссия могла сделать, – предоставить необходимые сведения о Российском государстве и умонастроениях подданных²⁸. Если это начинание потерпело неудачу в политическом плане (французский поверенный в делах Россиньоль даже называет его «комедией»), то оно, напротив, получило высокую оценку европейских просветителей, единодушно восхищавшихся личностью и принципами императрицы, «Инструкцию» которой они смогли перевести и распространить²⁹. В приступе восторга Вольтер доходит даже до заявления о том, что этот текст одобрили бы Ликург и Солон³⁰.

II – ПРИЗНАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Принимая во внимание распространение проекта Екатерины, вполне вероятно, что он воодушевил оппозиционных французских авторов, которые сразу отреагировали на переворот канцлера Мопу. Так, два произведения имеют прямое отношение к данному проекту. В «Парламенте, оправданном российской императрицей» (опубликовано в 1771 г.) адвокат Андре Блонд неоднократно обращается к тексту императрицы, который он, очевидно, хорошо знает, и при случае приводит из него значительные выдержки. В знаменитых «Максимах французского публичного права», впервые изданных в 1772 г.³¹, начинание императрицы те-

²⁷ Как отмечает Н. В. Рязановский, «Комиссии не хватало гибкости, предварительные работы были поверхностными, часто “Инструкция” императрицы, пропитанная духом французской философии, оказывается оторванной от российской реальности» (N. V. Riasanovsky, *Histoire de la Russie*, Paris, Laffont, 1987, p. 285).

²⁸ M. Szeftel, *La participation des assemblées populaires dans le Gouvernement central de la Russie depuis l'époque kiévienne jusqu'à la fin du XVIIIe*, in *Recueils de la Société Jean Bodin*, “Gouvernés et gouvernants”, Bruxelles, Librairie encyclopédique, 1965, XXV, 4e partie, p. 364.

²⁹ Положительные отзывы из философской среды представлены в работе: A. Lortholary, *Les «philosophes» du dix-huitième siècle et la Russie*, Paris, Boivin, 1951, p. 104–106. «Инструкция» была запрещена во Франции (см.: N. V. Riasanovsky, *op. cit.*, p. 284).

³⁰ Lettre à Catherine II du 26 février 1769 in *Correspondance*, éd. Th. Besterman, Paris, Gallimard/Pléiade, 1985, tome 9, p. 795–796: «Я читаю предварительную инструкцию, которую Ваше Императорское Величество любезно мне прислало <...>. Госпожа, Нума и Минос одобрили бы Ваше произведение, но, вероятно, не смогли бы написать ничего подобного сами. <...> Будьте уверены, что никто в будущем не превзойдет Вас...» В черновике этого письма, который хранится в Национальной библиотеке Франции, Вольтер зачеркнул слова «Нума и Минос» и заменил их на «Ликург и Солон» (*ibid.*, note 7, p. 1419).

³¹ Их авторами были парижские адвокаты Aubry, Blonde, Camus et Maultrot и бенедиктинец Meu. Текст первого издания *Maximes du droit public français*, en France, 1772, tome 1, p. 124–135, не отличается в данном случае от текста второго издания Amsterdam, Rey, 1775, tome 1, p. 60–64. Далее цитаты приводятся по тексту второго издания, как более распространенного. Известный отечественный ученый Н. И. Кареев так пишет об этом конфликте французских парламентов с правительством: «Губернатор Бретани, герцог д'Эгильон, запятнал себя разными злоупотреблениями по своей должности и был, наконец, отозван. Местный парламент (реннский), живший с ним в ссоре, и провинциальные штаты Бретани возбудили против него процесс и нашли поддержку со стороны парижского парламента, но двор взял герцога под свою защиту, и король решил прекратить все дело. Процесс тянулся в парижском парламенте уже около двух месяцев, когда Людовик XV предписал считать герцога д'Эгильона свободным от всякого обвинения (1770), но парламент не повиновался. Объявив герцога лишенным прав и привилегий пэра, пока он не очистится от подозрений, позорящих его честь, он протестовал против стремления двора “низвергнуть старое государственное устройство и лишить законы их равной для всех власти”, поставив на их место голый произвол. Провинциальные парламенты заявили свою солидарность с парижским. Тогда 24 ноября 1770 г. был опубликован составленный канцлером Мопу королевский эдикт против парламентов. Они обвинялись в том, что проповедуют новые принципы, будто они представители нации, непременные выразители королевской воли, стражи государственного устройства и т. п. “Мы, – говорил Людовик XV в своем эдикте, – держим власть нашу исключительно от Бога: право издавать законы, которыми должны управляться наши подданные, принадлежит нам вполне и безраздельно”. Поэтому парламентам запрещалось говорить об их единстве и о “классах” единого учреждения, сноситься между собою, прерывать отправление правосудия и протестовать посредством кол-

пло приветствуется авторами как отказ от деспотизма³², изучению разновидностей которого они уделяют внимание. Указанные работы объединяет то, что в них текст русской «Инструкции» недвусмысленно используется в интересах французского парламентаризма³³. Парижские адвокаты могли заимствовать из него целую серию аргументов, обосновывающих постоянно заявляемые в XVIII веке претензии суверенных судов на осуществление проверки конституционности законов. Ссылаясь на присвоенный ими статус представителей нации, парламенты неоднократно оспаривали принимаемые королем меры и признавали их противоречащими конституции³⁴, часто провоцируя серьезные политические кризисы³⁵. Король сталкивался с их сопротивлением вплоть до 1770–1771 гг., когда канцлер Мопу, действуя радикально, положил конец оппозиции судей высших судов через упразднение старых парламентов и реорганизацию судебной системы в национальном масштабе³⁶.

В контексте угрозы установления министерского деспотизма «Наказ» интересен и актуален прежде всего тем, что в нем торжественно соединены абсолютная власть суверена³⁷ и «парламентская» концепция публичного права, которая формируется исходя из двух принципиальных положений о «существовании твердо установленных основных законов» и «учреждении посредствующих властей»³⁸. Итак, наличие органов, охраняющих законы и уполномоченных вносить представления, несомненно, свойственно природе монархической формы правления³⁹.

лективных отставок, как это делалось прежде. Парламент протестовал против этого эдикта, увидев в нем нечто противное основным законам королевства, и члены парламента, объявив, что не считают себя достаточно свободными, чтобы постановлять приговоры о жизни, имуществе и чести подданных короля, прекратили отправление правосудия. Тогда Мопу решился на самую резкую меру. Добившись у Людовика XV отставки Шуазеля, со стороны которого он опасался противодействия, канцлер послал в ночь с 19 на 20 января 1771 г. мушкетеров ко всем членам парламента с требованием немедленно ответить посредством письменного «да» или «нет», желают ли они возвратиться к исполнению своих обязанностей. Сто двадцать членов отвечало отказом, и их сослали, а потом сослали и других 38 человек, которые, дав сначала согласие, потом заявили, что солидарны со своими товарищами. Их должности, составлявшие частную их собственность, были конфискованы и объявлены вакантными, а обязанности судей должны были исполняться особыми комиссиями из членов государственного совета. <...> 23 февраля Мопу объявил судебной комиссией, заступившей место парламента, что король решил в округе парижского парламента учредить шесть новых высших судов (*conseils supérieurs*) и начать общую судебную реформу, уничтожив продажность должностей, заменив наследственных судей судьями, назначаемыми от правительства и оплачиваемыми жалованьем, отменив взносы тяжущихся в пользу судей, наконец, упростив ускорив и удешевив судопроизводство. Эти обещания никого не удовлетворили...» (Кареев Н. История Западной Европы в Новое время. Т. III. История XVIII века. Ч. I. Старый порядок и новые идеи. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. С. 408–409. – *Прим. пер.*).

³² *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 60.

³³ По мнению Блонда, этот текст, кроме того, служит предлогом для выступлений в поддержку парламента, преимущественно опирающихся на «Персидские письма» Монтескье.

³⁴ R. Bickart, *op. cit.*, p. 64–66; Fr. Olivier-Martin, *Les Parlements contre l'absolutisme traditionnel au XVIIIe siècle* (продолжение *L'absolutisme français*), Paris, LGDJ, reprint 1997, p. 421; A. Leca, *Les grandes étapes du contrôle de constitutionnalité des lois dans la pensée politique européenne d'Aristote à Kelsen*, in *RRJ*, 1987-3, p. 968–969; W. Schmale, *Les Parlements et le terme de constitution au XVIIIe siècle en France: une introduction*, in *Il Pensiero politico*, 1987, n° 3, p. 422; J.-P. Royer, *Histoire de la justice en France*, Paris, PUF, 1995, p. 61–62.

³⁵ См. также: Fr. Olivier-Martin, *op. cit.*; J. Egret, *Louis XV et l'opposition parlementaire*, Paris, Colin, 1970 и M. Antoine, *Louis XV*, Paris, Fayard, 1989, особенно p. 568–595.

³⁶ Ср. особенно: R. Villers, *L'organisation du Parlement de Paris et des Conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou*, thèse droit, Paris, Jouve et Cie, 1937; M. Antoine, *op. cit.*, p. 931–940.

³⁷ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 61.

³⁸ *Ibid.*, tome 1, p. 61.

³⁹ *Le Parlement justifié par l'impératrice de Russie in Maupeouana ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du chancelier Maupeou*, Paris, 1775, tome 1, p. 92.

Во Франции эта роль возлагалась на парламенты⁴⁰, легитимность которых была одновременно национальной и монархической. На самом деле, многие авторы представляют их как наследников генеральных ассамблей франкского государства, наделенных законодательной властью⁴¹. Тем не менее авторы «Максим» не обращают внимания (сознательно или нет) на то, что выбор в пользу русского Сената⁴² противоречит принципу независимости, на который указывает Монтескье. В данном случае Вольтер оказался более проникновенным или более честным⁴³.

По мнению Екатерины и парламентских адвокатов, хранилище законов является «учреждением, необходимым для гарантирования конституции государства»⁴⁴. Исходя из этого, следует проверять новые законодательные акты на их соответствие «Кодексу основных законов»⁴⁵, а также «порядку, установленному в государстве и, как следствие, основным законам»⁴⁶. Но к ним относятся не только правила, определяющие порядок престолонаследия и запрещающие отчуждение поместья. Следует также сослаться на те нормы, которые сами парламенты рассматривают как «легитимные права граждан»⁴⁷, защищая честь, собственность, свободу и жизнь субъектов права⁴⁸. Поэтому функция хранилища законов включает в себя не только полномочие осуществлять проверку законодательного акта⁴⁹, но также, соответственно, и полномочие отказывать в его регистрации⁵⁰. Кроме того, это право, согласно Блонду, имеет конституционную природу⁵¹.

---

⁴⁰ В анализируемом отрывке из *Maximes* авторы ни разу не упоминают парламент. Тем не менее именно это учреждение они рассматривают в качестве «хранилища законов». Ср.: J.-L. Mestre, *L'évocation d'un contrôle de constitutionnalité dans les Maximes du droit public français (1775)*, in *État et pouvoir. L'idée européenne* (Actes du colloque de Toulouse de l'Association française des historiens des idées politiques), Aix-en-Provence, PUAM, 1992, p. 24–25.

⁴¹ Это общее место в произведениях, написанных сторонниками Парламента. См., к примеру: *Le maire du palais (1771)* in *Maupéouana, op. cit.*, tome 1, p. 21–22 ; *Correspondance secrète et familière de M. de Maupeou, ibid.*, tome 2, p. 14–15 ; *Tableau des différents âges de la monarchie française, ibid.*, tome 4, p. 46 et s.

⁴² *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 63.

⁴³ *Dialogues entre A, B, C*, in *Œuvres complètes*, éd. Beuchot, Paris, Garnier, 1879, tome 27, 1er entretien, p. 320.

⁴⁴ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62.

⁴⁵ *Ibid.*, *op. cit.*, tome 1, p. 62.

⁴⁶ *Ibid.*, *op. cit.*, tome 1, p. 63. Автор *Tableau des différents âges de la monarchie française*, являясь сторонником парламента, утверждает: «Основными законами государства называются те, которые заключают в себе конституцию и посредством которых нация устанавливает форму своего правительства, соглашение между народом и тем, кому он передает суверенитет; они определяют, каким образом следует управлять, и ограничивают суверенную власть» (*ibid.*, tome 4, p. 81).

⁴⁷ Arrêté du Parlement de Paris du 7 janvier 1771, cité in *Journal historique de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. De Maupeou, chancelier de France*, Londres, 1774, tome 1, p. 26.

⁴⁸ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62; *Le Parlement justifié, op. cit.*, tome 1, p. 93. Этот вопрос часто рассматривается в парламентских актах. Ср.: Remontrances du Parlement de Paris du 3 décembre 1770 in *Journal, op. cit.*, tome 1, p. 8 ; Arrêté du 4 décembre 1770, *ibid.*, tome 1, p. 13 ; Arrêté du 10 décembre 1770, in J. Flammermont, *Remontrances du Parlement de Paris*, Paris, Imprimerie nationale, 1898, tome 3, p. 170.

⁴⁹ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62. В том же смысле ср.: les Représentations du Parlement de Paris sur les lettres de jussion du 15 janvier 1771, *Journal, op. cit.*, tome 1, p. 33. *Tableau des différents âges de la monarchie française, ibid.*, tome 4, p. 83.

⁵⁰ *Le Parlement justifié, op. cit.*, tome 1, p. 94; *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 62–63: «Только политические учреждения... вправе проверять новые законы и делать представления Законодателю; полнота их полномочий требует, чтобы они отказывали в регистрации таких законов и не сообразовывались с ними, если эти законы противоречат порядку, установленному в данном государстве, и, следовательно, основным законам».

⁵¹ *Le Parlement justifié, op. cit.*, tome 1, p. 92–93: «Итак, основным законом является полномочие депозитариев законов отказать в регистрации какого-либо закона, если он противоречит тем, которые уже приняты в этом государстве».

В соответствии со своей противоречивой интерпретацией «Инструкции», авторы «Максим» отмечают абсолютный характер такого отказа. На самом деле, они прикрываются предполагаемыми намерениями Екатерины: «Эта государыня, – пишут они, – считает, что отказ будет решительным и должен быть таким, когда новые законы подрывают старый порядок, установленный в государстве»⁵². Тем самым адвокаты отвергают принудительную запись⁵³ и используемые во Франции процедуры: королевские повеления о регистрации парламентами эдиктов и ордонансов (*lettres de jussion*) и «ложе справедливости» (*lit de justice*). Их рассуждения представляются логичными: текст, противоречащий основным законам, не становится менее опасным от того, что утверждён сувереном. «Не является ли трусливое согласие с законами, потрясающими трон, предательством самого суверена?»⁵⁴ Таким образом, получает свое оправдание позиция парижского парламента, занятая им по отношению к «преступным начинаниям» Мопу⁵⁵, и прежде всего к ст. 3 эдикта, изданного в декабре 1770 г., который запрещал парламенту противодействовать исполнению закона, зарегистрированного помимо его воли⁵⁶.

III – КОММЕНТАРИИ ДИДРО

Неудивительно, что Дидро заинтересовался идеями, содержащимися в «Инструкции», так как философ с 1765 г. был должником Екатерины⁵⁷. Более того, с октября 1773-го по март 1774 г., во время своего пребывания в России, он ведет с ней многочисленные дискуссии на политические темы. Они нашли отражение в написанных им «Беседах с Екатериной II», которые были впервые опубликованы в 1899 г.⁵⁸ Вернувшись на Запад, он также пишет в адрес императрицы «Замечания на Инструкцию Ее Императорского Величества»⁵⁹, с которыми она ознакомилась в 1785 г., а изданы они были в 1920 г.⁶⁰ В обоих текстах редактор «Энциклопедии» возвращается к реформаторским проектам и особое внимание уделяет вопросу о конституционном контроле. Если Дидро признает необходимость его

⁵² *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 63.

⁵³ Парламенты квалифицируют это как «незаконное переписывание» («*transcription illégale*»), за что их упрекает декабрьский эдикт 1770 г., цитируемый в данной работе: J. Flammermont, *Le chancelier Maupeou et les Parlements*, Paris, Picard, 1883, p. 117.

⁵⁴ *Maximes, op. cit.*, tome 1, p. 63. Для того чтобы преодолеть ремонстрацию, король направлял в парламенты специальное послание (*lettre de jussion*), в котором требовал немедленной регистрации изданного им акта. В случае повторного отказа парламента регистрировать данный акт, король мог прибегнуть к процедуре, называемой «Ложе справедливости» (*lit de justice*). Тогда парламентарии были обязаны на торжественном заседании парламента в присутствии короля и пэров внести этот королевский акт в свой реестр. – *Прим. пер.*

⁵⁵ Во время процедуры *lit de justice* 7 декабря 1770 г. первый президент парижского парламента осудил те меры, которые являлись «опасными посягательствами на законы королевства и конституцию государства» (см.: Flammermont, *Remonstrances, op. cit.*, tome 3, p. 165).

⁵⁶ Цит. по: J. Flammermont, *Le chancelier Maupeou et les Parlements, op. cit.*, p. 119. Парламентские критики одно время акцентировали внимание на этом вопросе. Ср.: *Journal, op. cit.*, tome 1, p. 5–6.

⁵⁷ Екатерина приобрела библиотеку Дидро, с которой он собирался расстаться, чтобы обеспечить будущее своей дочери. При этом она великодушно разрешила ему пользоваться этой библиотекой. Ср.: A. M. Wilson, *Diderot, sa vie et son œuvre*, Paris, Laffont-Ramsay, 1985, p. 387–388.

⁵⁸ Издал M. Tourneux под названием *Diderot et Catherine II*, Paris, Calmann-Lévy, 1899.

⁵⁹ G. Dulac установил, что некоторые замечания Дидро относятся не к тексту Екатерины, а к комментарию, который должен принадлежать физиократу Le Trosne, *L'Esprit de l'Instruction de S.M. l'Impératrice de Russie* (BN de Russie à St-Petersbourg, Ms, ERM FR 5). Но это не касается замечаний, интересующих нас и рассматриваемых в данной статье. Ср.: G. Dulac, *Pour reconsidérer l'histoire des Observations sur le Nakaz*, in G. Dulac (dir.), *Pour éditer Diderot*, Oxford, SVEC, n° 254, 1988, в особенности p. 486.

⁶⁰ Их издал П. Ледье. См.: P. Ledieu in *Revue d'histoire économique et sociale*, 1920, p. 273–412. Екатерина была крайне возмущена содержанием этого текста Дидро (см.: A. Lortholary, *op. cit.*, p. 235–236).

учреждения, то он, тем не менее, не приводит в пример французский парламент, чье поражение в 1773–1774 гг. было очевидным.

А. – Апробация контроля

Дидро разделяет в данном случае взгляды Екатерины и подчеркивает необходимость создания «хранилища законов»⁶¹, «в котором воля суверена подвергается рассмотрению, одобрению, обнародованию и исполнению»⁶². С точки зрения философа, который не признает формальную классификацию нормативных актов на законы (указы), постановления и ордонансы, содержащуюся в «Инструкции»⁶³, контроль, осуществляемый хранилищем законов, должен быть как можно более широким: он касается любых форм выражения воли монарха⁶⁴. Отсюда можно сделать вывод, что этот контроль применяется ко всем нормативным актам.

Ведь посредством регистрации фактически подвергаются контролю все законодательные акты. Такая процедура обязательно предполагает проверку контролирующим органом каждого выражения воли монарха на его «соответствие основным учреждениям королевства во благо положения и личности монарха, а также законного интереса его подданных»⁶⁵. Это утверждение, разумеется, напоминает парламентскую терминологию⁶⁶, но приведенную в систему посредством указания на благо государства, самой личности монарха и на «законный интерес» подданных, – несколько туманная фраза, которая могла бы завуалировать идею своевременного контроля. Под «основными учреждениями» Дидро, очевидно, понимает основные законы монархического государства. Относительно их содержания философ ограничивается скухими замечаниями. Согласен ли он с традиционным подходом к анализу основных законов королевства, который связывает их с двумя вопросами – о престолонаследии и правовом режиме домена? Или, напротив, он придерживается концепции, связывающей такие законы со свободой и собственностью и признающей в качестве основания власти договор, как следует из «Энциклопедии»⁶⁷, и присоединяется к авторам, сочувствующим парламенту, принимая их пространное определение, которое содержится, например, в «Максимах французского публичного права»?⁶⁸ Сложно ответить на эти вопросы.

Как бы то ни было, полномочия контролирующего органа не должны сводиться только к праву «делать представления»⁶⁹; следует признать за ним возможность оказывать сопротивление исполнению воли монарха⁷⁰, для того чтобы

---

⁶¹ *Observations sur l'Instruction de Sa Majesté impériale* (1774), in *Œuvres politiques*, éd. P. Vernière, Paris, Garnier, 1963, p. 362–363.

⁶² *Ibid.*, p. 363–364.

⁶³ *Ibid.*, p. 436: «Лучше разделять законы по их содержанию на законы естественные, законы гражданские, являющиеся следствием законов естественных, и на законы судопроизводственные».

⁶⁴ *Entretiens avec Catherine II* (1773) in *Œuvres politiques*, éd. P. Vernière, *op. cit.*, p. 235.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 235. Во Франции частные лица не могли воспрепятствовать регистрации законов. Ср.: J. Brillouin, *Dictionnaire des arrêts ou jurisprudence universelle des Parlements de France*, Paris, 1727, tome 3, *verbo* «Enregistrement», p. 108.

⁶⁶ Например, в повторяющихся ремонстрациях парижского парламента от 26 июля 1718 г. содержится такое выражение: «Никоим образом не противоречит интересам Вашего Величества и государства, а также основным законам королевства» (см.: Flammermont, *Remonstrances*, *op. cit.*, tome 1, p. 88).

⁶⁷ *Encyclopédie*, Genève-Neuchâtel, Pellet-Société typographique, 3e éd., 1778, *verbo* «Autorité politique», tome 4, p. 120–125.

⁶⁸ Ср.: цит. выше статья J.-L. Mestre, p. 28–29, в которой подчеркивается важность провозглашения на уровне основного закона уважения свободы и частной собственности.

⁶⁹ *Observations*, *op. cit.*, p. 361–362.

⁷⁰ *Entretiens*, *op. cit.*, p. 248. Дидро, обозначив альтернативный вариант, все-таки склоняется к этому мнению: «Корпорация подданных, которая в случае неодобрения может или не может ограничить дурную волю суверена» (*ibid.*, p. 235).

этот орган в полной мере играл роль «смотрителя суверенной власти», защитника «народов от произвола слабоумного или злого суверена»⁷¹.

Условия успешного осуществления конституционного контроля разнообразны. Прежде всего суверен должен согласиться на самоограничение и ограничение своих преемников, надежно закрепив права промежуточных учреждений⁷². Следовательно, допускаемая уступка власти в пользу хранилища законов должна быть «вечной и неизменной»⁷³. Такова цена гарантии независимости «учреждения, охраняющего основные законы государства», условие *sine qua non* эффективности конституционного контроля и даже существования примитивной иерархии норм, которая считается неизвестной деспотизму⁷⁴. Итак, для Дидро важно, чтобы хранилище законов не могло быть «ущемлено в правах» ни сувереном, ни его магистратами⁷⁵. Поэтому не следует доверять контроль такому органу, как русский Сенат, – философ утверждает, что «сенат ничего не значит»⁷⁶. Тогда контроль должен осуществлять народ? Эта идея, высказанная Гольбахом⁷⁷, не находит поддержки у философа. Предпочтительнее возложить данное полномочие на орган, репрезентирующий нацию в силу непосредственного представительства? Такое решение, одобряемое непродолжительное время в интересах консультативной комиссии⁷⁸, было затем отброшено. На самом деле, подавляющее большинство граждан не достигло необходимой зрелости и может поддаться соблазнам⁷⁹; оно не способно назначать подходящих людей. Отступая здесь от концепции Монтескье, согласно которой «народ в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти»⁸⁰, Дидро провозглашает важность развития народного просвещения и непоколебимо критикует английскую систему⁸¹. Наконец, кажется, что он склоняется к решению, предполагающему создание уникального учреждения, которое не было бы ни политическим, ни судебным, а было бы, возможно, чем-то средним между ними, между английским парламентом и французским парламентом⁸². Поскольку, по его мнению, французский парламент не мог бы стать образцом в этом деле.

⁷¹ *Ibid.*, p. 245.

⁷² *Observations, op. cit.*, p. 360.

⁷³ *Entretiens, op. cit.*, p. 227 ; *ibid.*, p. 235.

⁷⁴ Montesquieu, *Esprit de lois, op. cit.*, tome 2, II.4, p. 249: «В деспотических государствах, где нет основных законов, также нет и охраняющих их учреждений». Адвокат Ленгэ (Linguet) отмечает в данном случае непоследовательность Монтескье, который пишет (*ibid.*, II.5, p. 249): «Учреждение должности визирия есть основной закон в таком (деспотическом) государстве», *in Du plus heureux Gouvernement*, Londres, 1774, tome 2, p. 54.

⁷⁵ *Observations, op. cit.*, p. 363.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 364.

⁷⁷ В самом деле, барон Гольбах утверждает, что нация, стоящая у истоков основных законов, может «отклонять» противоречащие ее истинным желаниям «гражданские законы» (т. е. политические законы, исходящие от «суверена») (см.: Holbach, *La politique naturelle*, Londres, 1773, tome 1, p. 97).

⁷⁸ *Entretiens, op. cit.*, p. 274–278.

⁷⁹ *Observations, op. cit.*, p. 358–359.

⁸⁰ *Esprit des lois, op. cit.*, tome 2, II.2, p. 240–241.

⁸¹ *Observations, op. cit.*, p. 364. Дидро отмечает, что «богатый человек покупает голоса своих доверителей, чтобы добиться чести быть их представителем; двор покупает голоса представителей, чтобы управлять деспотичнее».

⁸² *Ibid.*, p. 363: «Я хотел бы... чтобы разгром нашего парламента и коррумпированность английского парламента послужили уроком для Петербурга, где возникло бы что-нибудь лучше, чем первый и второй».

Б. – Неудача парламентского контроля во Франции

Обреченность парламентской формы контроля была подтверждена событиями, которые произошли незадолго до написания философом его замечаний⁸³. Дидро не спорит с тем, что парламенты наделили себя властью проверять волеизъявления короля на их соответствие «закону государства»⁸⁴ – по меньшей мере, начиная с 1718 г.⁸⁵ Кроме того, по этой причине он признает за ними «высокий и великолепный» статус «хранителей и защитников основных законов нации»⁸⁶.

Но, в отличие от янсенистских авторов «Максим французского публичного права», защищающих, несмотря ни на что, компетенцию суверенных судов с целью оказать сопротивление принятию королевских законодательных мер, противоречащих «конституции государства»⁸⁷, Дидро подчеркивает пределы их юрисдикций. Он делает все возможные выводы из истории парламента, учреждение которого, если верить ему, было случайным, прерогативы сомнительными, а существование ненадежным⁸⁸. Созданный королем, этот суд всегда находился в зависимости от королевской власти, которой он был обязан, помимо своего существования, изначально юрисдикционными полномочиями. В этом вопросе философ не согласен с выводами парламентских юристов, которые пытались представить этот орган власти таким же древним, как монархия⁸⁹. Парламенты получали свой авторитет от монарха в силу передачи им соответствующих полномочий, впрочем, «плохо спаянной», которой следовало быть более надежной, гарантированной нацией⁹⁰, т. е. поднятой на уровень основных законов. Поэтому полномочия магистратов были определены «правилами, ограничениями и условиями», провозглашенными сувереном, который всегда мог их отменить или упразднить⁹¹.

Кроме того, предусматривались законные средства принуждения, чтобы сломить оппозицию королевской воле: королевские повеления о регистрации парламентами эдиктов и ордонансов (*lettres de jussion*) и «ложе справедливости» (*lit de justice*)⁹². Было немислимо, чтобы противостояние заходило слишком далеко, поскольку оно могло привести к прекращению деятельности парламента. К тому же единственной эффективной мерой противодействия давлению со стороны Мопу могла быть «повсеместная и внезапная» отставка всех советников – мера, способна ввергнуть нацию в состояние анархии⁹³. Таким образом, путь министра к триумфу мог оказаться не столь простым, но боязливые парламентарии не решились на эту крайнюю меру⁹⁴.

Более того, парламент начал контролировать конституционность законов случайно⁹⁵. Это полномочие не было возложено на него, и Дидро совершенно спра-

⁸³ *Ibid.*, p. 364: «Во Франции таким депозитарием был парламент, но парламента больше нет».

⁸⁴ Ср.: *supra*, note 66.

⁸⁵ *Entretiens, op. cit.*, p. 245. Выражение «закон государства» означает закон королевства. Дидро упоминает также закон «здравого смысла», содержание которого менее понятно.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 242.

⁸⁷ J.-L. Mestre, *article cité*, p. 24.

⁸⁸ *Entretiens, op. cit.*, p. 245.

⁸⁹ Это утверждение из работы: Le Paige, *Lettres historiques sur les fonctions essentielles du Parlement*, Amsterdam, 1753, 1re partie, p. 123, которое повсеместно встречается в парламентской литературе, в том числе у такого менее интересного автора, как Cantalauze de la Garde, *Dissertation sur l'origine et les fonctions essentielles du Parlement*, Amsterdam, 1764, p. 127. Данная идея находит свое выражение в парламентских ремонстрациях. Ср.: R. Bickart, *op. cit.*, p. 116.

⁹⁰ *Entretiens, op. cit.*, p. 248.

⁹¹ *Ibid.*, p. 227.

⁹² *Ibid.*, p. 236.

⁹³ *Ibid.*, p. 236–237.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 228–229. Дидро убежден, что в России все будет происходить иначе (см.: *Observations, op. cit.*, p. 363).

⁹⁵ *Entretiens, op. cit.*, p. 235 ; p. 242–243.

ведливо утверждает, что «регистрация, по своей сути, имеет единственную цель сохранения закона в реестре в аутентичном виде на случай утраты его оригинала»⁹⁶. Такое начало вряд ли сулило надежность контроля.

Другой, не менее важный аргумент, направленный против института парламентского конституционного контроля, связан с узостью точки зрения, ограниченной исключительно корпоративными интересами. Конечно, на всем протяжении борьбы с королевской властью парламент кичился в своих замечаниях тем, что он репрезентирует нацию, но такая формулировка не имела под собой оснований⁹⁷. Никакой акт и никакое делегирование полномочий не оправдывали этого притязания. Людовик XV неоднократно указывал в своих речах, и особенно во время т. н. сеанса Бичевания (3 марта 1766 г.), на то, что «права и интересы нации, которые осмеливаются обособить от монарха, обязательно согласуются с моими и находятся в моих руках»⁹⁸. В свою очередь, Дидро, если он верит в автономию национального сообщества, то он не считает, что Парламент мог пользоваться всеобщим уважением⁹⁹ или расположением нации¹⁰⁰, – таков вывод, к которому он приходит, возможно, принимая во внимание колебания общественного мнения. Он не сомневается в том, что парламентарии никогда не стремились защищать народ¹⁰¹. Если они вступали в борьбу, то лишь в том случае, когда речь шла о защите их частных интересов¹⁰². Этот дух эгоизма был настолько естественен для них, что суверенные суды только по видимости были объединены в единое целое, тогда как на самом деле они оставались разобщенными. В данном случае философ подтверждает бесполезность «классовой теории», согласно которой все суды королевства составляли, по сути, единый Парламент¹⁰³. Он упрекает парижских магистратов, ослепленных своим положением, в том, что они «относились с пренебрежением» к провинциальным коллегам и оттеснили герцогов и пэров, чье сопротивление могло бы помешать министру¹⁰⁴. С этой точки зрения он отмечает отсутствие согласованной оппозиции различных «классов», которые «были уничтожены один за другим, как стада баранов»¹⁰⁵.

Критично настроенный по отношению к старому Парламенту, Дидро еще острее критикует режим, установленный канцлером¹⁰⁶. Сторонник патриотического направления, как и большинство просвещенных людей¹⁰⁷, он осуждает реформу

---

⁹⁶ *Ibid.*, p. 235. Ср.: A. Rigaudière, *Pouvoirs et institutions dans la France médiévale*, Paris, A. Colin, tome 2, p. 216–217.

⁹⁷ R. Bickart, *op. cit.*, p. 111 et s.; Fr. Olivier-Martin, *Les Parlements*, *op. cit.*, p. 433 et s. Юристы, враждебно настроенные по отношению к парламентам, старались оспорить это заявление. Ср., например: J.-N. Moreau, *Les devoirs du prince ou discours sur la justice*, Versailles, imprimerie du département des affaires étrangères, 1775, p. 347–348.

⁹⁸ In Flammermont, *Remonstrances*, *op. cit.*, tome 2, p. 558. Речь короля Людовика XV, произнесенная им в парижском парламенте во время т. н. сеанса Бичевания («séance de la flagellation») 3 марта 1766 г., считается наиболее полным и подробным изложением его доктрины монархии. – *Прим. пер.*

⁹⁹ *Entretiens*, *op. cit.*, p. 237.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 229.

¹⁰¹ *Ibid.*

¹⁰² *Ibid.*, p. 237.

¹⁰³ Ср.: R. Bickart, *op. cit.*, p. 143–193. В декабрьском эдикте 1770 г. король жалуется на то, что суды «рассматриваются как составляющие единую корпорацию и единый парламент, разделенный на составные элементы, распределенные по разным частям королевства» (цит. по: J. Flammermont, *Le chancelier Maupeou et les Parlements*, *op. cit.*, p. 116–117).

¹⁰⁴ *Entretiens*, *op. cit.*, p. 237.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 238.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 239.

¹⁰⁷ Дидро примыкает к этой «части республики писем», которая, по словам Суляви, была благосклонной к старому парламенту (см.: Soulavie, *Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI*, Paris, Treuttel et Würtz, 1801, tome 2, p. 174). Действительно, за исключением – примечатель-

Мопу, в адрес которого отпускает нелицеприятные высказывания, напоминающие по стилистике парламентскую пропаганду¹⁰⁸. Он не представляет, как можно доверять осуществление права ремонстрации юрисдикционному органу, который считается не просто зависимым, а полностью покорным министру. Еще меньше, чем его предшественник, такое учреждение может образовать подлинную преграду для «защиты народов».

В любом случае Дидро не ожидал в 1773–1774 гг., что Людовик XVI, вскоре после восшествия на престол, восстановит парламенты. К тому же в соответствии с принципами, установленными прежде и развитыми благодаря «Максимум французского публичного права», парламенты утверждаются как хранители основных законов¹⁰⁹. Об этом напрямую заявляется в Декларации парижского Парламента от 3 мая 1788 г., где уже расширенный перечень основных законов дополняется «правом судов проверять в каждой провинции волеизъявления короля и регистрировать их только при том условии, что они соответствуют как конституционным законам провинции, так и основным законам»¹¹⁰. Учредительные собрания революционной эпохи не замедлили решить этот вопрос иным образом и запретили трибуналам «вмешиваться в осуществление законодательной власти»¹¹¹.

ным – Вольтера, философы в основном встали на сторону старого парламента. Ср.: M. Wagner, *Parlements, in Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820*, Munich, R. Oldenbourg Verlag, 1988, tome 10, p. 75 et s. Что касается позиции Вольтера, занятой им по отношению к парламенту, то, как отмечает Н. И. Кареев, «оставаясь верным идее просвещенного абсолютизма, Вольтер приветствовал удар, нанесенный парламенту рукою министра, но громадное большинство думало иначе: парламент, говорили в обществе, защищал свободу от деспотизма, а “революция”, совершенная Мопу, наоборот, уничтожала всякие преграды, сдерживавшие произвол власти. <...> В тогдашней прессе чуть ли не один Вольтер указывал на то, что “основными законами, защищавшимися парламентом, были в сущности лишь те злоупотребления, от которых страдал народ”» (Кареев Н. Указ. соч. С. 409. – *Прим. пер.*).

¹⁰⁸ Дидро, сын ножовщика, высмеивает социальное происхождение Мопу и осуждает его двуличие (см.: *Entretiens, op. cit.*, p. 248–249). Рене Никола Шарль Огюстен де Мопу, маркиз де Морангль и де Бюлли, виконт де Брюйер-ле-Шатель (1714–1792), был сыном первого президента парижского парламента и канцлера. В девятнадцать лет он был назначен советником парламента, а потом и первым президентом. – *Прим. пер.*

¹⁰⁹ Парижский парламент объявил 20 января 1775 г. о том, что он неуклонно следует «принципам, которые соответствуют законам, максимум и обычаям монархии» и использует любую возможность для того, чтобы сослаться на них «вопреки нововведениям и постановлениям, противоречащим им или способным нарушить законы королевства и конституцию государства» (см.: Isambert, *Recueil général des anciennes lois*, tome 23, p. 135).

¹¹⁰ *Archives parlementaires*, 1re série, tome 1, p. 285. Таким образом, парламент предполагал предвосхитить судебные реформы Ламуаньона, который намеревался учредить суд, компетентный на своих пленарных заседаниях проверять общие законы, вместо различных суверенных судов. Имеется в виду Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб (1721–1794) – французский государственный деятель, советник парламента, президент податной палаты, министр королевского двора, один из адвокатов на суде над Людовиком XVI. Во время борьбы короля с парламентом он встал на сторону последнего и требовал созыва Генеральных штатов. По настоянию канцлера Мопу в апреле 1771 г. Людовик XV уничтожил протестовавшую в лице Мальзерба податную палату и удалил его от дел. Спустя три года Людовик XVI восстановил податную палату и назначил Мальзерб ее президентом, а затем и министром королевского двора. Мальзерб разделял взгляды одного из основоположников экономического либерализма министра Тюрго и планировал провести реформы государственного управления, в том числе направленные на совершенствование судопроизводства. Однако в 1776 г. он вышел в отставку. В 1787 г. Мальзерб занял министерский пост в качестве хранителя государственной печати, но уже в следующем году удалился из Парижа в изгнание. Во время революции защищал Людовика XVI перед Конвентом, выразив в письме к его председателю свою преданность королю. Обвиненный в заговоре против республики, Мальзерб был арестован и казнен вместе с дочерью и зятем в апреле 1794 г. – *Прим. пер.*

¹¹¹ Constitution du 3 septembre 1791, titre III, chap. V, art. 3. Ср.: J.-L. Mestre, *La Cour de cassation et le contrôle de constitutionnalité. Données historiques, in La Cour de cassation et la Constitution de la République*, Aix-en-Provence, PUAM, 1995, p. 47.

Bibliography

1. Antoine M. La monarchie absolue // K. M. Baker (dir.). The political culture of the old regime. Oxford: Pergamon Press, 1987, p. 4.
2. Antoine M. Louis XV. Paris : Fayard, 1989.
3. Archives parlementaires, 1re série, tome 1, p. 285.
4. Arrêté du Parlement de Paris du 7 janvier 1771 // Journal historique de la révolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. De Maupeou, chancelier de France, Londres, 1774, tome 1, p. 26.
5. Bickart R. Les Parlements et la notion de souveraineté nationale au XVIIIe siècle, thèse droit. Paris : Alcan, 1932, p. 86–100.
6. Brillon J. Dictionnaire des arrêts ou jurisprudence universelle des Parlements de France. Paris, 1727, tome 3, verbo «Enregistrement», p. 108.
7. Catherine II. Instruction en vue de l'éboration d'un Code des lois // Revue d'histoire économique et sociale, 1920.
8. Collas P. Le contrôle de constitutionnalité en URSS // RDP, 1990, p. 1035–1054.
9. Constitution du 3 septembre 1791, titre III, chap. V, art. 3.
10. Coquin Fr.X. La grande commission législative (1767–1768). Les cahiers de doléances urbains. Paris-Louvain : Nauwelaerts, 1971.
11. Diderot D. Entretiens avec Catherine II (1773) / Œuvres politiques, éd. P. Vernière. Paris : Garnier, 1963.
12. Diderot D. Observations sur l'Instruction de Sa Majesté impériale (1774) / Œuvres politiques, éd. P. Vernière. Paris : Garnier, 1963.
13. Diderot et Catherine II, Paris, Calmann-Lévy, 1899.
14. Dulac G. Pour reconsidérer l'histoire des Observations sur le Nakaz / G. Dulac (dir.). Pour éditer Diderot. Oxford : SVEC, n° 254, 1988, p. 486.
15. Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire. Paris : Colin, 1970.
16. Encyclopédie. Genève-Neuchâtel, Pellet-Société typographique, 3e éd., 1778, verbo « Autorité politique », tome 4, p. 120–125.
17. Flammermont J. Le chancelier Maupeou et les Parlements. Paris : Picard, 1883.
18. Flammermont J. Remontrances du Parlement de Paris. Paris : Imprimerie nationale, 1898, tome 3.
19. Garde C., de la. Dissertation sur l'origine et les fonctions essentielles du Parlement. Amsterdam, 1764, p. 127.
20. Gelard P. L'actualité constitutionnelle en URSS et en Europe de l'Est, chronique // Revue française de Droit constitutionnel, n° 1, 1990, p. 153–154.
21. Holbach P.H.D. d°. La politique naturelle ou Discours sur les vrais principes du Gouvernement. Londres, 1773, tome 1, p. 97.
22. Isambert F.-A. Recueil général des anciennes lois, tome 23, p. 135.
23. Le concept de République en France (XVIe–XVIIIe siècle), M. Ganzin dir. Presses Universitaires d'Aix-Marseille, 1998.
24. Le Parlement justifié par l'impératrice de Russie // Maupeouana ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du chancelier Maupeou. Paris, 1775.
25. Leca A. Les grandes étapes du contrôle de constitutionnalité des lois dans la pensée politique européenne d'Aristote à Kelsen // RRJ, 1987-3, p. 968–969.
26. Linguet S. N. H. Du plus heureux Gouvernement, Londres, 1774, tome 2, p. 54.
27. Lortholary A. Les «philosophes» du dix-huitième siècle et la Russie. Paris : Boivin, 1951, p. 104–106.
28. Maximes du droit public français. Amsterdam : Rey, 1775, tome 1.
29. Mestre J.-L. L'évocation d'un contrôle de constitutionnalité dans les Maximes du droit public français (1775) // État et pouvoir. L'idée européenne (Actes du colloque de Toulouse de l'Association française des historiens des idées politiques), Aix-en-Provence, PUAM, 1992, p. 24–25.
30. Mestre J.-L. La Cour de cassation et le contrôle de constitutionnalité. Données historiques // La Cour de cassation et la Constitution de la République, Aix-en-Provence, PUAM, 1995, p. 47.
31. Montesquieu Ch.-L. Esprit des lois / Œuvres complètes, éd. R. Caillois. Paris : Gallimard/Pléiade, 1951.

32. Moreau J.-N. Les devoirs du prince ou discours sur la justice, Versailles, imprimerie du département des affaires étrangères, 1775, p. 347–348.
33. Olivier-Martin Fr. Les Parlements contre l'absolutisme traditionnel au XVIIIe siècle. Paris : LGDJ, reprint 1997.
34. Paige Le. Lettres historiques sur les fonctions essentielles du Parlement. Amsterdam, 1753, 1re partie, p. 123.
35. Riasanovsky N.V. Histoire de la Russie. Paris: Laffont, 1987.
36. Rigaudière A. Pouvoirs et institutions dans la France médiévale. Paris : A. Colin, tome 2, p. 216–217.
37. Rigaudière A. Pratique politique et droit public dans la France des XIVe et XVe siècles // APD, tome 41, 1997, p. 96 et s.
38. Royer J.-P. Histoire de la justice en France. Paris : PUF, 1995.
39. Schmale W. Les Parlements et le terme de constitution au XVIIIe siècle en France : une introduction // Il Pensiero politico, 1987, n° 3, p. 422.
40. Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. Paris : Treuttel et Würtz, 1801, tome 2, p. 174.
41. Szeftel M. La participation des assemblées populaires dans le Gouvernement central de la Russie depuis l'époque kiévienne jusqu'à la fin du XVIIIe // Recueils de la Société Jean Bodin, "Gouvernés et gouvernants". Bruxelles : Librairie encyclopédique, 1965, XXV, 4e partie, p. 364.
42. Trosne Le. L'Esprit de l'Instruction de S.M. l'Impératrice de Russie (BN de Russie à St-Petersbourg, Ms, ERM FR 5).
43. Vallotton H. Catherine II. Paris: Fayard, 10e éd., 1955, p. 22.
44. Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des Conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou, thèse droit. Paris : Jouve et Cie, 1937.
45. Voltaire. Dialogues entre A, B, C, in Œuvres complètes, éd. Beuchot. Paris : Garnier, 1879, tome 27, 1er entretien, p. 320.
46. Voltaire. Lettre à Catherine II du 26 février 1769 / Correspondance, éd. Th. Besterman, Paris : Gallimard/Pléiade, 1985, tome 9, p. 795-796.
47. Wagner M. Parlements // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680-1820. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1988, tome 10, p. 75.
48. Wilson A. M. Diderot, sa vie et son œuvre. Paris : Laffont-Ramsay, 1985.

Éric Gojosso,

professor of Law, honorary Dean of the Faculty of Law and Social Sciences,
director of the Institute of the History of Law

**The Establishment of a Judiciary with the Power
of Constitutional Review According to Catherine II of Russia
and its Repercussions in France (1766–1774)**

The article is devoted to the main provisions of the draft institution in the Russian Empire of constitutional review, which are set out by Catherine II in her Instruction for deputies of the Standing Committee. As the author notes, the ideas of the Russian Empress, largely borrowed from Montesquieu, were relevant in France of the Old Order era. This is due primarily to the fact that they could be used by members of parliaments and their supporters in the struggle to preserve the privileges of the higher courts of the kingdom. In addition, to the provisions of the project Diderot wrote comments in which he posed and tried to resolve important issues related to the institution of constitutional control. The author focuses on such issues as the concept and content of the fundamental laws of the state, the hierarchy of normative legal acts, the grounds and mechanisms for limiting sovereign power, and the essence of political representation.

Key words: parliament; constitutional review; fundamental laws; registration; sovereignty; authority; jurisdiction.

Актуальные вопросы международной защиты прав детей (к 30-летию Конвенции о правах ребенка)

В статье рассматриваются вопросы создания и признания основных международных стандартов по правам ребенка. Анализируются направления деятельности различных органов и специализированных учреждений ООН по защите прав детей. Исследуется практика Комитета по правам ребенка. Рассматриваются материалы докладов, посвященных защите прав детей, подготовленные Генеральным секретарем ООН, Детским фондом ООН, специальными докладчиками Совета по правам человека ООН, представителями УВКПЧ и УВКБ.

Ключевые слова: защита прав детей; международные стандарты по правам детей; ООН; Конвенция о правах ребенка; факультативные протоколы; Комитет по правам ребенка.

Становление международных и национальных институтов по защите прав детей начинается в XX веке. До того времени «положение детей можно назвать бесправным, рабским в процессе исторического развития, пренебрежительное отношение к ребенку было свойственно практически всем странам» [1, с. 739].

В 1919 г., для преодоления тяжелых последствий Первой мировой войны, в связи с ухудшением положения социально уязвимых групп населения (прежде всего детей), Лига Наций создала Комитет детского благополучия, призванный предпринимать меры для борьбы с беспризорностью, использованием детского труда, торговлей детьми и проституцией несовершеннолетних.

В 1924 г. в целях обеспечения охраны здоровья детей, защиты их прав, на пятой сессии Лига Наций приняла Женевскую декларацию прав ребенка (далее – Женевская декларация)¹, автором которой была Э. Джебб, основательница Международного союза спасения детей – первой международной организации, защищавшей права детей. Содержание Женевской декларации основывается на принципах равенства детей и необходимости их нормального развития, как физического, так и духовного; ликвидации детского голода; оказания медицинской помощи больным детям; оказания помощи и предоставления приюта сиротам и бездомным детям; первоочередности оказания помощи детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию; ограждения детей от всех форм эксплуатации и воспитания в атмосфере любви и заботы. Женевская декларация не была обязательной для подписавших ее государств, однако она положила начало закреплению прав ребенка в международном праве, стала основой современных международных стандартов по правам детей.

Резолюцией 1386 XIV Генеральной Ассамблеи ООН в 1959 г. была принята Декларация прав ребенка (далее – Декларация 1959 г.), нацеленная на обеспечение счастливого детства и использование детьми прав и свобод, закрепленных в Декларации. Она стала первым международным актом ООН, всецело посвященным вопросам защиты прав детей.

---

* Светлана Андреевна Анисимова, магистр юриспруденции, учитель истории и обществознания ГКОУ СО «Екатеринбургская школа-интернат для детей, нуждающихся в длительном лечении» (г. Екатеринбург).

** Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Женевская декларация прав ребенка (1924) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [справочно-правовая система] (дата обращения: 22.12.2018).

В Декларации 1959 г. отмечалось, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»². Особое внимание в данном документе уделяется недопустимости дискриминации детей по какому-либо признаку, обеспечению полного и гармоничного развития каждого ребенка, в том числе детей, не имеющих семьи или достаточных средств к существованию. Наряду с этим в Декларации 1959 г. было закреплено право каждого ребенка на образование, по крайней мере начального уровня, право на защиту от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации. Декларация 1959 г. в течение следующих 30 лет была основным международным актом по правам детей, направленным на их охрану и защиту.

После Второй мировой войны, начиная со времени создания и признания ООН, права детей закрепляются во всех универсальных международных стандартах по правам человека. Так, в п. 2 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека указано, что материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. В ст. 24 Международного пакта о политических и гражданских правах 1966 г.³ закреплены права ребенка на необходимые меры защиты, имя и гражданство. Статья 10 принятого в 1966 г. Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах гласит, что в отношении детей и подростков должны приниматься меры особой охраны и помощи, гарантируется защита детей и подростков от экономической и социальной эксплуатации⁴. Также п. 2 ст. 13 данного пакта закрепляет обязательное и бесплатное начальное образование, гарантирует равный доступ к среднему и высшему образованию.

В период с 1979-го по 1989 г. специалисты государств – членов ООН вели разработку нового документа о правах ребенка, в котором бы максимально учитывались все стороны жизни ребенка в обществе. Этим документом стала Конвенция о правах ребенка (далее – Конвенция)⁵, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.

«Процесс выработки специальной конвенции о правах ребенка начался в связи с объявлением ООН 1979 г. Международным годом ребенка. Проект конвенции был внесен для обсуждения еще в 1978 г. правительством Польши. Разработка положений проекта конвенции проходила в рабочей группе, созданной Комиссией ООН по правам человека, с участием представителей УВКБ, МОТ, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ряда международных неправительственных организаций. Совместная работа всех экспертов привела к существенным изменениям и дополнениям первоначального проекта» [2, с. 14–15].

В Конвенции понятие «ребенок» определяется следующим образом: это «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»⁶. Основным принципом защиты прав ребенка является признание приоритета интересов детей. Также в Конвенции выделяются группы детей, нуждающихся в особой защите: сироты, инвалиды, беженцы.

---

² Декларация прав ребенка (1959) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [справочно-правовая система] (дата обращения: 22.12.2018).

³ Международный пакт об политических и гражданских правах Организации Объединенных Наций (1966) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [справочно-правовая система] (дата обращения: 20.12.2018).

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах Организации Объединенных Наций (1966) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [справочно-правовая система] (дата обращения: 20.12.2018).

⁵ Конвенция о правах ребенка Организации Объединенных Наций (1989) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [справочно-правовая система] (дата обращения: 25.12.2018).

⁶ Там же.

Главное отличие Конвенции от Декларации прав ребенка 1959 г. состоит в том, что Конвенция установила минимальные нормы, стандарты и необходимые обязательства государств в области защиты прав ребенка. Государства, ратифицировавшие данную Конвенцию, обязаны выполнять эти стандарты.

Конвенция о правах ребенка – первый международный правовой документ, который наиболее полно закрепляет права детей: экономические, социальные, культурные, гражданские, политические.

Важен тот факт, что «Конвенция о правах ребенка является единственной среди основных международных договоров о правах человека, которая вступила в силу за очень короткое время – меньше года после ее принятия – 2 сентября 1990 г., в соответствии со ст. 49 Конвенции после ее ратификации 20-м государством» [2, с. 15].

К 2002 г. документ был ратифицирован 191 государством – членом ООН. Каждое государство 1 раз в 5 лет должно предоставлять в Комитет ООН по правам ребенка периодический доклад, в котором нужно указать ответы, комментарии, аргументы, обоснования по следующим основным вопросам: 1) какие действия предпринимаются в данной стране для реализации положений Конвенции; 2) какие сложности возникают при реализации тех или иных положений Конвенции; 3) какие пути решения этих проблем намечаются государством.

На основе предоставленной информации Комитет по правам ребенка готовит заключительные замечания для каждого государства, в которых отмечается следующее: на какие вопросы, вызовы, риски, несоответствия в правоприменительной практике, пробелы в законодательстве стоит обратить особое внимание, какие проблемы необходимо решать в первую очередь, какие существуют методы их решения и т. п.

Конвенция о правах ребенка 1989 г. на данный момент ратифицирована 195 странами. Последними государствами – участниками ООН, ратифицировавшими Конвенцию в 2015 г., стали Сомали и Южный Судан. Конвенция не ратифицирована только США.

К Конвенции о правах ребенка в 2000 г. были приняты два факультативных протокола. Факультативный протокол об участии детей в вооруженных конфликтах⁷ на данный момент ратифицирован 147 государствами. Факультативный протокол о торговле детьми, детской проституции и порнографии⁸ ратифицирован 150 странами.

19 декабря 2011 г. был принят Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений; он вступил в силу 14 апреля 2014 г. Протокол ратифицирован 25 странами, среди них Перу, Португалия, Бельгия, Монголия, Италия и другие, однако Российская Федерация в этот перечень пока не входит.

«В дальнейшем различные аспекты прав ребенка нашли развитие в так называемых источниках “мягкого” права, а именно: в Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и усыновление на национальном и международно-правовом уровнях от 3 декабря 1986 г. (рез. 41/95 ГА ООН); Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несо-

---

⁷ Факультативный протокол об участии детей в вооруженных конфликтах (2000) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (дата обращения: 25.12.2018).

⁸ Факультативный протокол о торговле детьми, детской проституции и порнографии (2000) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (дата обращения: 25.12.2018).

вершеннолетних (так называемые «Пекинские правила») от 29 ноября 1985 г. (рез. 40/33 ГА ООН)...» и др. [2, с. 13–14].

В мае 2017 г., выступая на 75-й сессии Комитета ООН по правам ребенка в Женеве, представитель УВКПЧ ООН И. Салам выразил обеспокоенность тяжелым положением детей в бедных, развивающихся государствах, и отметил, что многие из них не имеют доступа к здравоохранению и образованию. Очень часто эти дети живут в семьях, находящихся в условиях крайней нищеты. И. Салам отметил, что из 280 детей, появляющихся на свет каждую минуту, 254 рождаются в развивающихся странах и лишь 26 – в развитых. «Несмотря на успехи в области здравоохранения и образования, миллионы детей в бедных странах все еще живут в условиях абсолютной нищеты, недоедают, не ходят в школу и подвергаются насилию», – заявил представитель ООН⁹.

Нарушения прав детей были наглядно продемонстрированы в ежегодном докладе ООН о положении детей в условиях вооруженных конфликтов. 31 октября 2017 г. он был официально представлен Генеральным секретарем ООН Антониу Гуттеришем членам Совета Безопасности.

В приложении к данному докладу А. Гуттериша содержится так называемый «черный список» вооруженных сил государств и негосударственных вооруженных группировок, которые совершают грубейшие нарушения прав детей. «Мы являемся свидетелями того, как вооруженные группы используют девочек и мальчиков в качестве террористов-смертников. Мы видим, как дети подвергаются стигматизации за то, что были принудительно завербованы в вооруженные ряды. Мы видим, что дети несут уголовную ответственность за действия, к которым их принуждали», – заявил Генеральный секретарь ООН¹⁰.

Глава ООН осудил насилие, в частности сексуальное, в отношении детей в Нигерии, Демократической Республике Конго, Южном Судане и других местах. Также в своем докладе Антониу Гуттериш с сожалением отметил, что в 2016 г. в Афганистане было убито «огромное» число детей, а масштабы вербовки подростков в «солдаты» в Сирии и в Сомали увеличились вдвое. Он решительно осудил ставшие регулярными нападения на школы и больницы в зонах конфликта. Такие преступления, по словам главы ООН, привели к тому, что в 2016 году десятки миллионов детей во всем мире были вынуждены покинуть свои дома и спасаться бегством¹¹.

В докладе «Знакомое лицо: насилие в жизни детей и подростков» (ноябрь 2017 г.), подготовленном Детским фондом ЮНИСЕФ, было отмечено, что миллионы детей в разных государствах так или иначе подвергались насилию. При этом насильственные действия в отношении детей совершались не только такими категориями, как террористы, контрабандисты, насильники и др., но и близкими, как дома, так и в школе¹².

В данном докладе Детского фонда ООН (ноябрь 2017 г.) приводятся ужасающие цифры и факты, например: более чем 300 миллионов проживающих на планете детей в возрасте от 2 до 4 лет подвергались физическому наказанию или психологическому насилию со стороны родителей и иных законных представителей. Также в докладе было отмечено, что 732 миллиона детей в возрасте от 6 до 17 лет

---

⁹ Многие дети в развивающихся странах все еще живут в условиях невыносимой нищеты [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. – URL: http://www.un.org/russian/news/text_news/story.asp?newsID=27943 (дата обращения: 23.12.2018).

¹⁰ Глава ООН призвал Совет Безопасности покончить с безнаказанностью за преступления в отношении детей в зонах конфликтов [Электронный ресурс] // Центр новостей ООН. – URL: http://www.un.org/russian/news/text_news/story.asp?newsID=27943 (дата обращения: 28.12.2018).

¹¹ Там же.

¹² См.: Доклад Детского фонда ООН (2017) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unicef.org/publications/index_101397.html (дата обращения: 25.12.2018).

проживают в таких государствах, где отсутствуют законы, ограждающие их от телесных наказаний в школе.

ЮНИСЕФ призывают руководителей государств – членов ООН к принятию незамедлительных мер в соответствии с рекомендациями, разработанными ВОЗ, ЮНИСЕФ и их партнерами. В их числе следующие: «просвещение родителей и детей; внедрение социальных и культурных норм поведения, не допускающих насилия; сокращение доступа к огнестрельному оружию, а также развитие социальных служб по оказанию помощи пострадавшим»¹³.

Вопросами международной защиты прав ребенка, наряду с главными органами ООН (например, Генеральной Ассамблеей ООН, Советом Безопасности ООН, Советом по правам человека ООН, др.) и специализированными учреждениями ООН (Детским фондом ООН, др.) занимается один из договорных (конвенционных) органов по правам человека в системе ООН – Комитет по правам ребенка (далее – КПР).

Четыре общих принципа, закрепленные в Конвенции, выделены КПР как приоритетные для государств при осуществлении прав детей:

- 1) недискриминация (ст. 2);
- 2) наилучшее обеспечение интересов ребенка (ст. 3);
- 3) право на жизнь, выживание и здоровое развитие (ст. 6);
- 4) право ребенка свободно выражать свои собственные взгляды по всем затрагивающим его вопросам (ст. 12) [3, с. 15].

КПР был создан в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и наделен следующими полномочиями: 1) вправе получать и рассматривать периодические доклады государств – участников Конвенции; 2) давать консультации правительствам государств-участников по вопросам защиты прав ребенка; 3) сотрудничать с неправительственными организациями в вопросах защиты прав ребенка; 4) получать и рассматривать индивидуальные сообщения (жалобы) о нарушениях прав ребенка в государствах-участниках.

В компетенцию Комитета по правам ребенка входит рассмотрение индивидуальных сообщений о предполагаемых нарушениях Конвенции о правах ребенка и факультативных протоколов к ней, касающихся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (далее – ФПТД) и участия детей в вооруженных конфликтах (далее – ФПВК) государствами-участниками, а также третьего Факультативного протокола, касающегося процедуры сообщений (далее – ФППС)¹⁴.

ФППС вступил в силу 14 апреля 2014 г. Данный документ предоставляет детям возможность самостоятельно подавать в КПР жалобы на нарушения их прав и предусматривает следующие три возможных механизма противодействия нарушениям прав детей в мире:

- 1) индивидуальные жалобы и сообщения;
- 2) расследования, которые применяются прежде всего при необходимости привлечь внимание к массовым нарушениям прав детей в той или иной стране;
- 3) рассмотрение межгосударственных сообщений и жалоб государств на другие государства.

Несмотря на то что ФППС уже вступил в силу, он остается недоступным для большинства детей по всему миру, так как многие государства еще не ратифицировали данный протокол. Чтобы дети могли воспользоваться механизмом подачи жалоб, необходимо, чтобы государства ратифицировали ФППС.

На данный момент КПР было рассмотрено 12 сообщений из 6 стран, из них 6 сообщений против Испании. На рассмотрении находятся 39 обращений. По

¹³ Доклад Детского фонда ООН.

¹⁴ Подача жалоб на нарушения прав человека [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/TBPEtitions/Pages/HRTBPEtitions.aspx> (дата обращения: 14.12.2018).

странам также лидирует Испания – 26 жалоб, из Дании – 6 жалоб, из Финляндии и Бельгии – по две, по одной жалобе поступило из Грузии, Германии и Португалии. Возможно, количество сообщений было бы бóльшим, но Факультативный протокол, касающийся процедуры сообщений, был ратифицирован только 25 государствами – участниками Конвенции.

Наибольшее количество жалоб поступило на нарушение государствами-участниками ст. 3 Конвенции о правах ребенка (наилучшее обеспечение интересов ребенка), ст. 2 (защита от всех форм дискриминации), ст. 8 (право на сохранение своей индивидуальности) и ст. 27 (право на уровень жизни, необходимый для развития ребенка).

Из 12 сообщений, поступивших в Комитет по правам ребенка, только два были признаны приемлемыми. Это I.A.M. против Дании и Y.B. and N.S. против Бельгии. Основные причины признания остальных сообщений неприемлемыми заключаются в том, что факты нарушений недостаточно обоснованы, доводы не мотивированы, в 2 случаях события, описанные в сообщении, произошли до вступления в силу ФППС. В одном из сообщений содержалась жалоба на нарушение прав совершеннолетнего автора, что противоречит сути Конвенции о правах ребенка, а также на нарушение прав автора, закрепленных в Международном пакте о политических и гражданских правах, а не в Конвенции о правах ребенка.

При подписании и ратификации Конвенции такие страны, как Андорра, Аргентина, Колумбия, Нидерланды, Испания, Уругвай сделали оговорки и заявления о том, что не согласны с установленным в статье 38 минимальным возрастом для вербовки и участия детей в вооруженных конфликтах начиная с 15 лет, устанавливая в национальном законодательстве возраст 18 лет.

Очень весомым препятствием на пути реализации положений Конвенции о правах ребенка являются культурные традиции народов мира, которые противостоят современным представлениям о стандартах прав ребенка. Об этом говорится в «Совместной общей рекомендации № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин/замечании общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике» от 14 ноября 2014 г.¹⁵ Вредная практика основывается на дискриминации, в том числе по признаку пола, гендерной принадлежности и возрасту, и, как правило, оправданием для ее применения служат ссылки на социально-культурные и религиозные обычаи и ценности, а также неверные представления, касающиеся некоторых неблагоприятных групп женщин и детей. В целом вредная практика чаще всего ассоциируется с серьезными формами насилия или является формой насилия в отношении женщин и детей. В разных регионах и культурах могут существовать разные истоки и показатели распространенности вредной практики, но наиболее распространенной и документально подтвержденной является практика калечащих операций на женских половых органах, детские и принудительные браки, полигамия, преступления, совершаемые «в защиту чести» и насильственное востребование приданого.

Многие государства – участники Конвенции, государственной религией которых является ислам, при подписании и ратификации сделали оговорки и заявления к тем положениям Конвенции, которые могут противоречить исламскому шариату. Это Афганистан, Алжир, Друней-Даруссалам, Иран, Ирак, Иордания, Кувейт, Мальдивы, Мавритания, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Сирийская Арабская Республика, Объединенные Арабские Эмираты. В частности, это ст. 14 (свобода мысли, совести и религии), 20 и 21 (усыновление). Стоит отме-

---

¹⁵ Комитет по правам ребенка. Общие замечания [Электронный ресурс]. – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=5&DocTypeID=11 (дата обращения: 17.12.2018).

туть, что Королевство Марокко, государственной религией которого является ислам, заявляет о свободе вероисповедания на своей территории¹⁶.

Интересно рассмотреть, например, оговорки к Конвенции, указанные Сингапуром: государство оставляет за собой право разумного применения телесных наказаний в наилучших интересах ребенка. Также власти Сингапура не считают нужным законодательно закреплять обязательность начального образования, так как практически все дети посещают начальную школу, а бесплатное начальное образование гарантировано только детям, являющимся гражданами страны¹⁷.

В целом, анализируя актуальные вопросы международной защиты прав детей в современном мире, надо отметить, что тяжелыми проблемами являются, во-первых, преступления против детей, совершаемые во всем мире. Дети становятся жертвами преступлений, в результате которых наносится вред их жизни, физическому и психическому здоровью. Во-вторых, дети по-прежнему становятся жертвами вооруженных конфликтов, в ходе которых разрушаются дома, школы, больницы. Многие дети теряют родителей. Также остается на высоком уровне число подтвержденных случаев вербовки детей как правительственными силами, так и негосударственными вооруженными группами.

Барьерами на пути реализации международных стандартов по защите прав ребенка можно считать тот факт, что многие государства сделали оговорки и заявления к положениям Конвенции. В частности, большая группа исламских государств оставила за собой право на своей территории не применять те положения Конвенции, которые могут противоречить нормам шариата.

В современном мире необходимо продолжать совершенствование институтов и механизмов международной, региональной и национальной защиты прав детей.

В каждой стране нужны совместные усилия органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества по выработке более эффективных, оптимальных и своевременных национальных, региональных и муниципальных правозащитных проектов, направленных на заботу о каждом ребенке, на соблюдение, обеспечение и защиту прав детей на основе принципов, закрепленных в Конвенции о правах ребенка 1989 г., прежде всего принципов недискриминации и наилучшего обеспечения интересов ребенка.

30-летие Конвенции о правах ребенка, которое отмечается в мире в 2019 г., должно стать одним из мощных стимулов для разработки новых факультативных протоколов к Конвенции, новых международных стандартов по правам детей (как самой социально уязвимой и слабо защищенной группы населения), подготовки новых программ правового образования и просвещения в области прав человека и прав ребенка, а также новых обучающих проектов в сфере гражданского образования.

Литература

1. Международная и внутригосударственная защита прав человека : учебник / под ред. Р. М. Валеева. – М. : Статут, 2011.
2. Международная защита прав детей : программа курса / А. Х. Абашидзе, Д. А. Гунский, В. Л. Кабанов и др. – М. : РУДН, 2017.
3. Система договоров Организации Объединенных Наций в области прав человека. Изложение фактов № 30/Rev.1. – Нью-Йорк : Женева : ООН, 2012.

---

¹⁶ См.: Таблица статуса ратификации Конвенции о правах ребенка [Электронный ресурс]. – URL: <https://treaties.un.org/Pages/Treaties.aspx?id=4&subid=A&lang=en> (дата обращения: 28.12.2018).

¹⁷ См.: Там же.

Svetlana Andreevna Anisimova,

Master of Jurisprudence, Teacher of history and social science of GKOУ WITH SCGB of Sverdlovsk region "Ekaterinburg boarding school for children, children needing long-term medical treatment" (Ekaterinburg)

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Sciences, the Head of Human Rights Department, the Chairman of Centre for education in the law and human rights at Liberal Arts University (Ekaterinburg)

**Topical Issues of International Protection of the Rights of Children
(on 30th Anniversary of Convention on the Rights of the Child)**

The paper concerns the issues of creation and recognition of the main international rights of the child standards. It analyzes activities of various bodies and specialized institutions of the UN for protection of the rights of children. Special reports devoted to protection of the rights of children prepared by the United Nations Secretary General, United Nations Children's Fund, special rapporteurs of the United Nations Human Rights Council, representatives of OHCHR and UVKB are considered.

Key words: protection of the rights of children; the international standards on the rights of children; the UN; the Convention on the Rights of the Child; optional protocols; Committee on the Rights of the Child.

Правительственный конституционализм

«Правительственный конституционализм» – это система взглядов высших представителей государственного аппарата на вопрос о подчинении государства обществу граждан. Эти взгляды нацелены на искажение идеалов конституционализма, рожденных гражданским обществом, на сохранение власти административного класса, правящей группы и правителя. В социальных системах, где все реформы идут сверху, «правительственный конституционализм» играет важнейшую роль в их истории. Он мешает прогрессу общества и, в конечном итоге, приводит его в тупик.

Ключевые слова: конституционализм, «правительственный конституционализм», искажение идеалов конституционализма.

В современном мире идет борьба за понятие «конституционализм». Разные политические течения предлагают свои идеалы конституционного. Элита административного класса, естественно, активно участвует в этой борьбе и представляет свой вариант данного понятия, наполняет его выгодным для себя содержанием. Идеология административного класса в отношении ограничения его прав (ограниченного правления) объединяется общим понятием «правительственный конституционализм». Сюда включаются идеи, транслируемые государственной пропагандой, органами государства или видными чиновниками (в особенности самим правителем), в которых содержатся мысли о самоограничении власти государства. Эти идеи могут быть выражены в виде проектов конституционных реформ, разрабатываемых и обсуждаемых в правительственных кругах [23, с. 104]. В литературе «правительственный конституционализм» может называться «государственным», «бюрократическим» или «монархическим» конституционализмом [22, с. 6–9]. Чаще всего о правительственном конституционализме говорят историки [23, с. 7–31; 27, с. 32–41]. Сегодня появилось предложение выделять судебный конституционализм [5].

Идеи «правительственного конституционализма» имеют разное происхождение. Они могут быть заимствованы в передовых странах, уже имеющих конституционный строй. Эти идеи могут быть навязаны «снизу» под давлением гражданской интеллигенции и «третьего сословия». В. М. Курицын пишет об осознании «идеологами эксплуататорского класса невозможности сохранения господства своего класса в прежнем виде», «кризисе верхов», характерном для революционной ситуации [23, с. 104]. А. В. Гоголевский пишет, что высшая бюрократия в начале XX в. «в целом осталась на охранительных позициях, так как ее движение в сторону конституционализма обуславливалось не принципами, а страхом перед революцией» [7, с. 13].

Естественно, «правительственный конституционализм» служит цели удержания власти административным классом (правящей группой). Чтобы не потерять целое, надо делиться частью власти или делать вид, что делишься. В свое время М. Т. Лорис-Меликов не скрывал, что его проект так называемых конституционных преобразований «есть именно то средство, какое полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой...» [10, с. 333]. В. М. Курицын отмечал, что возобновление деятельности Финляндского сейма в 1863 г. произошло, «чтобы

---

* **Сергей Алексеевич Денисов**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sa-denisov@yandex.ru

смягчить недовольство в Финляндии» [23, с. 106]. «Правительственный конституционализм» руководствуется лозунгом: «Если нужно завести какое-то движение в тупик, то нужно его возглавить».

«Правительственный конституционализм» часто имеет характер обещаний, которые дает правитель своему населению. Отмечается, что Александр I на первом заседании сейма Царства Польского в 1818 г. обещал ввести «законно-свободные учреждения» не только в Польше, но и во «вверенном ему отечестве» [27, с. 34]. Продуктом правительственного конституционализма является Манифест Николая II от 17 октября 1905 г.

Не каждый чиновник является носителем идей «правительственного конституционализма». При появлении общества граждан часть чиновников переходит на его сторону и становится носителями идей реального (подлинного) конституционализма.

«Правительственный конституционализм» играет решающую роль в истории обществ, которые еще не способны подчинить государство своей воле. В административных обществах государство создает господствующую идеологию и навязывает ее большинству. Оно осуществляет все реформы «сверху». В таких обществах конституционный акт октроируется правителем. Законы (в том числе конституции) здесь принимаются ассамблеей, зависимой от правителя. Толкование конституции осуществляет конституционный суд, направляемый правителем. Высшая бюрократия берется выработать конституционное мировоззрение общества. Н. С. Бондарь утверждает, что сегодня судьи Конституционного Суда РФ формулируют содержание понятия «конституционализм» [4, с. 18]. Наука конституционного права в административном обществе является служанкой правящей группы. Она молчит или послушно соглашается с тем, что говорят чиновники. В современной России уже появляются ростки гражданского общества и находятся исследователи с гражданской позицией, которые высказывают идеи, не совпадающие с теми, что формируют представители государства, в том числе в Конституционном Суде.

«Правительственный конституционализм» как идеология порождает мнимый конституционализм как вид общественного строя. А. Н. Медушевский пишет: «Мнимый конституционализм становится возможным в тех странах, где демократические силы не имеют реальной социальной опоры, распылены и вынуждены в силу этого апеллировать к государству; власть отделена от общества, а монарх становится в полной мере заложником бюрократии, не находя ей противовеса в народном представительстве» [26, с. 74].

Далее предлагается обратить внимание на наиболее типичные идеи, составляющие содержание «правительственного конституционализма».

Вполне устраивает «правительственный конституционализм» идея ограничения государственной власти с помощью писаного акта, называемого конституцией. Правитель сам октроирует конституционный акт и гарантирует в нем свои широкие полномочия. «Правительственный конституционализм» часто идеализирует действующий конституционный акт, октроированный правителем. Так, Н. С. Бондарь заявляет: «Конституция интегрирует в себе и возводит на высший нормативно-правовой уровень основные результаты развития политико-правовой культуры общества в их ценностном проявлении, определяет механизмы их нормативного закрепления и тем самым обеспечивает высшую нормативную основу в том числе и для мировоззренческого конституционализма» [5, с. 72]. Не устраивающие административный класс и правящую группу идеи, заложенные в конституционном акте, легко подправить с помощью его толкования, если конституционный суд находится под контролем правящей группы (правителя). Подобная деятельность Конституционного Суда РФ заслужила одобрение Президента РФ [31].

Правитель может утверждать, что действует в рамках конституции [6]. Кто осмелится это оспорить?

Правящая группа не против действия принципа законности, но при условии, что законы будет писать она сама и сама будет определять меру ограничения своего произвола. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин потребовал не противопоставлять право и закон [29]. Чиновники требуют руководствоваться законом вне зависимости от того, конституционен он или нет [35, с. 4, 6]. Конституционный суд, подконтрольный правящей группе, выдает неконституционные законы за конституционные. Например, Конституционный Суд РФ признал не нарушающим конституцию закон, запрещающий выбирать глав регионов в России [30]. Фактически этот закон еще больше укрепил самодержавие в России и имперские отношения между центром и провинциями.

Представители «правительственного конституционализма» не могут не заниматься апологетикой деятельности государственных органов, которые они представляют. Им чужд критический подход, присущий научному мировоззрению. Например, В. Д. Зорькин утверждает, что возглавляемый им Конституционный Суд РФ «проверяет нормативные акты и разрешает дела с учетом необходимости поддержания соразмерности конституционно защищаемых ценностей» [15, с. 7]. Он не допускает и мысли о том, что Конституционный Суд России может в своих решениях реализовать интересы правящей группы на сохранение своей власти. Н. С. Бондарь утверждает, что в решениях Конституционного Суда РФ «содержится единственно правильный ответ: как необходимо понимать, толковать и применять нормы законодательства, с тем чтобы они не вступали в противоречия с Конституцией» [5, с. 78]. Член Совета Федерации А. А. Клишас утверждал в 2016 г., что все государственные органы неукоснительно соблюдают Конституцию РФ [19]. Депутат ГД Ю. Х. Калмыков отмечал, что Конституционный Суд РФ исходит в своих решениях из принципа «непогрешимости первого лица» [20, с. 106, 139, 152, 153].

Представители «правительственного конституционализма» как огня боятся общества, его активности. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин проповедует смирение перед посягательствами государства на конституционные права человека. Он осудил людей, использующих свое конституционное право собираться мирно, за то, что они выступили в защиту честных выборов [14, с. 1]. Чиновники пугают себя и других опасностью наступления хаоса [13, с. 9], «национальной катастрофой» [14, с. 3]. Они требуют, чтобы все политические вопросы решались в рамках бюрократических процедур, а лучше за закрытыми дверями. А. В. Гоголевский пишет: «С публикацией Манифеста 17 октября тактика правительственного конституционализма заключалась в том, чтобы добиться умиротворения России путем консультаций с либеральной общественностью и энергичным декларированием программы реформ» [7, с. 14]. По мнению Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, не гражданское общество, а государство должно «обеспечивать формирование правосознания профессионалов и всего народа» [16, с. 12]. В. Д. Зорькин, как чиновник, боится, что люди перестанут доверять правительству [16, с. 12] и начнут мыслить и действовать самостоятельно. В июне 2006 г. он публично высказался против восстановления института выборов глав регионов, назвав развернувшуюся по этому поводу дискуссию глупой и бессмысленной. Лишение населения права избирать губернаторов он назвал конституционным [34, с. 2]. В борьбе с демократией бюрократия отождествляет ее с охлократией. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отождествляет с демократией пивные путчи Гитлера [32, с. 3].

«Правительственный конституционализм» всегда чужд теории полного подчинения государства обществу граждан. В крайнем случае, эта идеология призна-

ет право участия общества в делах государства. Часто «правительственный конституционализм» сводится к определенной мере и формам уступок обществу [23, с. 105]. «Правительственный конституционализм в России начала XX в., – пишет А. В. Гоголевский, – загонялся в прокрустово ложе полумер, полууступок общественному мнению» [7, с. 14].

Часто «правительственный конституционализм» занимается имитацией наличия в стране конституционного строя, имитацией признания государством таких конституционных требований, как суверенитет народа, демократия, республика, децентрализация. Советская идеология выдавала за демократию тоталитарный политический режим и политику патернализма. Сегодня представители «правительственного конституционализма» продолжают эту линию. Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь в своих статьях утверждает, что российское общество уже является демократическим [3, с. 48–49]. Степень демократичности в России «близка к оптимальной», – писал В. Д. Зорькин в 2011 г. [15, с. 495]. Под предлогом защиты конституции чиновники защищают политику, проводимую правящей группой [35, с. 3, 11]. Представители «правительственного конституционализма» монархию выдают за республику, полицейское государство за правовое. Единоличного правителя страны они называют президентом, а подконтрольную этому правителю ассамблею – парламентом. Судебные расправы они называют правосудием.

Представители «правительственного конституционализма», придерживаясь этатистской идеологии, стараются защитить государство от человека. Идеология этатизма проявляется в решениях Конституционного Суда РФ [18, с. 35]. Государство, по мнению чиновников, всегда лучше знает, что человеку нужно. Свободу государственные чиновники отождествляют с анархией [35, с. 4]. Они допускают только управляемую демократию [35, с. 5]. «Любое умаление государственности недопустимо, так как ведет к хаосу», – утверждает Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин [16, с. 12]. Член Конституционного Совета Казахстана В. М. Малиновский объявляет авторитарный режим в Казахстане демократией и заявляет, что угроза ей исходит от граждан, общественных объединений, средств массовой информации и солидных международных организаций, которые критикуют самодержавие и авторитаризм в Казахстане и тем самым злоупотребляют своими политическими правами [25, с. 85–86].

«Правительственный конституционализм» готов пойти на декларацию личных прав и свобод человека [27, с. 38]. Теория «правительственного конституционализма» ставит во главу угла социальные права человека, которые сводятся к праву на получение кормления от его всемогущего государства. Это право «раба» на получение от своего хозяина пищи, жилища, медицинского обслуживания, набора утех. Сегодня в России эти права так же выдвигаются на первое место Уполномоченным по правам человека РФ [11].

Любое современное государство сегодня сталкивается с проблемой конкуренции между защитой безопасности человека, общества и государства и защитой прав человека. Административные государства, прикрываясь необходимостью защиты национальной безопасности, посягают на права человека и гражданина. «Правительственный конституционализм» обеспечивает идеологическое оправдание этих посягательств.

Очевидно, что конституционализм побеждает в странах, перешедших к капитализму. Поэтому представители «правительственного конституционализма» боятся буржуазных реформ. Они поддерживают сохранение экономической власти в руках бюрократии, посредством государственно-бюрократической собственности на средства производства и редиистрибуции. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин не скрывает, что он выступает за дирижизм в экономике,

свято верит в бюрократию, которая должна спасти мир от ужасов свободного рынка [17, с. 18]. Он предлагает перенести методы государственного регулирования экономики из демократических стран в недемократическую Россию [15, с. 467–498], укрепив тем самым экономическое господство бюрократии. Как всегда, борьба с буржуазными реформами подается в форме заботы о бедных слоях населения [15, с. 482].

Одной из функций «правительственного конституционализма» является критика конституционных стран и доказывание того, что они не могут быть примером для неконституционного мира. Эта задача ставилась перед советскими государствоведами КПСС. Они должны были доказывать, что капитализм находится в глубоком кризисе и вот-вот рухнет. Эту идеологическую линию продолжает проводить Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. «Глобальный финансово-экономический кризис по существу означает также кризис современного правового государства, прежде всего в том его виде, как оно сложилось на Западе», – пишет он [15, с. 467–498]. А. И. Бастрыкин пытается доказать нам, что Европа – это не демократия и высокий уровень жизни, а однополые браки и наркотики [21]. Коммунисты были еще беспардоннее. Они объявляли тоталитаризм высшим развитием конституционализма. Советская пропаганда в СССР противопоставляла «фальшивой» буржуазной демократии «социалистическую демократию».

Для представителей «правительственного конституционализма» конституционные идеалы не являются ценностью. Как доказывает А. А. Клишас, выше всего стоит политическая целесообразность [24], под которой понимается удержание власти административным классом, правящей группой.

Административный класс не желает признавать универсальных ценностей конституционализма. Он пытается выдать выгодную ему идеологию за свой вариант конституционализма. Конституционализм, по мнению судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондаря, позволяет «обеспечивать достаточную свободу обществу и государству самостоятельно определять для себя конституционные формы существования и развития» [5, с. 71]. Другими словами, конституционализм «что дышло. Куда повернешь, туда и вышло». Представители «правительственного конституционализма» считают себя знатоками национальных интересов и берутся изменять содержание идеологии конституционализма по мере изменения в этих интересах [4, с. 18]. А. И. Бастрыкин вообще отрицает конституционные ценности и считает, что конституция должна служить интересам государства [21], которые, понятно, формулируются правящей группой (правителем).

Правящий класс в СССР не отказывался от идей демократии, республики, федерализма. Он просто изменял содержание этих терминов. Империи стал называть федерацией, власть олигархии – республикой, тоталитаризм – формой новой, социалистической демократии.

Успешным приемом борьбы с универсальными конституционными ценностями стала теория конституционной идентичности. Представители «правительственного конституционализма» не отказываются от идеи конституционализма. Продолжая политику большевиков, они заявляют, что на почве российской самобытности изобрели свой конституционализм [12]. Теория конституционной идентичности позволяет игнорировать решения Европейского суда по правам человека, выдавать антиконституционный строй страны за самобытный конституционализм. Теория конституционной идентичности имеет всеобщее распространение. В России мы имеем дело с типичным злоупотреблением ее положениями в интересах административного класса и правящей группы.

«Правительственный конституционализм», как правило, старается спасти власть правителя. Витте, по словам А. В. Гоголевского, хотя и стремился расши-

речь гражданские свободы, но оставался верен самодержавию [7, с. 13]. Н. В. Минаева пишет, что проект конституции для России, разрабатываемый в канцелярии Новосильцева, должен был, с одной стороны, иметь черты конституционных ограничений власти государства, а с другой стороны, «не умалять значения абсолютной власти императора. Эти противоречия делали, по существу, неразрешимой поставленную задачу» [27, с. 34]. Однако, эту задачу легко разрешили представители власти и судьи Конституционного Суда современной России. Российская Конституция 1993 г., с одной стороны, считается одной из передовых, а с другой стороны, в толковании судей и правительственных чиновников, не мешает всевластию Правителя и сохранению ряда патримониальных черт правления. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин сравнивает В. В. Путина с Ф. Рузвельтом и Ш. де Голлем и говорит, что он выполнил свою историческую роль и спас Родину [16, с. 12]. Представители «правительственного конституционализма» поддерживают октроирование конституционного акта правителем и внесение в него поправок при решающем его участии. В. Д. Зорькин поддержал меры, направленные на сохранение власти Правителя до 2024 г. [28, с. 3]. Сегодня судьи Конституционного Суда РФ хотя и говорят о республике, но своими решениями способствуют укреплению монархии в стране [9, с. 2–4].

На содержание представлений чиновников о роли главы государства оказывает влияние мнение самого правителя, его готовность делиться властью. А. В. Гоголевский пишет: «...самодержавные убеждения Николая II сильно сказывались на правительственном конституционализме, блокируя его естественную эволюцию в сторону парламентской монархии» [7, с. 23].

Представители «правительственного конституционализма» могут требовать ограничения власти правителя в интересах расширения власти профессиональной бюрократии, которая действует через кабинет министров (правительство) и его главу. Предложение о создании кабинета министров делалось министром внутренних дел П. А. Валуевым в 1861 г., но было отвергнуто царем [23 с. 107]. На создании объединенного правительства под своим руководством настаивал С. Ю. Витте [7, с. 11]. Интересно, что даже эти скромные требования все еще не удовлетворены в современной России. Правительство здесь по-прежнему не обладает самостоятельностью, продекларированной в ст. 10 Конституции РФ, полностью зависит от главы государства. Министры силовых ведомств непосредственно подчинены главе государства, а не Председателю Правительства. Д. А. Медведев как-то признал, что введение парламентской формы правления для них смерти подобно [33, с. 3].

Очень часто «правительственный конституционализм» нацелен на привлечение к делу государственного управления групп лиц, близких к бюрократии, к правящей группе. Так, министр внутренних дел царского правительства П. А. Валуев выступал в поддержку реформ государства с тем, чтобы «расширить социальную базу царизма путем привлечения к участию в политической жизни консервативного элемента, и прежде всего дворянства» [23, с. 105]. Авторитарное государство обычно создает слой клиентелы бюрократии в лице клиентистской буржуазии и служилой интеллигенции. Эта клиентела заполняет депутатские кресла в представительных органах, создавая видимость наличия республики в стране.

Идеология «правительственного конституционализма» при коммунистах предполагала привлечение к государственному управлению масс населения, сознанием которых административный класс легко манипулировал. Сегодня представители «правительственного конституционализма» продолжают опираться на консервативные слои населения, на традиционный для страны вождизм, патернализм и великодержавие. Отечественные нравственные национально-культурные представления о власти, собственности, свободе и их «мировоззренческие оценки

являются своего рода гносеологической нравственно-этической составляющей российского конституционализма», – пишет судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь [4, с. 12].

«Правительственный конституционализм» может быть нацелен на выхолащивание народного представительства. «Двор и правительство в начале XX в., – пишет А. В. Гоголевский, – сводили конституционализм к допущению законосовещательного представительства» [7, с. 10]. Сегодня правящая группа осуществила эту идею. Федеральное Собрание РФ полностью подчинено Правителю и осуществляет, в основном, законосовещательные и законорегистрационные функции. Александр I был не против того, чтобы законы принимали представители народа, но он оставлял за собой абсолютное вето [27, с. 39]. Эта конструкция прекрасно реализована в современной России.

В соответствии с Уставной грамотой, разработанной Новосильцевым в начале XIX в., избиратели только предлагали трех кандидатов в депутаты представительного органа, из которых правительство избирало депутата [27, с. 39]. Сегодня с помощью избирательного законодательства и управляемых выборов чиновники заранее решают, кто будет депутатом Государственной Думы.

«Правительственный конституционализм» стоит на страже государственного суверенитета, защищая его как от населения, так и от вмешательства со стороны демократических стран мира. Это ярко проявляется в статье Б. С. Эбзеева и В. Е. Чурова, которые берутся защищать суверенитет России от человека с его политическими правами [35, с. 3, 8]. Судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь называет давление на неконституционные страны со стороны конституционных стран «политической, идеологической, правовой экспансией экономически, военно-политически господствующих стран и блоков», «игнорированием мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей» [5]. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин прямо призвал не допускать смягчения авторитарного режима в России и осудил поддержку демократических свобод в России со стороны руководства США [14, с. 1]. Одним из способов защиты авторитарного государства является идея «суверенной демократии», разработанная чиновником Администрации Президента В. Сурковым. А. И. Баstryкин требует усилить изоляцию России от мира и отменить действие ст. 15 Конституции РФ, предусматривающей подчинение российского законодательства нормам международного права. Образцом для подражания ему служит КНДР [21].

«Царизм, – отмечал К. Маркс, – оставаясь абсолютной монархией, в то же время в Греции и на Ионических островах разыгрывал... роль героя либерализма во всей Европе и проводил конституционную политику» [27, с. 33]. Сегодня государственные чиновники выступают ярыми защитниками прав человека в Украине и в странах Запада. В Китае ежегодно издается обзор нарушений прав человека в США [8].

Содержание «правительственного конституционализма» изменяется вместе с усилением давления общества граждан на государственный аппарат. Если в начале движения общества к конституционным идеалам «правительственный конституционализм» открыто занимал позиции охранительства [7, с. 10] и защиты самодержавия, то на современном этапе он отваживается только на оправдание ограничений прав и свобод человека, на попытку отстоять расширение полномочий правителя. Но на каждом этапе представители «правительственного конституционализма» остаются на консервативных позициях. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин откровенно заявляет, что он жалеет о том, что в России прошла Перестройка и реформы [13, с. 9, 17, 18].

«Правительственный конституционализм» не может открыто опираться на интересы административного класса. Он ищет предлоги для того, чтобы урезать права и свободы человека, республику и демократию. Типичным поводом для отказа от подчинения государства обществу является ссылка на то, что это не соответствует традициям общества. П. И. Столыпин, как представитель «правительственного конституционализма», считал, что характеру русской государственности чужды западноевропейские институты [7, с. 26]. «В кругу членов Государственного совета, – пишет А. В. Гоголевский, – сформировалось оригинальное толкование конституционализма, заключавшееся в том, что для России непригодны западноевропейские парламентские институты и прерогативы короны должны быть максимально сохранены...» [7, с. 13–14]. Сегодня представители «правительственного конституционализма» доказывают, что они борются с идеями республики и демократии не ради спасения правящей группы, а в соответствии с «социокультурными особенностями национального развития». «Конституционный Суд РФ в своей практике исходит из необходимости учета социокультурных особенностей национального развития, что является одним из принципов интерпретации конституционных положений, с одной стороны, и критерием для оценки конституционности проверяемых нормативных актов – с другой», – пишет судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь [4, с. 17]. Иногда государственные чиновники заявляют о невозможности создания универсальной теории конституционализма. Так, судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь пишет: «Конституционализм не может рассматриваться и, надо признать, существовать, развиваться вне связи с конкретной государственно-правовой культурой и суверенной государственностью» [5, с. 65]. Правда, в другой своей работе он признает наличие универсальной концепции конституционализма [4, с. 17]. В борьбе с конституционными ценностями бюрократия выступает как защитник нравственных ценностей [21].

Традиционным для «правительственного конституционализма» является замещение ценности прав и свобод человека, суверенитета народа идеями великодержавия. Иллюстрацией этого являются ставшие широко известными слова П. А. Столыпина о том, что нам не нужны великие потрясения, ведущие к освобождению России от исторического прошлого. «Нам нужна великая Россия» [7, с. 30]. О великой России как о высшем благе мечтает Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин [15, с. 504].

Иногда представители «правительственного конституционализма» пытаются оправдать неконституционные институты тем, что такие же институты существуют в развитых странах. Р. Алиев, некоторое время претендовавший на пост правителя Казахстана, открыто предложил Казахстану вернуться к монархии, ссылаясь при этом на опыт Великобритании. Это «надежно, удобно, демократично <...>. В то время как республика приводит к коррупции и диктатуре», – говорил он [1, с. 1]. Представители «правительственного конституционализма» предлагают наделить недемократическое государство полномочиями, имеющимися у демократических государств (расширить государственное регулирование экономики, право осуществления редиистрибуции) и тем самым сохранить всевластие бюрократии. Член Совета Федерации А. А. Клишас заявляет, что законодательство России намного либеральнее законодательства развитых стран [2]. Разница лишь в том, что на Западе его применяет демократическое государство в интересах людей, а у нас полицейское, в интересах административного класса. Эффект от нашего «либерального» законодательства получается совершенно антидемократический.

Итак, административный класс под напором либеральной идеологии вынужден имитировать признание конституционализма. Он создает ложноконституционную идеологию, получившую название «правительственного конституциона-

лизма». Ее целью является попытка воспрепятствовать подчинению государства (как корпорации чиновников) обществу граждан.

Литература

1. Алиев Р. Республикостан или Казахский султанат. Какой выбор мы сделаем? // Каван. – 2006. – 25 августа.
2. Андрей Клишас: «Поправки в Конституцию вносятся в крайних случаях» // РАПСИ. – 25.07.2013. – URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20130725/268318575.html (дата обращения: 24.11.2018).
3. Бондарь Н. Конституция – ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2 (63).
4. Бондарь Н. С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журнал российского права. – 2015. – № 11.
5. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М. : Норма : Инфра-М, 2011.
6. Герейханова А. Законный праздник // Российская газета. – 2018. – 13 декабря.
7. Гоголевский А. В. Русский конституционализм на путях парламентской монархии // Русский конституционализм от самодержавия к конституционно-парламентской монархии : сб. документов. – М. : Гардарики, 2001.
8. Госсовет Китая выпустил доклад о нарушениях прав человека в США // РИА Новости. – 24.04.2018. – URL: <https://ria.ru/20180424/1519311923.html> (дата обращения: 30.01.2019).
9. Денисов С. А. Защита Конституционным Судом РФ принципов демократии и республики // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 12.
10. Добрынин Н. М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства : учебник : в 2 т. – Т. 1. – Новосибирск : Наука, 2015.
11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. – 2018. – 17 апреля.
12. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. – 2018. – 9 октября.
13. Зорькин В. Д. В хаосе нет морали // Российская газета. – 2012. – 11 декабря.
14. Зорькин В. Д. Дух закона // Российская газета. – 2011. – 12 декабря.
15. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.
16. Зорькин В. Д. Кризис доверия и государство // Российская газета. – 2009. – 10 апреля.
17. Зорькин В. Д. Правовое регулирование экономики: глобальные тенденции и российский опыт // Российская газета. – 2012. – 1 июня.
18. Исаева Н. В. Реализация конституционных прав человека и гражданина в России в дискурсе правовой идентичности (обсуждая некоторые судебные решения) // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 4.
19. Клишас А. А. Реально действующий документ // Известия. – 2016. – 12 декабря.
20. Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. – М., 1996.
21. Козлова Н. Исправленному – верить // Российская газета. – 2015. – 27 апреля.
22. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века : учеб. пособие. – М. : ИВЦ «Маркетинг» ; Новосибирск : ООО «Изд-во ЮКЭА», 2000.
23. Курицын В. М. Правительственный конституционализм в России в 60–80 гг. XIX в. // Советское государство и право. – 1986. – № 2.
24. Лекция А. А. Клишаса о Конституции и парламентаризме (Государственная Дума, 22 апреля 2013 г.). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mgrUvfGm9pk> (дата обращения: 24.11.2018).
25. Малиновский В. А. Конституционные ценности: к желаемому через возможное в практике утверждения конституционализма в Республике Казахстан // Конституционные ценности: содержание проблемы реализации : материалы Международной научно-

практической конференции (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. Т. 1. – М. : Российская академия правосудия, 2010.

26. Медушевский А. Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 6.

27. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм в России после Отечественной войны 1812 г. // *Вопросы истории*. – 1981. – № 7.

28. Надуманные противоречия // *Российская газета*. – 2008. – 28 ноября.

29. Ориентировка на вышестоящие инстанции уничтожает правосудие // *Коммерсантъ*. – 2009. – 2 февраля.

30. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // *СЗ РФ*. – 2006. – № 3. – Ст. 336.

31. Путин: Конституция России должна быть «живой» // *ТАСС*. – 08.12.2014. – URL: <https://tass.ru/politika/1631567> (дата обращения: 25.01.2019).

32. Пушкарская А. В Конституционном Суде обсудили «правовые скрепы» // *Коммерсантъ*. – 2013. – 22 октября.

33. Фаризова С. Президент пригрозил губернаторам частными лицами // *Коммерсантъ*. – 2008. – 19 ноября.

34. Чернега Ю. Валерий Зорькин против возвращения к губернаторским выборам // *Коммерсантъ*. – 2008. – 21 июня.

35. Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Решение ЕСПЧ по делу «Республиканская партия России против России», или Утраченные иллюзии // *Конституционное и муниципальное право*. – 2011. – № 12.

Sergey Alekseevich Denisov,

Candidate of Law, Associate Professor at Human Rights Chair,
Legal Department, Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Government Constitutionalism

«Government constitutionalism» is a system of views of the highest representatives of the state apparatus on the issue of subordination of the state to the society of citizens. These views are aimed at distorting the ideals of constitutionalism born of civil society, at preserving the power of the administrative class, the ruling group and the ruler. In social systems, where all reforms come from above, «government constitutionalism» plays a crucial role in their history. It hinders the progress of society and aims to lead it to some impasse.

Key words: constitutionalism; "government constitutionalism"; distortion of ideals of constitutionalism.

|| ФИЛОСОФИЯ

Человек повседневности – «ансамбль практик»

Современные подходы к изучению повседневной жизни человека дают нам возможность говорить о человеке повседневности как о совокупности практик, потому что интерес к повседневности реализуется не только под знаком «практического поворота», но и через формирование нового теоретического консенсуса на основе понятия «практика». В центре внимания оказывается практико-ориентированная концепция П. Бурдьё, в которой практика является универсальной объяснительной категорией. Подчеркивается эффективность подхода П. Бурдьё к анализу человека повседневности.

Ключевые слова: повседневность; человек повседневности; П. Бурдьё; практики; габитус.

Интерес к повседневности как к объекту исследований обусловлен тем, что практический интерес «совпал» с общим направлением современных теоретических исследований в области культурной, философской, социальной и исторической антропологии, Антропологизация научной парадигмы в последние десятилетия обнаруживается, прежде всего, в переносе акцентов на рядового человека, его обыденное сознание и его повседневные практики [1].

«Человек – ансамбль практик»¹ – говорить таким образом нам позволяют современные подходы к изучению повседневной жизни человека. Важным в исследованиях становится не поиск или определение сущности человека, а выявление и интерпретация его повседневных практик. Интерес к повседневности реализуется «под знаком “практического поворота” (“practice turn”) – мир обыденных рутинных действий начинает рассматриваться в качестве самостоятельного предмета исследований, и формируется новый теоретический консенсус на основе понятия практики <...> Теперь повседневность возвращается в образе вместилища рутинных практик, своеобразной арены нерелективных действий» [2, с. 19]. «Понятие “повседневной практики”, – пишет В. Вахштайн, – охватывает всё новые и новые области исследования, на первый взгляд весьма далекие от традиционных тем микросоциологии. Эта экспансия не только выводит социологию повседневности на первый план социальной теории, вооружая исследователя мощным инструментом видения социальной жизни, но и в корне меняет облик “повседневности” как теоретического концепта» [2, с. 8].

Обращение социологии к повседневности, к рутинным практикам и обыденному опыту, к элементарному уровню социальности обусловлено современной культурной ситуацией, которая заставляет с подозрением относиться к самой идее общества: размывание территориальных границ, формирование общей информационной среды, унификация норм и стандартов жизни делают проблематичным неколебимость общества как самостоятельной суверенной реальности. Чтобы преодолеть разрыв между базовыми социально-философскими концептуализациями и изменяющимся объектом исследования, социальной теории приходится либо прибегнуть к радикальному переосмыслению этого объекта («переопределить общество»), либо произвести рефокусировку своего исследовательского ин-

* Елена Анатольевна Калистратова, секретарь аспирантуры, старший преподаватель, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: kalistratovae@mail.ru

¹ Эту фразу произнес С. С. Хоружий в программе, посвященной Джеймсу Джойсу и его роману «Улисс», на телеканале «Россия К». (Наблюдатель [Электронный ресурс] : [эфир от 02.02.2017]. – URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1465794/video_id/1581468).

тереса («уйти от общества»). Эта «рефокусировка» приводит к поиску новых концептуализаций либо в области глобальных феноменов, либо, напротив, в сфере элементарных социальных образований и повседневных взаимодействий [2, с. 8–11]. Но этот путь ведет исследователей и к переопределению самой повседневности, которая перестает быть «верховой реальностью», она становится проницаемой для других миров реальностей [Шюц] и выводит на первый план фигуру «творца реальности» [3, с. 18] – человека, производящего практики.

Интерес к практикам, производимым людьми в их повседневной жизни, как мы отмечали выше, затронул гуманитарные науки в целом. В. Вахштайн, осуществляя экскурс к истокам современной практико-ориентированной социальной теории, пишет: «По справедливому замечанию В. В. Волкова, “...с одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурируют в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории – и в этом смысле формируется некоторая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, однако, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации. Последний, к тому же, варьируется в зависимости от отдельных авторов». В. Вахштайн также отмечает, что современной концептуализации «практики» способствовали три современных теории: структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля [2, с. 19–20].

В данном исследовании мы хотели бы сосредоточиться на рассмотрении концепции практико-ориентированной теории П. Бурдьё, поскольку «диспозиции, схемы классификации, категории восприятия и мышления продуцируются практиками и существуют в потоке практик, так же как квазиобъективные структуры социального мира». Бурдьё превращает «практику» в универсальную объяснительную категорию: «...не только социология повседневности объявляется практико-ориентированной, но и вся социология становится наукой о практиках, к которым могут быть редуцированы более сложные социальные феномены» [2, с. 25–26]. Следует также отметить, что методология полей и практик была убедительно продемонстрирована П. Бурдьё в анализе целого ряда сложных социокультурных явлений (право, экономика, религия, образование, литература, политика, наука) и представляется не только актуальной, но и продуктивной в современных научных исследованиях [4, с. 88]. Это позволяет нам еще раз подчеркнуть, что в современном научном понимании человек может быть представлен как ансамбль различных практик (практики повседневного взаимодействия, языковые повседневные практики, практики потребления, телесные практики, повседневные культурные практики и т. д.).

Практики, осуществляемые людьми в повседневной жизни, являются реализацией габитуса, который лежит в основе стиля жизни группы или класса [8, с. 20]. С помощью разработанного П. Бурдьё понятия «габитус» (*habitus*) мир повседневности может быть описан как система практик, воплощающих наши фундаментальные предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей. Габитус определяет нашу реакцию на реальность, организуя эти предпочтения в систему различий (*distinctions*), структурирующих социальную реальность. Габитус – это культурная организация культурных практик, включающая вкус и эмоции [5, с. 455–456]. Понятие габитуса, предложенное П. Бурдьё, «позволяет уйти от представлений о человеке как бестелесном субъекте, равном чистому сознанию. <...> Современная теория проявляет большой интерес к телесности человека, определяемой социальностью» [6, с. 17].

В понимании П. Бурдьё, утверждает Н. А. Шматко, «практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире. <...> В

самом общем виде, практика – «событие социального мира, которое, в свою очередь, есть производное от изменения. Следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом. <...> То, что практика производится агентом в рамках объективных и субъективных структур, означает, что она всегда чем-то обусловлена, от чего-то зависит, вытекает из другого, а ее условия и предпосылки практики суть ее же атрибуты, поскольку формируют ситуацию, в которой практика творится агентом» [7, с. 551].

Также Н. А. Шматко отмечает, что практика всегда единична и экстериорна. С практикой агент либо сталкивается – и тогда это практика другого, либо овнешняет ее – и тогда это собственная практика агента.

Простых или элементарных практик не бывает. В практике всегда есть составляющие ее моменты, т. е. переходящие друг в друга компоненты; это множество элементов. Кроме того, несмотря на единичность практики, ее сингулярность в пространстве и времени, у нее может быть более или менее долгая история, указывающая на отношения с социальными структурами, понимаемыми как ее необходимые условия и предпосылки. Вместе с тем практика характеризуется всеми отношениями с другими практиками, тем, что можно назвать «историческим становлением». У каждой эмпирической практики «неидеальные» формы, задаваемые ее моментами, поэтому сущность ее кроется в различии. Любая практика есть различие: когда агент что-либо совершает, он отличает себя от предмета своей практики; то, что и как он производит, отличает его предмет деятельности от других; его способ и манера действия отличается от характеристик других агентов и т. д. Только при этом условии практика может быть выделена из хаоса общественной жизни [7].

Все значимые практики, с которыми сталкивается сознание в социальном мире, становятся моментами «самости» агента, трансформирует ее. Эта «внутренняя» «самость» вбирает в себя «внешний» социальный опыт агента и, наряду с другими социальными структурами, служит основанием для последующего опыта. Содержание «самости» должно быть связано с тем, что существует в социальном мире независимо от воли агентов, т. е. с социальными отношениями. «Самость» агента представляет собой ансамбль интериоризированных социальных отношений, который П. Бурдье называет габитусом. Это означает, что габитус есть необходимое условие возможности практик, их инкорпорированная «модель», совокупность схем производства практик агентом. Можно представить «габитус» агента как ансамбль субъективных значений совокупности объективных структур, в которые агент был интегрирован в процессе своей социализации. Габитус есть воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности. В процессе интериоризации, т. е. практического освоения принципов производства практик, не достигающего дискурсивного и рефлексивного уровня, агент имитирует практики других [7].

Практики возникают в результате необходимого «... столкновения между habitus и событием, которое может активизировать habitus, только если последний выхватывает событие из непредвиденности случайного и констатирует его как проблему, применяя к ней сами принципы ее решения, а также потому, что habitus, как “любой акт изобретения”, обладает способностью порождать бесконечное число практик, относительно непредсказуемых (как и соответствующие ситуации), но в то же время ограниченных в своем многообразии» [8, с. 20].

П. Бурдье отмечает, что габитус производит среда, ассоциируемая с определенным классом условий существования. Габитус – это «системы прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т. е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и пред-

ставления, которые объективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Объективно “регулируемые” и “регулярные”, не являющиеся при этом никоим образом результатом подчинения правилам, они могут исполняться коллективно, не будучи продуктом организующего действия дирижера» [8, с. 18]. То есть в силу обладания габитусом, а именно «вследствие инкорпорации, индивидуальный агент является коллективной индивидуальностью или индивидуальной коллективностью. Индивидуальность, субъективность есть социальность, коллективность. Габитус – это социализированная субъективность, историческое трансцендентальное, чьи категории восприятия и оценки (система предпочтений) суть продукт коллективной и индивидуальной истории» [9, с. 159].

Н. Н. Козлова обозначила следующие основные детерминанты габитуса: капитал (не только экономический, но и социальный, культурный); позицию в отношениях производства (например, определенную через профессию, род занятий со всеми сопутствующими детерминациями); тип социальной связи, в которую человек включен; историю группы, к которой принадлежит индивид; индивидуальную историю (биографию). Именно эти детерминанты определяют манеру держаться, мыслить и говорить, а их воздействие многократно усиливается деятельностью средств информации и системы образования [6, с. 39].

Интерриоризация качеств, определяемых названными и другими параметрами, происходит в процессе социализации индивида. Н. Н. Козлова писала, что наше тело и язык наполнены онемевшими верованиями, унаследованными жестами. В течение жизни человек обретает новые телесные, языковые, поведенческие и другие навыки, которые мы называем социальными. Огромное значение имеют семейная и школьная социализации, социализация через средства коммуникации. Кино и телевидение каждый день демонстрируют, каким должно быть легитимное (узаконенное, образцовое, нормальное) тело, как человек должен улыбаться, ходить, реагировать. Нам показывают, что такое красивые женщина, мужчина, ребенок, старик [6, с. 39]. Как писал П. Бурдьё, «научиться – это приобрести проверенный габитус, который... может объединить в себе массу вещей, некоторые из которых могли быть объективированы в виде формальных формул. Габитусы – это свободные привычки или, по Гегелю, сноровка, ловкость рук (например, у рабочего ручного труда, у хирурга, у виртуоза, артиста и т. д.)» [11, с. 29].

Габитус, рассматриваемый в качестве приобретенной системы порождающих схем, «делает возможным свободное производство мыслей, восприятий и действий, присущих конкретным условиям их производства, – и только им. Посредством *habitus* структура, продуктом которой он является, управляет практикой, причем не в духе механистического детерминизма, но в рамках принуждений и пределов, заведомо наложенных на ее изобретение. <...> Поскольку *habitus* – это бесконечная способность для производства мыслей, восприятий, выражений и действий, – пределы которой заданы историческими и социальными условиями его производства, то и обусловленная и условная свобода, которую он предоставляет, так же далека от создания непредсказуемого нового, как и от простого механического воспроизводства первоначальных условий» [8, с. 20]. Поэтому габитус – это не только способность свободно производить практики, но это еще и жесткий каркас, ограничивающий эту производительную способность. Габитус обозначает предопределенность, принудительность. Это необходимость, которая обрела плоть в вещах и телах [7].

Следует также отметить, что габитус – это одновременно система схем производств практик и система схем восприятия и оценивания практик. «В обоих случаях, – пишет Бурдьё, – эти операции выражают социальную позицию, в которой

он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла. Так, габитус подразумевает чувство своего места, но еще и чувство места другого» [10, с. 193–194]. По мнению П. Бурдьё, социальный мир предстает как сильно структурированная реальность. Социальное пространство представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами. Такие свойства, когда они воспринимаются агентами, наделенными соответствующими категориями перцепции, способными видеть... функционируют в самой действительности социальной жизни как знаки. Различия функционируют как различительные знаки и как знаки отличия (позитивного или негативного), будучи даже вне какого-либо стремления отличаться <...> Иначе говоря, через распределение свойств социальный мир объективно представляется как символическая система, пространство стилей жизни и группы по статусу, характеризующиеся различными стилями жизни.

Таким образом, восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной оно социально структурировано. Со стороны субъективной оно структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания, в особенности те, что вписаны в язык, выражают состояние отношений с символической властью. Эти два механизма участвуют в производстве общего мира, мира здравого смысла или, самое малое, – минимума консенсуса о социальном мире [10, с. 195–197].

Н. Н. Козлова указывала на то, что габитус лежит в основе восприятия людьми социального мира. Она писала, что «мы можем говорить о “человеке на своем месте”, об ощущении человеком собственной позиции в системе общественных связей и отношений. Человек ощущает, что можно, а чего нельзя “себе позволить”. Одни негласно принимают свое положение, испытывая чувство дистанции, заставляют других себя уважать. Они делают то, что “должны делать”, с радостью или покоряются тому, что обозначают словом “судьба”, признавая, что они созданы для того, что они делают, и иного не дано. Другие недовольны своим положением и желают изменить его». Но она также отмечала, что в «рамках понимания габитуса как инкорпорированных схем деятельности изменение объяснить трудно. Кроме того, следует сказать, что, рассуждая о габитусе как “объективном фундаменте упорядоченного поведения”, позволяющего агентам “вести себя определенным образом в определенных обстоятельствах”, автор ищет в “действиях по габитусу” скрытые стратегии и интересы, бессознательные поступки и холодный расчет индивида. Тем самым Бурдьё в повседневных практиках видит “только воспроизводство социальных иерархий и повторение их идеологий”, не учитывая критические способности самих индивидов» [12, с. 89].

Здесь хотелось бы отметить, что «институциональные рамки задают коридор возможностей для индивидов, однако в нем относительно много свободного пространства для самостоятельного выбора и множественности идентичностей. Самоидентификация личности-индивида в современном обществе всегда множественна. В сложном мире человек в зависимости от жизненной ситуации извлекает из багажа своих идентичностей ту, что более адекватна данной ситуации взаимодействия с другими» [13, с. 17–18]. Но идентичность не всегда «навязывается внешними структурными ограничениями, а вырабатывается из повседневных жизненных практик и закрепляется в них» [13, с. 13]. В этом случае мы можем сказать, что человек повседневности представляется как совокупность, или ансамбль, практик.

Нам важно обратить внимание на еще один смысл понятия «габитус», который особо выделила Н. Н. Козлова. Габитус выступает как система организующих принципов действия, порождающая разные практики. Человек – реальный социальный агент – выступает как практический оператор конструирования объектов. Понятие «габитус» позволяет объяснить изменение человека. Габитус – не только система приобретенных схем деятельности, функционирующих на практике как категории восприятия и оценки, как принципы классификации элементов социального мира. Это включенная в тело возможность социальной игры, игра, превратившаяся в натуру. Понятие игры позволяет показать, что действия человека, с одной стороны, социально детерминированы: игра осуществляется по правилам. Игра – место закономерностей. Но, с другой, – игра подразумевает бесконечное множество ходов в рамках заданных правил. Тем самым возникает возможность объяснить изменения человека и общества [6, с. 40].

Как подчеркивает П. Бурдье, «габитус, в качестве социального, вписанного в тело, в биологического индивида, позволяет производить бесконечность актов игры, которые вписаны в игру как возможность и объективная необходимость» [10, с. 99].

По мнению Н. Н. Козловой, понятие «габитус» позволяет реализовать новый тип социального объяснения. Социальный агент перестает рассматриваться только как производное социальной структуры, а социальный мир – как пространство объективно заданных связей, внешнее по отношению к агентам. Человек не только наследует общество, но и изобретает его. Этот процесс социального изобретения бесконечен [6, с. 41].

Н. Н. Козлова видела потенциал понятия «габитус» для создания социальных типологий: «Габитус – понятие типологическое. В любой реакции человека на ситуацию, поступок, подсознательное действие можно увидеть типическое. Такое восприятие соотносится с представлением о принадлежности к группе, определяется историей группы. Позиция социального агента в структуре социальных групп принуждает воспроизводить групповые социальные представления. В совместной деятельности группы возникает общая порождающая матрица практик людей – социальных агентов, которые живут в сходных социальных условиях. Эта общность проявляется в сходстве биографий.

Социальные институты, структурирующие деятельность людей – социальных агентов, не существуют во времени постоянно. <...> Мы имеем дело со способностями, возможностями, знаниями, верованиями и ожиданиями людей, а не с постоянно реализуемыми практиками. Человек носит свои способности, свою социальность и культуру в себе самом» [6, с. 41].

Включение понятия «габитус» в процесс типологизации позволяет, по мнению Н. Н. Козловой, получить ответы на следующие вопросы: «Какую социальность и историю воплощают (представляют во плоти, в теле) люди, принадлежащие к тому или иному сословию или классу? Какие новации, в дальнейшем используемые “всеми”, появились именно в данной группе и являются типичными для нее?» Данный подход «уводит нас от соблазна описывать социальный мир как готовую структуру, совершенно не зависящую от человеческой деятельности. Новации в способах совместной жизни людей не изобретаются одним человеком. Они производятся в группе. Именно в процессе групповой жизни людей постоянно появляется то, что можно назвать непреднамеренными социальными изобретениями. Эти изобретения не только рождаются в группе, в процессе коммуникации и взаимодействия, но способствуют возникновению групп, продолжению их жизни. Возникая в группе, они могут распространяться на все общество, меняя его» [6, с. 41].

В качестве заключения хотелось бы отметить, что разработанная П. Бурдье теория практико-ориентированной социологии остается актуальной и продуктивной.

Эвристический потенциал понятия «практика», считает О. Хархордин, состоит в том, что его смысл предполагает единение действия с принятой нормой. Этот сплав рассматривается по-разному. Так, П. Бергер и Т. Лукман считают, что множественность практик объективируется в социальных нормах [13, с. 19]. Реализация практико-ориентированного подхода вновь раскрывает нам, что мир повседневности является сложноорганизованным и многогранным.

Литература

1. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. Лингвокультурологическое описание. – 3-е изд. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
2. Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 334 с. – (Серия «Прагматический поворот»; Вып. 4).
3. Вахштайн В. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 144 с.
4. Гудова М. Ю. Метод культурной практики и проблема культурологической интерпретации актуального искусства в современной эстетике // Вестник Гуманитарного университета. – 2018. – № 1 (20). – С. 88–98.
5. Аберкромби Н. Социологический словарь : пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; под ред. С. А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО «Изд-во “Экономика”», 2004. – 620 с.
6. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М. : Ключ-С, 1998. – 192 с.
7. Шматко Н. А. На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, Е. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 548–562. – (Серия «Gallicinium».)
8. Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 120 с.
9. Бурдые П. Социальные пространства: поля и практики / пер. с фр. ; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 576 с. (Серия «Gallicinium»).
10. Бурдые П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
11. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. – М. : Socio-Logos, 1996. – 304 с.
12. Мясникова Л. А., Дроздова А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневности в современном культурологическом знании // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 3 (141). – С. 86–95.
13. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. – М. : Логос, 2010. – 388 с.

Elena Anatolyevna Kalistratova,

Postgraduate studies secretary, Senior Lecturer,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Everyday Man as an Ensemble of Practices

Contemporary approaches to everyday life studies give us an opportunity to talk about an everyday man as a unity of practices, for the interest towards everyday life is being realized not only under the sign of “practical turn”, but also through the development of a new theoretical consensus based on the term “practice”. Practically-oriented Bourdieu's concept is being studied in the article, and practice is understood as a universal explanatory category in this concept.

Key words: everyday life; everyday man; Pierre Bourdieu; practices; habitus.

Фестиваль современного танца как способ существования и развития современного танца в России

В статье рассматривается фестиваль современного танца как вид ситуативной институции, т. е. механизма и инструмента организационных форм существования, функционирования и эволюции данного вида искусства в России. Актуальность этого механизма трудно переоценить: ведь современный танец (как вид современного искусства) долгое время не находил поддержки со стороны официальных структур. Между тем именно благодаря фестивальному движению современный танец перестал существовать на «окраине культуры» и оформился в институциональную сферу художественной культуры, т. е. систему, объединяющую художественное производство, потребление, образование и критику. В статье приведена краткая история фестивального движения и, в качестве примера, основных фестивалей современного танца в Екатеринбурге.

Ключевые слова: российский современный танец; институция; фестиваль современного танца; фестивальное движение; детско-юношеский танцевальный конкурс; сообщество современного танца; телесно-перформативные практики; преемственность в искусстве.

Современный танец (contemporary dance), являясь органичной частью современного искусства, нацелен на поддержку гибкого, инновационного, чутко реагирующего на вызовы и болевые точки современности сознания. Начиная с середины 1980-х гг. новый танец, новые формы «театра тела» и новые художественно-движенческие практики интенсивно развиваются в России. Открывая и осваивая все новые, актуальные «зоны» образности и темы, активно взаимодействуя с самой разной аудиторией, находясь в постоянном поиске средств выразительности, contemporary dance стал делом жизни уже не для одного поколения отечественных хореографов, педагогов, исполнителей, менеджеров и теоретиков современного танца.

В статье, посвященной осмыслению театрального фестиваля как институции, ее авторы, Л. А. Закс и Е. В. Малинина (см.: [4]), пишут о том, что в современных исследованиях художественной культуры остро стоит проблема механизмов и «инструментов», организационных форм ее существования, функционирования и эволюции, т. е. проблема социокультурных институций. Являясь формой «объединения людей – субъектов художественной культуры и регулирования (программирования и упорядочивания = организации) их совместной деятельности» [4, с. 146], последние воплощают ресурсы, потенции художественной культуры – в реальность. Другими словами, ни одна художественная практика не может существовать и развиваться вне системы культурных институций. Последние же подразделяются на два основных вида: «постоянно действующие организации (учреждения)... и существующие “оказионально, ситуативно”, “время от времени”» [4, с. 147]. К «ситуативным» авторы относят премии, конкурсы, непериодические школы, курсы, временные профессиональные объединения, гастроли и, конечно, театральные фестивали.

* **Наталья Валерьевна Курюмова**, канд. культурологии, доцент кафедры хореографического искусства и художественной культуры, замдекана факультета современного танца, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: cddguck@gmail.com

** **Елена Валерьевна Коротаева**, преподаватель кафедры хореографического искусства и художественной культуры (народно-сценический танец) и солистка танцевальной компании «Око-ем», АНО ВО «Гуманитарный университет», директор Всероссийского хореографического фестиваля-конкурса «Контур» (г. Екатеринбург).

E-mail: fest.kontur@mail.ru

Активизация фестивального движения во второй половине XX – начале XXI в. (т. е. в период усложнения и ускорения культурных процессов, активного развития все новых художественных практик и подсистем художественной культуры), отмеченная авторами статьи, неслучайна.

Совершенно очевидно, что «ситуативные» институции гораздо более мобильны и не так затратны. Они становятся механизмом, позволяющим оформиться, войти в коммуникативное поле, найти свое место в культуре тем художественным явлениям, которые возникают в ответ на всё новые потребности и запросы общества в образно-метафорическом осмыслении тех глобальных изменений, вызовов, которые предъявляет ему современность.

Современный танец – искусство относительно молодое в нашей стране (историю и связанные с ней особенности отечественного contemporary многие пишущие о танце и современном искусстве, в т. ч. один из авторов данной статьи, рассматривают и пытаются осмыслить [6]). Это искусство, проблематизирующее действительность; нацеленное на активную рефлексию и концептуализацию самых острых проблем и состояний современного человека в его сложных взаимоотношениях с самим собой и социумом. Претворение все нового психофизического опыта, интеллектуальных прозрений и философских обобщений реализуется в актуальных перформативных практиках (танцспектакля как «подвида» постдраматического спектакля, акцентирующего телесность, тактильность, энергию присутствия и физического риска; перформанса; флэшмоба; инсталляции и т. п.).

Функционируя в системе (пост)неклассической художественной культуры и «отказываясь» от прямого изображения/отражения действительности, современный танец как бы обнажает процесс постоянного «мерцания» танцующего тела на границе своего физического и ментального существования; процесс синтеза ««телесной феноменологии» (как метода выявления все новых, спонтанных проявлений «думающего тела») с художественной семиотикой, т. е. систематизирующей грамматикой танца» [7, с. 62]. Выходя за пределы привычной художественной образности и выразительности, он не просто является «“формой пластического мышления” ... “схватывающей” сложную действительность не на образно-понятийном, но, скорее, образно-чувственном, интуитивно-телесном уровне» [8, с. 78]. В книге «Язык сценического танца...: видовая специфика и морфология» [8] ее автор, проф. Ю. А. Кондратенко, доказывает, что любая исторически сложившаяся формация танца, любое его направление и вид является такой формой. Но именно современный танец ставит вот эту способность мыслить пластически, пространственно-телесно-кинетически во главу угла. Он относится к современному искусству, которое «концептуализировалось за счет того, что целью художественных практик вместо репрезентации стало переживание реальности (реального времени, реального пространства, реального тела)» [9, с. 15].

Всё это:

- относительная молодость современного танца;
- его концептуальность, которая не позволяет делать его инструментом идеологического воздействия на широкие массы – напротив, современный танец стимулирует развитие самостоятельного, критического мышления индивида;
- наконец, возможно, сама его инновационность и субъективность, вступающие в некоторое противоречие с традиционной российской культурной ментальностью¹, – затрудняет быстрое вхождение в систему официальных культурных институтов и реестров.

---

¹ Данный тезис требует своего развития и, несомненно, отдельного научного исследования. В рамках данной статьи мы можем только констатировать некую интуицию.

По большому счету, деятели (исполнители, авторы, педагоги, студии и труппы российского современного танца) долгие годы находились в ситуации «самопредоставленности». Тем не менее почти за сорок лет развития в России образовалось сообщество деятелей современного танца, со своими ценностями, именами, критериями. Стихийно, «снизу», сложились, так или иначе, институциональные сферы, которые выделяет в своих исследованиях художественной культуры М. С. Каган: художественное производство, потребление, образование и критика [5]. Первое, «героическое поколение» отечественного современного танца действовало на полном энтузиазме, без помощи «извне». Почти все отечественные труппы, центры, школы, фестивали современного танца возникли в свое время и до сих пор продолжают возникать (хотя, конечно, уже не так активно) как проявление творческой инициативы самоотверженных одиночек и их единомышленников, готовых «за идею» создавать спектакли, репетировать и выступать, администрировать, пиарить, учить и критически осмысливать происходящее.

Возвращаясь к теме данной статьи, необходимо подчеркнуть особо важную роль фестивалей в становлении, развитии и функционировании российского «контемпорари».

Немного истории.

Импульс фестивальному движению в свое время дал выездной семинар знаменитого American Dance Festival, организованный Н. В. Огрызковым в Москве в 1992 г. В том же году, в небольшом Североуральске (Свердловская область), под руководством (и на основе коллектива) С. И. Зотеева возникло одно из знаковых мероприятий – Межрегиональный конкурс современной хореографии «КЛАСС», ежегодно собиравший участников со всей России. Долгое время практически единственным значительным форумом для деятелей отечественного contemporary являлся Витебский (т. е. организуемый в Белоруссии, вне России, на постсоветском пространстве) Международный фестиваль современной хореографии (будучи до того фестивалем искусств неформальной молодежи, в таком формате он начал работать с 1992 г.).

Наиболее активно, один за другим, фестивали стали проводиться после 1997 г.: российский современный танец набирал обороты, необходимость постоянной коммуникации и обмена внутри сообщества, а также – все более активной социализации росла; зрительская аудитория расширялась (за счет «думающей» молодежи, в первую очередь). В Волгограде появился Международный фестиваль современного танца (директор М. Е. Мойжес), в Ярославле – «Искусство движения» (под рук. А. Е. Гирсона); в Саранске – «Лиса» (теперь – «Новая Лиса»). Подобные инициативы были подхвачены в Санкт-Петербурге, Москве, Красноярске, Челябинске. Одним из наиболее значительных по сей день является проводимый с 1999 г. петербургским Домом Танца «Кэннон данс» фестиваль «Open Look». В 2015 г. он «вырос» в две обстоятельные программы: кейс иностранных компаний/хореографов и национальную платформу («Russian Look»).

В 2000 г. режиссер и хореограф, создатель «Кинетик-театра» А. Ю. Пепеляев вместе с танцовщицей и преподавателем Т. В. Гордеевой и арт-менеджером Е. М. Тупысей создали Московское объединение театров танца «ЦЕХ», а также одноименный ежегодный фестиваль российских танц-театров. Благодаря многолетней интегрирующей деятельности «ЦЕХа», на счету которого не только фестивали, но и Летние школы танца с привлечением отечественных и зарубежных специалистов; осуществлению творческих и гастрольных проектов, коллабораций (как внутри России, так и международных); активной просветительской и административной деятельности, российский современный танец стал явлением, существование которого у нас уже трудно было игнорировать. В тесном сотрудничестве

с ЦЕХом, в Костроме, по инициативе Е. П. Кулагина и И. С. Естегнеева, в 2002 г. были созданы школа и компания «Диалог-данс», а затем – и активно работающий по сей день Международный фестиваль дуэтов современного танца «Диверсия».

Надо отметить, что в организационно-экономическом плане все вышеупомянутые структуры и фестивали возникали и проводились, как правило, по личной инициативе и благодаря энтузиазму определенных людей, увлеченных идеей не только развития новых танцевальных форм, но и создания новых, независимых от государства институциональных структур. Возникая и рассчитывая, в первую очередь, на новые по тем временам возможности финансовой поддержки (а именно – спонсорскую поддержку молодого отечественного бизнеса; поддержку иностранных благотворительных фондов; а также – частичного «хозрасчета», т. е. возможности частично покрыть расходы по организации мероприятия за счет продажи билетов на события мероприятия), эти мероприятия демонстрировали свободу от идеологических установок и запретов; способность зарождающегося демократического общества к самоорганизации. Впрочем, в отдельных случаях некоторую поддержку оказывали государственные и муниципальные структуры (ответственные за культуру и молодежную политику)².

Введение в 2000 г. номинации «Лучший спектакль современного танца» в реестр номинаций Национальной театральной премии и фестиваля «Золотая маска» стало серьезным стимулом для развития отечественного танц-театра. Учредителем фестиваля-конкурса, возникшего в 1993 г. и ставшего главным театральным событием страны, является Союз театральных деятелей России – старейшая общественная организация (профессиональный творческий союз работников театра). Признание позиции «современный танец» со стороны «Золотой маски» и, следовательно, столь авторитетной организации, как СТД РФ, означало, что это новое для нас явление оказалось замеченным и признанным в сфере национальной культурной политики. В этот период многие, имеющие государственный, региональный или муниципальный статус, институции и театры активизируют сотрудничество с деятелями, коллективами современного танца; используя свой ресурс, принимают на своих площадках фестивали современного танца.

В 2013 г. произошло еще одно важное событие именно с точки зрения официального признания и институционализации: состоялся первый Международный фестиваль современной хореографии «Context. Diana Vishneva». Фестиваль, задуманный примой-балериной Мариинского театра как лаборатория, где зарубежные и российские хореографы могут показать свои работы друг другу и публике, включает и конкурс молодых отечественных хореографов (Context Lab). Особенность данного конкурса в том, что он не разделяет работ хореографов, работающих в неоклассическом стиле или современном танце (и доказывает тем самым, что препятствия между разными направлениями танца становятся всё более условными). Фестиваль, учредителем которого является Фонд Дианы Вишневой, поддержку которому оказывают Министерство культуры России и Муниципалитет г. Москвы, в силу понятных причин обладает весомым, безоговорочно признаваемым в профессиональном сообществе статусом. Не только победа, но само участие в конкурсе вписывает молодых авторов и исполнителей российского современного танца в поле внимания российского культурного истеблишмента.

С начала 2000-х важную роль в массовом развороте к концептуальному современному танцу стали играть фестивали, составной частью которых становится детско-юношеский хореографический конкурс. В подобных фестивалях-

---

² Так, благодаря особым обстоятельствам (среди которых немаловажную роль сыграл личный авторитет руководителя коллектива и особая ситуация «на местах»), получили статус «муниципального», правда, не фестиваль, а труппа: Екатеринбургская хореографическая компания «Балет Плюс» в 1991 г., Челябинский театр современного танца «Русский вариант» в 1992 г.

конкурсах, ведущих свою традицию от советских времен (поддержке художественной самодеятельности и дополнительного художественно-эстетического воспитания тогда уделялось особое внимание), участвуют детские коллективы разных возрастных групп. Теперь, помимо номинаций «классический», «народный», «эстрадный» и т. п. танец, стала вводиться позиция «современный танец». Кроме того, по той же модели стали возникать новые фестивали, исключительно профильные, т. е. посвященные только современному танцу.

Фестивали подобного типа организуются, как правило, по инициативе тех исполнителей и авторов, которые стремятся к созданию необходимого творческого контекста и обмена информацией, заботясь, в том числе, о реализации собственных творческих амбиций. Взносы, оплачиваемые участниками «обязательных» конкурсных программ, поделенных на общепринятые возрастные группы, обеспечивают качественную гостевую программу из отечественных и зарубежных трупп/исполнителей, а также – приглашение известных хореографов, педагогов и теоретиков contemporary для проведения лекций, мастер-классов и для работы в жюри. Один из наиболее известных – Международный фестиваль современной хореографии «Айседора» в Красноярске. Он существует по инициативе его арт-директора, педагога и хореографа Е. В. Слободчиковой с 2001 г. Более молодой, но уже активно заявивший о себе Фестиваль современной хореографии «Точка» возник в Омске в 2013 г. Его инициатор – центр современной хореографии «НО-га», возглавляемый арт-менеджером А. А. Горобчуком и его сестрой, хореографом О. А. Горобчук.

Фестивали, описанные выше, в организационно-статусном плане можно, на наш взгляд, разделить на три типа. Первый – наиболее экспериментальный, рискованный (что очень близко по духу самому «современному танцу», и – наименее «институционализированный», «заорганизованный»). Такой тип фестиваля возникает как необходимость объединить тех, кто находится в общем поле ценностей и связан определенной художественной идеей, не «ранжирует» участников по шкале большей или меньшей художественной состоятельности, не расставляет по местам и не выделяет «победителей» определенными призами и наградами. Он проводится на деньги спонсоров и благотворительных фондов, с которыми работают и которых находят организаторы. Для осмысления художественного процесса здесь более подходящей, чем критик или рецензент, становится фигура «модератора», «куратора». Взаимодействие с аудиторией, со зрителем (который, как правило, неслучаен) на данном фестивале наиболее тесная, интерактивная (Волгоградский фестиваль, «Искусство движения», «Цех», «Open Look», «Лиса» и т. д., см. выше).

Другой тип (к нему можно отнести упомянутые Витебский фестиваль, «Золотую маску», «Context») связан с более устойчивым и высоким статусом мероприятия, во многом определяемым кругом учредителей, а также с наличием официальных государственных, региональных или городских структур, участвующих в поддержке фестиваля. В такого рода фестивалях, как правило, есть конкурс (распределение мест, жюри), результаты которого влияют на дальнейшую судьбу участников, на определение их места в структуре официальной художественной культуры города, региона, страны. Художественная продукция, представляемая здесь, носит характер признанных достижений, рассчитана на более широкий круг аудиторий, в том числе зрительский истеблишмент.

Третий тип, с наличием детско-юношеского конкурса, опирается на конкретные и стабильные источники дохода (взносы участников) и на насущную для участников процесса (т. е. соответствующих структур – хореографических коллективов и студий, представляющих школы искусств, центры творчества и т. п.; а также их руководителей и самих исполнителей) необходимость бороться за призовые места. А значит – доказывать свою состоятельность, право на материальную под-

держку (со стороны официальных образовательных и культурных структур, родителей) и субсидии, высокие аттестационные характеристики и т. п. Мероприятия подобного типа позволяют выявлять наиболее интересные явления и достижения в области хореографического образования и исполнительства; создают условия для реализации творческого потенциала как детей/молодых людей, так и руководителей творческих коллективов; закладывают основы для дальнейшего развития современного танца в России. Преимуществом данного типа фестиваля является его «встроенность» в систему художественно-эстетического воспитания, его очевидная необходимость, организационная технологичность и конвертируемость.

В Екатеринбурге первым заметным явлением в этом направлении можно считать Международный фестиваль «Танцплантация»: на рубеже веков так называлась российская платформа престижного французского хореографического форума «Международные хореографические встречи в Сен-Дени». Российская платформа проводилась дважды: в 2000 г. – в г. Волгограде, на базе фестиваля М. Е. Мойжес, и в 1999 и 2001 гг. – в Екатеринбурге. Директором екатеринбургской «Танцплантации» закономерно стал продюсер, режиссер, создатель театра «Провинциальные танцы», затем Екатеринбургского Центра современного искусства и Школы современного танца Л. В. Шульман.

Тремя, на наш взгляд, наиболее интересно и системно работающими в Екатеринбурге фестивалями настоящего времени можно считать Фестиваль современного танца и перформанса «Малоформатный» (с 2007 г.); Международный фестиваль современной хореографии «На грани» (с 2008 г.); Всероссийский хореографический фестиваль-конкурс «Контур» (с 2014 г.). Рассмотрим каждый с точки зрения его идейно-художественной концепции, содержания, организационной структуры.

«Малоформатный» возник по инициативе танцовщицы и хореографа Екатерины Жариновой³, нашедшей, в условиях ограниченных материальных возможностей, креативное решение. Концепция фестиваля возникла естественным образом: экс-танцовщица «Провинциальных танцев» попыталась реализовать собственную потребность продолжать танцевать и сочинять. А еще – поддержать «свободных одиночек», таких же как сама Екатерина. Так родился фестиваль, программа которого принципиально формируется, по словам самой Жариновой, из сольных и дуэтных работ, т. е. один-два человека на сцене – это неперемное условие. Что, наверное, самое важное – исполнители должны быть авторами своих работ, т. е. представлять такие «авторские танцы» [10]. Дискуссия по поводу увиденного – обязательная часть программы Малоформатного: «Я считаю важным находить словесное описание тому, что происходит во время выступления, если говорить об обсуждении выступлений, несмотря на то что крайне трудно говорить о танце. Важно говорить, и тем самым переводить на новый уровень и отношение к современному танцу, и понимание этого явления» [10].

Принципиальными для концепции содержания фестиваля являются нацеленность на эксперимент, мультидисциплинарность, активная социокультурная позиция. Екатерина Жаринова подчеркивает это: «Я за эксперимент и поиск, предпочитаю представлять рискованные работы, нежели заведомо успешные. Последние программы были составлены исключительно из премьер, созданных специально к фестивалю. Мы приглашаем людей с интересным, богатым опытом, предоставляя им полную свободу самовыражения» [10]. И еще: «современные ак-

---

³ Е. В. Жаринова – организатор Малоформатного фестиваля современного танца; хореограф, независимая танцовщица, выпускница Школы современного танца Екатеринбургского центра современного искусства. С 2000-го по 2005 г. входила в труппу театра «Провинциальные танцы»; в 2016-м, по окончании факультета театра и танца в The George Washington University (США), получила степень магистра изящных искусств (Master of Fine Arts).

туальные танцевальные перформансы – это что-то выдающееся из ряда вон, везде это так, это смело и изобретательно, это стильно, качественно... и буквально у каждого автора есть свой неповторимый почерк» [3]. Продукция фестиваля охватывает широкий спектр современных камерных жанров и форм – танц-спектакль, интерактивную инсталляцию, танцевально-визуально-поэтические и прочие перформансы. Например, программа 5-го Малоформатного фестиваля (30 января – 1 февраля 2014 г.) была дополнена интерактивными инсталляциями, авторами которых стали Денис Перевалов (г. Екатеринбург) и Игорь (Sodazot) Татарников (г. Москва); закрывалась лабораторией «Звук и движение» – экспериментом по объединению движения, поэзии и компьютерного звука, при участии поэтов Аглаи Соловьевой (г. Киров) и Тани Просто (г. Екатеринбург). Любой, кто пришел на лабораторию, мог стать непосредственным участником этого поэтически-визуально-звукового эксперимента. Движения танцовщиков анализировались компьютером и управляли обработкой звука стихов, читаемых поэтом. Обработка звука заключалась в воспроизведении прозвучавших слов и их фрагментов в различных вариантах, которые зависят от положения и движения тела танцующего.

Не прошел «Малоформатный» и мимо такой актуальной для современной культуры темы, как инклюзивный танец. Так, в сентябре 2016 г. на площадке Музея архитектуры и дизайна был представлен танцевальный коллаж «Проявленность танца: Свобода действий», составленный из соло и дуэтов, созданных профессиональными танцовщиками в союзе с танцовщиками, имеющими ограниченные возможности здоровья (в т. ч. – дуэт исполнителей-колясочников из США, незрячие артисты из Екатеринбурга). Активная социокультурная и гражданская позиция самой Екатерины Жариновой «транслируется» ею и на зрителей: «Участник фестиваля – понятие довольно обширное. В моих глазах каждый, кто купил билет и пришел на программу спектаклей, он участник процесса, кроме того, что он позволил случиться этой программе, сборы с продажи билетов идут на оплату аренды площадки и оборудования, без зрителя ничего бы не было, спектакль случается лишь при наличии зрителя» [3].

Благодаря своей «малоформатности» и гибкой структуре (без строгой привязки к определенным датам строгой периодичности (обычно – один-два дня два раза в год)), не требующий больших сцен, а также – затрат на жюри; удачно «вписавшийся» в просветительские программы и пространства екатеринбургских образовательных (библиотеки, вузы), художественных (Малая сцена ТЮЗа, Музей истории Екатеринбурга и Дом Метенкова; картинная галерея, Уральский филиал ГЦСИ), общественных (Ельцин-центр) центров, – фестиваль стал удачным опытом вхождения искусства современного танца и перформанса в различные художественные пространства и повседневную жизнь большого города. И, главное: благодаря Малоформатному фестивалю многие свободные танцовщики и исполнители из Екатеринбурга⁴, других городов близлежащих регионов⁵ получили поддержку в виде общественного признания и перспектив развития. Многие зару-

---

⁴ Андрей Захаров, ныне автор собственного проекта со слепыми детьми; Александр Петражицкий, экс-танцовщик команды «Киплинг»; Анжелика Руднева, актриса и танцовщица театра «Шарманка»; Ольга Севостьянова, танцовщица «Провинциальных танцев»; Алена Гладких, один из организаторов танц-компании «2046»; Мария Козева, участница многих российских и международных танц-проектов, так же как и Александр Фролов, участник знаменитого екатеринбургского дуэта Zonk'a, Екатерина Сипатова, Анастасия Миронова и Кирилл Зайцев, представлявшие факультет современного танца Гуманитарного университета; Наталья Бриль – танцовщица, перформер, организатор захватывающих байкальских проектов лаборатории «Театрика» и др.

⁵ Владимир Голубев, Рафаэль Тимербаков, Дмитрий Чегодарь из Челябинска; Арина Соловьева из Кирова, Елена Данн, Виктория Мясникова и Александра Балецкая из Тюмени и др.

бежные авторы и преподаватели танца⁶ поделились своими открытиями и опытом.

Фестиваль «На грани» был задуман более десяти лет назад директором Свердловского академического театра музыкальной комедии М. В. Софроновым и известным критиком музыкального театра (неоднократно – членом жюри и председателем Экспертного Совета «ЗМ») Л. В. Барькиной, поддержан Свердловским Министерством культуры, Союзом театральных деятелей России и, в самом начале, – представительство Альянс Франсез в Екатеринбурге (позже, в разные годы, присоединялись представительства и других стран). Это – статусное мероприятие, изначально задуманное как биеннале для представления достижений отечественного и, по возможности, зарубежного современного танца. Впрочем, режим биеннале был в какой-то момент нарушен: почти сразу стало понятно, что за два года происходит так много событий, что свежесть их теряется. Поэтому фестиваль – ежегодный. По нечетным годам – это пятидневный международный фестиваль, по четным – более камерного, локального формата.

Содержательно-предметная составляющая фестиваля во многом определяется кругозором, художественными приоритетами, самой личностью его инициаторов. В данном случае, конечно, – арт-директора фестиваля «На грани» Ларисы Барькиной. Являясь одним из авторитетных, международно признанных экспертов в области музыкального театра, и в том числе современного танца, в течение двадцати лет работая на многих знаковых фестивалях и конкурсах, в т. ч., на фестивале «Золотая маска» (в качестве эксперта, председателя Экспертного совета, члена жюри), за время активной критической деятельности она сформировала собственную «модель» фестиваля, которую неоднократно формулировала для СМИ и на многочисленных пресс-конференциях: «Меня интересуют, во-первых, профессиональные коллективы, профессиональные танцовщики и хореографы, а во-вторых, и это самое главное, – спектакли. Тот момент, когда танец становится театром. В фестивале всегда представлено много направлений contemporary dance, от перформативных практик до современной неоклассической хореографии, но мой центральный выбор – театр танца» [1].

Посему – костяк программы составляют, как правило, труппы и персоны, признанные сообществом, апробированные; «хедлайнеры» фестивальных и гастрольных списков России, ближнего зарубежья с полноформатными спектаклями для большой сцены. Чьи работы гарантируют, как правило, убедительный художественный результат. В России это, в первую очередь, те, кого можно отнести к первому, «героическому» поколению contemporary: екатеринбургские «Провинциальные танцы», «Эксцентрик-балет Сергея Смирнова», команда «Киплинг» и «ТанцТеатр» Олега Петрова; пермский «Балет Евгения Панфилова», «Челябинский театр современного танца Пона», питерский «Каннон-Данс», казанский камерный балет «Пантера», эстонский «Fine 5», литовский «Art Printing House». И те, которые, появившись позже, в 2000-х, тоже вышли на российский и международный уровень, взяв курс на решительное обновление художественных стратегий: костромской «Диалог-данс», екатеринбургские «Окоем» и «Zonk'a» (обе труппы тесно связаны с работой факультета современного танца Гуманитарного университета); перспективная омская «нОга»; «Балет “Москва”», который, после прихода к руководству Елены Тупысевой⁷ достиг уровня одной (вернее, даже

⁶ Такие как Майда Визерс, профессор танца Университета Джорджа Вашингтона, и Габриэль Ревлок, хореограф из Нью-Йорка; немецкие танцовщицы Бритта Шенбрунн и Катя Мустонен; екатеринбургенка Полина Ахметзянова, по окончании знаменитой бельгийской школы P.A.R.T.S. решившая продолжить свою карьеру в Брюсселе, соло или в дуэте с Сирьяком Вильмо (Бельгия), и др.

⁷ Елена Тупысева – арт-менеджер, в 2001 году стала соучредителем и директором Агентства театров танца «ЦЕХ» и Международного фестиваля театров танца «ЦЕХ». В 2006 году по ее иници-

двух, так как в составе театра две труппы – классическая и современная) из самых продвинутых отечественных трупп. Среди хореографов, представлявших свои работы на фестивале, – те, на которых, отчасти, «держится» сегодня здание отечественного contemporary – Лариса Александрова, Татьяна Баганова, Павел Глухов, Екатерина Кислова, Александр Пепеляев, Ксения Петренко, Ольга Пона, Елена Пришвицына, Александр Фролов, Анна Щеклеина и многие другие. «Дальнезарубежная» программа фестиваля также впечатляет – в разные годы участниками становились яркие французские, финские, американские, итальянские труппы, хореографы, режиссеры.

При всей своей «респектабельности» фестиваль не чужд и новым формам; основной программе постоянно сопутствуют актуальные события в виде перформансов, программ кинотанца, мастер-классов, наконец проектов, парадоксально соединяющих разные виды перформативных и телесных практик. Показателен в этом смысле один из первых опытов копродукции, ставший возможным благодаря фестивалю, – спектакль, одноименный с фестивалем, объединивший французских хип-хоперов и молодых российских танцовщиков contemporary. «Концептуально “На грани” – фестиваль, который проходит в нашем городе, а значит – на границе континентов и собирает не только чисто танцевальные спектакли, но и эксперименты на пересечении разных творческих практик, полижанровые и мультидисциплинарные проекты. Отсюда название. Главная особенность – наше нежелание загонять российский contemporary dance в рамки каких-либо клише и стандартов, определять границы жанра и огораживать территорию флажками. Нет, в Екатеринбурге выступали и будут выступать труппы и хореографы широкого спектра танцевальных стилей» [2].

Две принципиальные особенности фестиваля: отсутствие конкурса и обязательное подробное обсуждение каждого выступления (в конце каждого фестивального дня), а затем – и рецензирование в печатных и интернет-СМИ широким кворумом специалистов, театральных, и балетных, и танц-критиков (экспертов крупных российских и международных фестивалей, обозревателей и авторов центральных и региональных специализированных СМИ). В котором принимают участие и «практики» – исполнители, авторы, арт-менеджеры и сами зрители. Отсутствие конкурса становится свидетельством признания художественных достоинств каждого участника и представляемого им творческого проекта. Второе позволяет, тем не менее, выявить наиболее актуальные тенденции и разнообразие процесса, определить место каждого участника в нем, акцентировать достижения и обозначить проблемы и кризисные явления. «Мне важно, чтобы сюда приезжали хореографы и артисты за возможностью встретиться с заинтересованной публикой. Чтобы они получали здесь максимум интенсивного профессионального общения, которое, конечно, заключается и во встречах, и в разговорах, и в обсуждениях с профессиональными людьми. <...> Хореографы часто приезжают на фестиваль и получают только диплом, а роста нет. Здесь они получают разбор и достаточно профессиональный анализ. Интеллектуальный толчок, с которым они могут уехать и начать себя осмысливать. Стараюсь следить, чтобы никто из критиков не высказывался в духе “Я – истина в последней инстанции”. Мне важно, чтобы участники получали информацию к размышлению» [1].

В 2014 г., по инициативе исполнителей и преподавателей современного и народно-сценического танца Е. В. Коротаевой (соавтора данной статьи) и Д. Е. Кудряшова, начал свою работу и в настоящее время активно развивается Всероссийский хореографический фестиваль-конкурс «Контур». По формату он принадле-

---

циативе была открыта независимая площадка «Актовый Зал», которая стала пространством для представления современного исполнительского искусства, кинопоказов и концертов независимой музыки. С 2012 г. – директор ГБУК «Балет “Москва”».

жит к третьему типу вышеописанных моделей: его основу составляет детско-юношеский конкурс. По содержанию – это институция в поддержку и во имя формирования преемственности в современном танце. Важнейшая задача, которую, среди прочих, ставит этот фестиваль, – формирование общих методических принципов и творческих критериев в среде педагогов и руководителей хореографических коллективов; вовлечение в практическое освоение/приобщение к самой актуальной художественной информации современного танца их самих и их питомцев. Того молодого поколения – будущих исполнителей, педагогов, авторов, теоретиков и организаторов, – благодаря которому должна осуществляться преемственность в российском современном танце. Особо важным в данном контексте становится содержание гостевой программы и, конечно, состав жюри. То есть тех людей, которые не только обсуждают спектакли и выбирают лучших, но и проводят мастер-классы и лекции.

Фестиваль не имеет поддержки со стороны официальных государственных, областных или муниципальных структур. Первый фестиваль-конкурс прошел в марте 2014 года на площадке МТБ «Щелкунчик»; он был организован за счет средств частной школы танцев «Privilege» (руководителями которой и являются организаторы фестиваля). Количество участников составило 250 человек; единственным «гостем» стала танцевальная компания «Окоем» (при ГУ г. Екатеринбурга). Для поддержания интереса к фестивалю, каждый сезон организаторы стремились создавать проекты и мероприятия, предваряющие «Контур». Модель оказалась жизнеспособной, в первую очередь потому, что ответила на уже сформировавшийся в обществе запрос. Сегодня можно говорить об устойчивом развитии и стабильности этой институции: «Контур» постепенно становится знаковым мероприятием для молодежи, нацеленной на профессиональный рост в области современной хореографии.

В 2015 г. «Контур» переместился в ЦКиИ «Верх-Исетский» (с конкурсной программой) и увеличил количество участников до 600 человек. Фестивальная программа проходила на двух площадках, и ее составляли два театра танца, в том числе танцевальная компания «Воздух» (г. Краснодар). В 2016 г. на конкурс заявилось 1 200 человек, гостевая программа расширилась до трех полноценных спектаклей. В ней принимали участие Челябинский театр современного танца, театр танца «нОга» (г. Омск) и танцевальная компания «Окоем» (г. Екатеринбург). 2017 год фестиваль-конкурс провел в стенах ЦКиИ «Верх-Исетский». Для участников и зрителей профессиональные театры России показали спектакли: Li-ka Shevchenko project и танцовщики «Балета “Москва”» Алексей Нарутто и Ольга Тимошенко (г. Москва), театр танца «нОга» (г. Омск) и танцевальная компания «Окоем» (г. Екатеринбург). Юбилейный, 5-й фестиваль прошел на площадке ЦК «Урал» с рекордным количеством участников – около 3 000 человек. Фестивальная программа состояла из 4 спектаклей, открыла ее екатеринбургская танцевальная компания «Окоем» с музыкально-танцевальным проектом «OPERA HOUSE» с участием Алексея Петрова и оркестра старинной музыки под управлением Евгения Кузнецова. Второй вечер представили обладатели театральной премии «Золотая маска» – театр «Провинциальные танцы» и номинант на эту премию спектакль «Мемориае» Константин Матулевский и Софья Гайдукова. В рамках Гала-концерта, на сцене Центра культуры была представлена премьера – совместная работа Рафаэля Тимербакова (солиста Челябинского театра современного танца) и Елены Кортаевой.

В жюри «Контура» входят практики, критики, аналитики именно современного танца и современных телесно-перформативных практик, в том числе известные в России преподаватели, танцовщики, хореографы: Александр Гурвич, Мария Козева, Ольга Севостьянова, Владимир Голубев, Вячеслав Казанцев, Татьяна Тара-

банова, Дмитрий Гайтюкевич, Мария Грейф, Земфира Шарипова, Виктор Поцелуев, Андрей Кирдаков, Ирина Соколова, Елена Красильникова, Лика Шевченко, Наталья Лысцова, Влад Морозов, Татьяна Гордеева, Ольга Васильева; художник, режиссер Ольга Паутова; исследователи и критики Вита Хлопова, Екатерина Ганюшина, Наталия Курюмова.

Мастер-классы и лекции членов жюри, обсуждение ими, вместе с участниками, тех критериев, на основе которых оцениваются выступления и работы, а также обширная гостевая программа создают условия для расширения кругозора, воспитания зрительского опыта участников и руководителей; понимания ими разнообразных форм, лексики и содержательно-концептуальных особенностей современного танца; приобретения ими все новых навыков и знаний, повышения профессиональной универсальности, столь востребованной обществом сегодня. Фестиваль «Контур», во всем многообразии его программ и мероприятий, работает на перспективу: способствует укоренению contemporary как особого вида визуально-пластического мышления, как, действительно, актуального, соотнесенного со «сложной современностью» искусства.

Подводя итог, можно заключить: практики выживания современного танца в России, долгое время – без материально-технической, инфраструктурной, да и простой моральной поддержки официальных государственных структур, органов управления культурой, – являются примером высокого уровня самоорганизации сообщества «танцующих людей», позволившей оформить, институционализировать различные виды деятельности, необходимые для функционирования современного танца, как любого другого вида искусства. Одной из самых первых и доступных для осуществления «снизу» «институций» современного танца стал фестиваль (и его разновидность – фестиваль-конкурс) как гибкая, мобильная, не слишком формализованная, но в то же время способная обеспечить поддержку становлению и развитию современного танца в России. Во многом благодаря именно активному фестивальному движению (то разгорающемуся, то затихающему), начиная с 1990-х и до сегодняшнего дня, осуществлялись все необходимые для этого виды деятельности. А именно:

- художественное производство (ведь создание художественных произведений стимулируется возможностью быть представленным на фестивале);
- художественное потребление (в отсутствие возможности постоянных выступлений и гастролей, для многих авторов и коллективов фестиваль становится местом презентации и встречи со своим зрителем (потребителем), а также – формирования все более широкой зрительской (потребительской) аудитории);
- коммуникация, информационный обмен и общение между творцами и зрителями, творцами и критиками, творцами и творцами; творцами и театральными продюсерами, менеджерами, спонсорами; творцами и представителями государственных структур управления художественной культурой;
- осмысление, интерпретация происходящих процессов; оформление и уяснение ценностей, критериев, трендов для данного вида искусства, их обновление;
- осуществление преемственности, а значит – дальнейшего развития данного вида искусства в нашей стране.

Сегодня очевидно: процесс институализации отечественного современного танца и танц-театра, т. е. укрепление связей и регуляция отношений всех уровней, приобретение все более устойчивого статуса в структуре художественной культуры, признание современного танца обществом и государством, инициируемое фестивальным движением, хотя и не так быстро, как хотелось бы, но происходит.

Литература

1. Азанова Е. Лариса Барыкина: «Миссия фестиваля – поддержка и продвижение российского современного танца» : интервью с арт-директором международного фестиваля «На грани» // Культура.Екатеринбург.рф : сайт Управления культуры. – 18.12.2017. – URL: <http://культура.екатеринбург.рф/articles/673/i233823/>
2. Еньшин А. Лариса Барыкина: «Современный танец – это современное мышление» // Петербургский театральный журнал. – Интернет-блог. – декабрь 2008 – январь 2009. – URL: <http://ptj.spb.ru/archive/55/music-story-55/larisa-barykina-sovremennyyj-tanec-eto-sovremennoe-myshlenie/>
3. Гост сайта – Екатерина Жаринова : интервью // Муниципальное объединение библиотек г. Екатеринбурга : [сайт]. – 2015. – июнь. – URL: <http://моб.екатеринбург.рф/articles/city/guests/i102784/>.
4. Закс Л. А. Театральный фестиваль как институция художественной культуры: опыт пермского фестиваля «Пространство режиссуры» / Л. А. Закс, Е. В. Малинина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры / Уральский федеральный университет. – Екатеринбург, 2018. – С. 145–158.
5. Каган М. С. Художественная культура как система // Избранные труды : в 7 т. – Т. V. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. – СПб. : Петрополис, 2018. – С. 2–22.
6. Курюмова Н. В. Российский современный танец // Большая Российская энциклопедия : в 35 т. / председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов ; отв. ред. С. Л. Кравец ; Рос. акад. наук. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2005–2017.
7. Курюмова Н. В. Современный танец: от хореографического языка к феноменологии тела и обратно // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 2 (9). – С. 60–66.
8. Кондратенко Ю. А. Язык сценического танца: видовая специфика и морфология : монография / науч. ред. Н. И. Воронина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 136 с.
9. Леман Х.-Т. Постдраматический театр / пер. с нем. Н. Исаева. – М. : ABC-design, 2013. – 311 с.
10. Лошакова Д. Свободное тело : интервью с Екатериной Жариновой // Happy : модный журнал. – 2014. – № 1. – URL : <https://smallformatdance.wordpress.com/2014/01/>

Natalia Valer'yevna Kuryumova,

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Choreographic Art and Artistic Culture, Deputy Dean of Contemporary Dance Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Elena Valer'yevna Korotaeva,

Teacher of the Department of Choreographic Art and Artistic Culture (folk-stage dance) and soloist of the Dance Company «Okoyem», Liberal Arts University – University for Humanities; Director of the All-Russian Choreographic Festival-contest «Kontur» (Ekaterinburg)

Festival of Contemporary Dance as a Way of Existence and Development of Modern Dance in Russia

The article considers the festival of contemporary dance as a type of situational institution, i.e. mechanism and tool of organizational forms of existence, functioning and evolution of this art form in Russia. The relevance of this mechanism is hard to overestimate: contemporary dance (as a type of contemporary art) has not been supported by official structures for a long time. Thanks to the festival movement, contemporary dance took shape in the institutional sphere of artistic culture, in the system combined artistic production, consuming, education and criticism. The article provides a brief history of the festival movement and, as an example, the main festivals of contemporary dance in Ekaterinburg today.

Key words: Russian contemporary dance; institution; festival of contemporary dance; festival movement; children and youth dance-competition, contemporary dance community, corporeal-performative practices; continuity in art.

Подходы и маркеры в поколенческом анализе общества

Данная работа посвящена рассмотрению концепций поколений. Работа ставит своей целью рассмотреть разные подходы к понятию «поколение», выявить маркеры, по которым идентифицируются поколения, а также показать несостоятельность положений классического поколенческого подхода в отношении нового поколения (Поколения Z), выявить основные особенности этого поколения.

Ключевые слова: поколение; концепции поколений; личностные особенности поколения; ценностные установки; мировоззренческая общность установок, сходство образа жизни и устремлений.

Изучение вопроса преемственности и усвоения базовых ценностей поколений актуально во все времена. Однако в определенные периоды истории значимость его возрастает, поскольку важность понимания теории поколений усиливается в кризисные периоды, когда происходят радикальные социальные трансформации и обостряется проблема «отцов и детей». В настоящее время применение поколенческого подхода стимулируется ускорением темпа общественных изменений.

В последние несколько лет с экранов телевизоров, из книг, из многочисленных социальных сетей и вездесущих блогов всё чаще звучит тема «нового поколения – поколения Z». Кто они такие, что любят, как им угодить, как заставить их эффективно работать и так далее. Почему исследованию этого поколения сейчас уделяют так много внимания? Вероятно, главная причина в том, что уже через пару лет «зеты» будут составлять основную часть трудоспособного населения, т. е. рабочую силу, на которую возлагают большие надежды и работодатели, и общественные деятели, и компании, занимающиеся производством и продажей товаров и услуг по всему миру. И без понимания того, какие они – представители нового поколения, – работать с ними будет практически невозможно. Ведущие корпорации мира тратят огромные деньги на исследования этой аудитории, определяя их сильные и слабые стороны, их мотивацию и ценности. И на фоне этого информационного потока кажется, что поколенческий подход – это что-то новое, этаким свежий путь к пониманию вновь возникшего социокультурного типа современного человека.

Следует отметить, что анализ общества сквозь призму поколений имеет давнюю традицию, интерес к этой проблеме можно проследить со времен античности. Первые упоминания о поколении встречаются уже у Геродота. Философы античности рассматривали поколения как некую цепь возрастов, как родословную преемственность. Подобный подход можно найти и в Библии: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» [1]. Преемственность поколений рассматривалась с точки зрения кровного родства, передачи опыта, жизненных ценностей, установок от старших молодым.

Серьезный научный интерес к анализу поколений, проблемам взаимоотношений между ними, а также попытки сформировать полноценную теорию поколений появились в западной литературе во второй половине XIX в (О. Конт, О. Лоренц, Дж. Милль). К этому времени смена поколений стала рассматриваться не просто как смена человеческих особей, имеющих биологическое родство, но и как

---

* Елена Владимировна Шлегель, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

имеющих родство по неким общим признакам. Сама история стала пониматься как смена человеческих поколений.

В самом начале XX века немецкий философ Вильгельм Дильтей рассматривает отдельные аспекты отношения поколений в своей работе «Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах». Он говорит, что корни неосознанных установок сознания лежат в жизненном опыте множества поколений: «И что бы ни предпринимало философское мышление, как бы оно ни старалось отвлечься от тех или других отдельных факторов или отношений между ними, они все же остаются определяющими предпосылками самой жизни, не разрушимые как сама жизнь и не доступные изменению со стороны мышления, так как корни их заложены в жизненном опыте бесчисленного множества поколений» [2, с. 216]. По его мнению, впечатления юности прививают большому числу сверстников, на которых влияние оказывало старшее поколение, сходные философские, социальные и культурные представления о жизни. Особо Дильтей отмечал, что представители одного поколения не просто “механически сосуществуют”, а переживают с детства схожие события, испытывают на себе одинаковое воздействие экономических, общественных и политических течений, т. е. живут в похожих условиях, близких реалиях.

Много писал о поколениях социолог и философ Карл Мангейм. В статье «Проблема поколений», опубликованной в 1928 году, он дает анализ сформировавшихся к тому моменту двух подходов к изучению проблемы поколений: романтико-исторического и позитивистского. Мангейм прежде всего интересуется тем, как именно формируется единство поколения, а также говорит о специфике отношений между представителями одного поколения. Ученый вводит понятие «социальное местоположение». По Мангейму, местоположение поколения напоминает принадлежность большой социальной группы к определенному классу, но, в отличие от классового деления, люди, входящие в одно поколение, объединены не по доходам и объему власти, а по возрасту в историческом времени и историческим прогрессом, сходным мироощущением, социальным опытом [3, с. 20].

Значительный вклад в формирование теории поколений внес философ Хосе Ортега-и-Гассет. Здесь можно упомянуть две его основные работы – «Вокруг Галилея» и «Восстание масс». В них он объясняет, как социальный и исторический опыт старших поколений повлиял на представителей поколений младших. В работе «Вокруг Галилея» несколько лекций посвящено проблемам поколений, автор рассматривает влияние смены поколений на историческое развитие общества, выделяет поколенческие признаки: «Понятие поколения изначально объединяет два признака: единство возраста и наличие жизненных контактов» [4]. В своих работах философ сравнивает поколение с караваном, где человек находится в положении пленника своего поколения-каравана, с которым ему довелось идти: «Как-то я сравнил поколение с “караваном”, в котором человеку отведена роль пленника и вместе с тем тайного добровольца, счастливого собственной участью. Он шествует в этом караване, преданный поэтам-сверстникам, типу женщины, царившему во времена юности, и даже особой походке, принятой тогда среди двадцатипятилетних. Порою мимо проходит иной караван, чуждый ему и непохожий на него внешне, – это другое поколение. Быть может, праздник и перемешает их всех, но в повседневном существовании они, даже сойдясь, четко разделены на две несопадающие группы. Каким-то странным образом каждый индивид всегда распознает членов своего сообщества, подобно тому как муравьи по запаху различают собратьев» [5].

Ортега-и-Гассет заявляет, что деление жизни человека по интервалам в тридцать лет (кои были во многих работах его времени) не совсем точно. Он утверждает, что людей от 30 до 60 лет неверно считать одним поколением. Необходимо

сократить интервал до 15 лет. Люди от тридцати до сорока пяти лет и от сорока пяти до шестидесяти лет – это два разных поколения, у каждого из которых свои уникальные задачи и взгляды на мир. Люди в возрасте от тридцати до сорока пяти энергично строят свою жизнь, занимаются карьерой, стараются найти свое место в жизненной иерархии; в то время как период от сорока пяти до шестидесяти лет – это время, когда человек уже достиг вершины своего развития и положения в социуме. Как раз между двумя этими поколениями чаще всего и возникают борьба и конфликт. Принимая во внимание эти данные, философ выделяет пять поколений по пятнадцать лет каждое: «Итак, с важной для истории точки зрения человеческая жизнь делится на пять возрастов, каждый продолжительностью по пятнадцать лет: детство, юность, вступление в жизнь, господство в ней и старость» [5, с. 281].

Однако наиболее глубокую детализацию теория поколений приобрела в последней декаде прошлого века усилиями Нила Хоува и Уильяма Штрауса. В 1991 г. они опубликовали работу «Поколения. История Американского будущего. 1584–2069». В этой книге они дают определение поколению как совокупности всех людей, рожденных в определенный промежуток времени (в работах данных авторов этот промежуток составляет 20 лет) или проживающих в один исторический период как минимум одну фазу жизни, – детство, молодость, средний возраст или старость, – которая соответствует трем критериям: возрастному положению в истории, т. е. переживанию тех же основных исторических событий в приблизительно одинаковом возрасте, единым верованиям и моделям поведения, а также ощущению причастности к данному поколению [6].

Ученые обозначили периоды становления поколений примерно в двадцать лет, ссылаясь на мнения психологов о том, что основные ценности и поведенческие устои формируются у человека до двенадцати – четырнадцати лет. По мнению авторов, еще до того момента, когда ребенок начинает понимать, что такое хорошо, а что такое плохо, до того, как начинает мыслить категориями «правильно» и «неправильно», – у него уже полным ходом идет формирование поколенческих ценностей. Индивид просто находится в этих условиях и впитывает реалии окружающей среды, а уже затем накопленная база начинает формировать личность. Авторы теории проанализировали всю историю США и обнаружили определенные периоды, когда большинство людей обладает сходными ценностями. На историческом материале США Хоув и Штраус выделили пять поколений [7]:

1. 1900–1923 гг. «Поколение победителей». Большинство представителей этого поколения принимало участие во Второй мировой войне, отсюда и название.

2. 1923–1943 гг. «Молчаливое поколение». Наибольшее влияние на это поколение оказали: Великая депрессия, Вторая мировая война, мировой экономический кризис, противостояние Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

3. 1943–1963 гг. «Бебибумеры» – поколение, рожденное в послевоенный период. Их ценности формировались после окончания Второй мировой войны, в период «Холодной войны», расцвета рок-музыки и сексуальной революции.

4. 1963–1984 гг. «Поколение X». Период формирования их поколенческих ценностей пришелся на годы «холодной войны», войны во Вьетнаме, включал также распространение наркотиков, расцвет новых музыкальных групп и направлений.

5. 1984–2000 гг. «Поколение Y». Основное влияние на это поколение оказали глобализация, окончание «холодной войны», экономический кризис, экологические катастрофы, развитие цифровых технологий, мобильные телефоны и Интернет.

Центральное место в теории поколений Хоува и Штрауса занимает идея смены двух противоположных периодов: кризиса и подъема. Время кризисов ознаменовано крупными потрясениями, подъемы характеризуются культурным и рели-

гиозным обновлением. Штраус и Хоув выводят закономерность в смене поколений, коренящуюся в чередовании кризисов и подъемов. Поколения, взрослеющие во время кризиса и подъема, непосредственно впитывают уроки эпохи, которые впоследствии сказываются на их отношении к происходящему и поведении в дальнейшей жизни. Штраус и Хоув называют такие поколения доминантными. Поколения, которые переживают кризис или подъем будучи детьми, принимают на себя зависимую роль, что формирует их восприятие и поведение совершенно иначе. Такие поколения они назвали рецессивными. Штраус и Хоув выделяют четыре архетипа и характеризуют их как «идеалистов», «реагирующих», «гражданских» и «приспосабливающихся». В своей книге «Четвертый поворот» они обновили терминологию, назвав их пророками, кочевниками, героями и художниками [8, с. 290].

Работы Хоува и Штрауса по теории поколений до сих пор авторитетны в своей сфере.

Что касается советской и российской научной литературы, то нельзя не упомянуть, что у нас проблемой поколений занимались такие видные ученые, как И. С. Кон, В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, И. М. Ильинский, В. И. Воловик, И. В. Суханов, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада, Т. Шанин. Интересный подход к российским поколениям XX века описан в книге Петра Вайля и Александра Гениса «60-е. Мир советского человека». В работах отечественных исследователей, несомненно, есть положения, совпадающие с западными теориями, но есть и отдельные аспекты, которые приложимы в основном к российской действительности.

Итак, о теории поколений за последние два века было написано множество работ – казалось бы, никаких проблем в определении и понимании нового поколения быть не должно. Так почему же всё-таки именно «Поколение Z» стало для общества загадкой? Почему всё чаще даже из уст вполне благополучных и мудрых родителей можно услышать: «Я не понимаю своего ребенка, не могу найти с ним общий язык»? Причин, по которым поколенческий подход дает сбои, несколько.

Во-первых, мы стремимся понять, познать это новое поколение, выявить их ценности и основные черты здесь и сейчас, не имея возможности взглянуть на них с определенной временной дистанции; данных для анализа, для осмысления категорически не хватает. Если сравнить поколение с домом (у которого есть фундамент, стены, постепенно появляющиеся надстройки и т. д.), то мы еще не можем посмотреть на него с высоты, оценить его фасад, внутреннее убранство, то, как он вписался в общую архитектуру среди уже имеющихся домов, – на этом здании еще находятся «строительные леса». А то, что мы видим сквозь них, не дает нам полной картины.

Во-вторых, современное общество характеризуется гетерогенностью, сама поколенческая структура претерпела существенные изменения: по мнению социолога О. И. Власовой, произошло увеличение количества поколенческих групп, изменился характер взаимодействия между ними. Рост продолжительности жизни, увеличение периода трудовой активности социальных групп повлекли изменение числа поколений, одновременно сосуществующих и взаимодействующих в рамках социума. Это оказывает существенное влияние на взаимоотношения между поколенческими группами, а вследствие коренных отличий и увеличивающихся «разрывов» между ними ведет к обострению конфликтов между сосуществующими поколениями [9, с. 4].

В-третьих, современное общество стало невероятно мобильным, темп общественных изменений давно перешел с привычной пятой передачи на передачу хорошего болида, стремящегося выиграть Гран-при. Новизна, грандиозность и динамичность происходящих в обществе процессов, в том числе привели к тому, что

поколенческий цикл начал сокращаться. Если раньше говорили о цикле в 20 лет, затем в 15, то сейчас исследователи склоняются к цифре еще меньшей.

Мы говорим о том, что ключевыми понятиями, характеризующими поколение, являются ценности и особенности социализации в конкретный исторический период. Ценности у каждого поколения свои, это не вызывает сомнений, и изменения этих ценностей от поколения к поколению вполне закономерно и логично. Но вот способ трансляции этих ценностей за последние десятилетия, несомненно, претерпел изменения. Кто был транслятором основных ценностей для старших поколений? Семья, школа и, если позволите, книги. Давайте взглянем на современную реальность. Основную функцию транслятора ценностей сейчас играют не социальные институты, а сфера медиа. Большую часть своей жизни «дети цифры» проводят в Интернете и социальных сетях. Попробуйте предложить школьнику или студенту любого вуза на три дня отказаться от Всемирной паутины, пообещайте за это зачет «автоматом» или любую другую награду. Скорее всего, не выйдет. Начнется «онлайн-ломка», ведь виртуальная коммуникация уже начала преобладать над коммуникацией реальной, основную массу информации молодежь потребляет в Сети. А это, в том числе, отражается на общении с родителями: коммуникативная дистанция между поколениями увеличивается, и цепочка передачи опыта прерывается. Вместо отцовского одобрительного похлопывания по плечу теперь лайки, вместо душевных разговоров и историй от бабушки, несущих в себе подтекст и мораль, – чаты и видеоблоги. Сейчас родители всё меньше играют роль авторитета для своих детей, всезнающим авторитетом для них давно стал Интернет. Коммуникация «человек – человек» уходит в прошлое, уступая место связке «человек – гаджет». И хорошо, если за этим гаджетом тоже стоит другой человек.

Итак, в современном обществе формируют представления об окружающем уже не родители и не хорошие книжки, а медиа. Мы находимся в среде, в которой миллионы устройств ежесекундно фиксируют, передают, производят, генерируют и выдают «в эфир» огромные массивы информации. Информация становится мобильной. Каналов передачи информации невероятно много, молодые люди готовы ее воспринимать 24 часа в сутки и 7 дней в неделю. Массмедиа утверждают в качестве того социального института, который теперь распространяет знания в самом широком смысле этого слова. Никакие средства общения в прошлом ни по оперативности сообщений, ни по широте охвата, ни по скорости распространения не могут идти в сравнение с современными медиа. Кроме того, сейчас каждый пользователь может сам стать создателем медиаконтента. Исследователь Кирилл Мартынов в своей работе «Век писателей: текст и письмо в новых медиа» весьма точно замечает: «Главная революция состоит в том, что мы теперь не только читатели, но и авторы текстов (а также, во вторую очередь, фотографий, фильмов и подкастов). Мы не только знакомимся с публикациями авторов, но и ежедневно сами публикуем информацию» [10, с. 4].

Именно поэтому «зеты», чьим ключевым маркером является взросление в условиях цифровизации и возрастающей гетерогенности общества, становятся особым объектом исследования в рамках теории поколений. Какие же они, эти «зеты»? И как их понять, изучить?

Термин «Generation Z (Поколение Z)» впервые был предложен в 2012 году в журнале «USA Today», а широкое распространение получил после публикации результатов первого масштабного исследования этого поколения, осуществленного рекламным агентством Sparksand Honey в 2014 году. В зарубежных исследованиях существуют разные оценки возрастных границ «Поколения Z». Одни исследователи относят к поколению Z молодых людей, родившихся в период с 1995–1996 годов и до 2004–2010 годов, другие называют более поздние даты – с 1997-го

по 2014–2015 год. В России работа по адаптации теории поколений к российским условиям ведется под руководством Евгении Шамис, большую часть работ можно найти на портале «Российская школа теории поколений» rugenations.su. Согласно адаптированной теории, «Зеты» в России – это дети, рожденные начиная с 2000 года. У этого поколения очень много названий – Поколение Z (Generation Z), Поколение MeMeMe (Generation MeMeMe), Net Generation, Internet Generation, Generation M (от слова «многозадачность»), Homeland Generation, Generation 9/11 (отсылка к террористической атаке 11 сентября 2001 года как поворотному событию в жизни этого поколения), Цифровые аборигены, Поколение большого пальца и т. д.

Российский исследователь А. В. Сапа называет представителей нового поколения «детьми мультимедийных технологий»: «Это поколение, родившееся в информационном обществе <...>. Они более зависимы от цифровых технологий <...>. Они нетерпеливы и сосредоточены в основном на краткосрочных целях, при этом они менее амбициозны, чем дети из предыдущих поколений. Они более ориентированы на потребление и более индивидуалистичны. “Зеты” не склонны становиться частью определенных групп – они настаивают на собственном праве принимать решения... Развитие цифровых технологий сделало их поколением, выросшим в цифровой среде, – почти всю информацию они получают из Сети» [11, с. 7]. Прежде всего, представителей нового поколения отличает максимальная приближенность к информации, с которой они умеют филигранно работать, цифровизация у них в крови. Дети сейчас фактически рождаются с мобильным телефоном в руках, а вместо погремушки и веселой карусельки над колыбелькой у них планшеты и компьютеры, на которых не умеющие читать малыши легко находят нужные мультики и веселые картинки. Сапа также пишет, что образ мыслей «зетов» отличается фрагментарностью, а в некоторых вопросах поверхностностью. То есть можно говорить о «клиповости» мышления – иначе «зетам» будет крайне тяжело ориентироваться в огромном потоке информации, который выливается на них каждую секунду, фильтровать ее и выбирать то, что действительно важно и интересно только им.

Специалисты отмечают целый ряд особенностей представителей «цифрового поколения» России: как уже было упомянуто выше, это «проживание в онлайн»; более высокая (по сравнению с предыдущими поколениями) скорость восприятия информации (каждый день «зеты» просматривают множество экранов и делают это практически не прерываясь: в транспорте, на учебе, за едой – в руках всегда гаджеты); вследствие постоянного пребывания в социальных сетях у них развивается настоящая зависимость от общественного мнения, от мнения интернет-сообщества – теперь степень твоей «крутости» во многом определяют лайки, комментарии и количество подписчиков; ориентация на потребление – их жизнь наполнена рекламой и возможностью выбора самых разнообразных товаров и услуг и т. д. И это только вершина айсберга, увидеть весь скрытый массив которого еще только предстоит. А чтобы понять это новое поколение, нужно, прежде всего, решить главную проблему, которая стоит на пути: необходимо найти способы налаживания полноценной двусторонней коммуникации молодежи с другими поколениями. Возможно, нам всем для этого придется перейти в онлайн. Одна старая поговорка учит нас: «Чтобы понять человека, нужно войти в его ботинки и пройти хотя бы милю». А если учесть, что с точки зрения развития общества результаты исследований поколений невероятно важны для формирования стратегии развития этого общества и взвешенной социально-ориентированной государственной политики, то пора потихонечку разуваться.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – URL: <http://prayerssaints.ru/?id=bibliya/mf>
2. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век : антология. – М. : Юрист, 1995.
3. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30).
4. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_gal/index.php
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды : пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Весь Мир, 1997.
6. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York : William Morrow & Company, 1991. – URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n3>
7. RuGenerations – Российская школа теории поколений : портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://rugenations.su>
8. Исаева М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3.
9. Власова О. И. Молодежные поколенческие группы современной России: ориентации на рабочие профессии : монография / О. И. Власова, Н. Б. Костина. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015.
10. Мартынов К. К. Век писателей: текст и письмо в новых медиа // Логос : фило-софско-литературный журнал. – 2015. – № 2 (104).
11. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2014. – № 2.

Elena Vladimirovna Shlegel,

Postgraduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

Approaches and Markers in the Generational Analysis of Society

This article is devoted to the theory of generations. The paper presents different views of scientists who worked on the generational approach. The work aims to consider different approaches to the concept of "generation", as well as raises the problem of certain inconsistency of the provisions of the classical generational approach to the new generation (Generation Z).

Key words: generation; concepts of generations; personal features of generation; value installations.

Проблематизация синтеза религии, наук и философии в оптике неклассической рациональности дара

В статье осмысливается имплицитный исток синтетической парадигмы науки, философии и религиоведения. Показывается специфика концептуализации гносеологии религии на пути тематизации феномена дара в эмпирической перспективе аристотелевского гнозиса. Проблематизируется влияние «Метафизики» Аристотеля на построение философских онтологий неклассического типа. Раскрывается связь аристотелевской *empeiria* со спиритуальной компонентой онтологии *presens* М. Хайдеггера и грамматиологии *difference* Ж. Деррида.

Ключевые слова: дар; логос; герметизм; эмпиризм; гуманизм; объективизм; соотношение мышления и языка; онтология присутствия; грамматология различия.

Главной трудностью концептуального воплощения идеи синтетической парадигмы науки, философии и религиоведения видится вопрос о том, как понимать гносеологию религии: либо на основе обращения к христианскому опыту средневековой культуры и к особенностям мистического способа познания, либо в рациональном ключе «Критики чистого разума» И. Канта. Например, Н. А. Бердяев придерживался позиции мистического реализма, согласно которой познание и мира, и смысла жизни (самопознание) по самой своей сути религиозно. Приоритетными при этом полагаются мистический опыт и критика тех, кто выстраивает гносеологию религии на понятийной основе материалистически ориентированной науки. Существует ли иной подход к Бого-познанию (понятийно невыразимый, имманентный не только средневековой культуре, но и античной), позволяющий выделить третий вариант концептуализации идеи синтетической парадигмы?

Подчеркнем: проблема рационального синтеза религии, наук и философии не нова, ее признаки прослеживаются на раннем этапе становления эпохи Нового времени. Считается, что культурный проект модерна не сразу оформился как сциентоцентристский в ходе европейской истории XVII–XVIII вв. Согласно В. П. Визгину, в XVII в. его во многом определяла спиритуально-холистическая компонента, неявно присутствующая на периферии научного и философского дискурсов [4, с. 176–201]. Это обращало последние к метафизическому истоку знания, ответственному за интеграцию различных подразделений культуры. Более того: лидерство в проекте будущей культуры модерна механистическая наука утверждала в соперничестве с герметической традицией уходящего Ренессанса. Поэтому дискутировался вопрос о рационально-сциентистском или герметико-универсалистском фундаменте возведения этого проекта. Возможность сочетания разнообразных культурных и политических феноменов открывалась лишь при опоре на традиции герметизма и раннехристианского учения, а не на сциентизм (с его одержимостью идеей механической дифференциации культурных форм). Примечательно, что универсалистские проекты модерна (от Ф. Бэкона и до Г. Лейбница) создавались под воздействием философского учения розенкрейцеров. Его адепты исподволь подготавливали почву для осуществления рационального синтеза религии, наук и философии. Продвижению в этом направлении препятствовал развивающийся научный классицизм, в связи с чем розенкрейцеровский проект модерна в его эпи-

* Ирина Андреевна Оглоблина, старший преподаватель кафедры социальной философии департамента философии УГИ Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

стему не вошел. В итоге имплицитная составляющая универсалистской культурной синтетики воплотилась в романтическом движении Гёте и Шеллинга, но вновь была изгнана из европейского научного антропоцентризма. В ситуации постмодерна также сохраняется функция эзотеризма. Ее роль – подобно «катализатору», служить проводником новых синтезов и перемен. Но теперь андеграундная традиция воздействует на созерцательную сторону науки, а не на практически-утилитарную. В этом усматривается тенденция, обратная модернистской, а именно: к сближению религии, науки и философии в широчайшем контексте западных и восточных духовных учений.

Уточним: рационально-сциентистский вариант синтетической парадигмы оформляется в рамках классического (кантовско-гегелевского) варианта метафизики, восходящего к философии не столько Декарта, сколько Аристотеля. Задумаемся: почему с конца XII века интерес к сочинениям Аристотеля возрос настолько, что его труды, включая «Метафизику», стали переводиться на латынь с арабского и непосредственно с греческого? Не потому ли, что аристотелевская «Метафизика» содержит в себе исток интересующего нас имплицитного подхода к Бого-познанию, позволяющий выделить третий вариант концептуализации идеи синтетической парадигмы? В таком случае имеет смысл принять во внимание точку зрения В. П. Визгина и попытаться обнаружить в современных версиях неклассической философии следы влияния «Метафизики» Аристотеля, альтернативные рационально-сциентистским.

1. О загадочности *empeiria* «Метафизики» Аристотеля

Осмывая влияние «Метафизики» Аристотеля на неклассическую философию М. Хайдеггера и Ж. Деррида, поставим вопрос: существует ли нечто неучтенное в аристотелевской «Метафизике», на века предопределившее неявное присутствие спиритуально-холистической компоненты на периферии научного и философского дискурсов? Выдвинем гипотезу: историко-философская мысль игнорирует прослеживающуюся в «Метафизике» склонность Аристотеля рассматривать эмпирическое в призме некоего искусства, граничащего с темой дара в онтологии высшей и первой причины (первой философии), восходящей к потусторонней реальности божественного [3, 981a].

Подчеркнем: именно «эмпирическое» опосредует онтологически значимое соответствие мышления и языка, сформулированное Аристотелем: «Не сводя, конечно, мышление к языку... Аристотель попытался довести свой анализ до исходного пункта, т. е. до общего корня пары язык/мышление. Это место – место “бытия”. Категории Аристотеля являются одновременно категориями языка и мышления – языка, поскольку определены как ответ на вопрос, как сказывается ... бытие... как высказывается то, что есть, как оно есть и поскольку оно есть. <...> Аристотель... не допускает различия между языком и мышлением» [12, с. 214]. И далее: «Аристотель следует за логической аргументацией, которая в то же время обладает онтологическим значением. <...> Действительно ли философия заимствует у языка некий инструмент, значение которого... было бы признано мышлением?» [12, с. 226]. Ответ, в свою очередь, требует понимания: «Категория – это один из способов “бытия” высказывать себя и себя обозначать, т. е. открывать язык его внешнему, тому, что есть. <...> “Бытие” как раз дается в языке как то, что открывается его не-языку, по ту сторону того, что было бы только внутри («субъективное», «эмпирическое» в анахроническом значении этих слов) определенного языка» [12, с. 214]. Иначе говоря, некое анахроническое эмпирическое столь значимо, что «противопоставление эмпирического и теоретического (априорного, научного, объективного, систематического и т. д.) так или иначе покрывает всю метафизику Аристотеля. Даже если такое понятие не привязано раз и навсегда к некоему истоку, невозможно понять историю его мутаций и измене-

ний, не принимая в расчет общий код метафизики, а в нем – решающую мету аристотелизма. Хайдеггер во «Времени картины мира» (1938) отмечает, что «именно Аристотель первым понял то, что означает *empeiria*» [12, с. 226]. Рискнем утверждать: *empeiria* есть искусство. В силу своей недискурсивности, оно не оформляется категориально, и в этом смысле безопорно: «В конечном счете значение эмпиричности всегда могло соотноситься только с изменчивостью чувственных и индивидуальных данных, а при расширении этого представления – с любой пассивностью или активностью без понятия, например, если процитировать Лейбница, с “простой практикой без теории”» [12, с. 225]. Принцип же соответствия мышления и языка (выдвинутый Аристотелем применительно к «говорению», «к способам сказать сущее») основан на переносе практики в теорию. Именно этот факт является для построения «Грамматологии» (и для самого Деррида) решающим: «Но если кто-то когда-то и мог допускать, что в практике языка имеется чистая эмпиричность, то это могло относиться, строго говоря, только к чувственному и уникальному событию материального (фонического или графического) означающего – если только предполагать, что такое чистое, неповторяемое событие, уклоняющееся от любой формальной всеобщности, когда-либо вмешивается в лингвистическую или семиотическую практику. <...> И наконец, в какой системе, в каком именно историческом контексте мы можем понять и принять само значение эмпиричности, прежде чем предполагать эмпиричность значения?» [12, с. 225–226].

В чем же суть *empeiria* как искусства? Очевидно, все дело в смысло-жизненной перспективе, намеченной Аристотелем в качестве эволюционного ориентира исторического развития человечества. Основополагающее здесь – тайна человеческого ума. Аристотель, как известно, наряду с человеческим умом выделял Нус (божественный ум), предполагая при этом эволюционное восхождение человеческого ума «по лестнице природных форм» (из возможности в действительность) до качества Нуса, к Благу [13, с. 156], вместить которое способна лишь родовая форма сознания человека (т. е. родовой человек, каковым в эволюционной эсхатологии Аристотеля становится каждый совершивший восхождение индивид). Данное теоретическое положение подкрепляется эмпирически, поскольку восходит к практике искусства, опирающегося на добродетель, арете (этическую и дианоэтическую). Искусство – дар соотносимости (соответствия и соразмерности) чувственного и рационального, следовательно – дар целостности Логоса, единства его структуры, ее неразделимости на внутреннее и внешнее.

Из этого следует (не только логически, но и эмпирически), что внешняя активность в познании мира расширяет свои границы в ходе продвижения мыслителя по пути внутреннего самопознания, раскрытия в себе самом мира, но не спекулятивно, а с помощью искусства. То есть по мере все более глубокого вовлечения в эксперимент по преобразению и возрождению своего человеческого естества в процессе восхождения к Нусу-перводвигателю по ступеням эволюционной лестницы природных форм сознания. На этом пути «перводвигатель как “чистый акт”... является чистым присутствием. Как таковой, он оживляет все движение посредством внушаемого им желания. Он есть благо и высший объект желания. Желание – это желание присутствия» [12, с. 76–77]. В ходе своей эволюции человеческий ум отличается все более полным осознанием внутреннего и окружающего мира (следовательно, этот путь предполагает восхождение по лестнице природных форм самого мира). Внутренняя эволюция сознания реализует себя вовне, через возрастающую способность понимать суть мира, его связи и взаимозависимости, разнообразие и множественность форм разноплановой жизни. Преображение внутреннего мира проявляет себя как преобразование мира внешнего.

Данная схема человеческой эволюции, при ее несомненных ограничениях, может помочь осознать альтернативные перспективы развития современного человечества. При одном условии: если будет разгадан ребус «эмпирического», опосредующий связь мышления и языка. Выясним, каким образом картезианский разрыв мышления и языка повлиял, во-первых, на творчество М. Хайдеггера, задумавшего развернуть онтологию к гуманизму со стороны не аксиологической, а практической, соотносимой с аристотелевским пониманием *empeiria*. Во-вторых – на творчество Ж. Деррида, осуществившего семиотическую ревизию высказываний о бытии на языке не только понятий, но и естественной речи.

2. О влиянии *empeiria* на М. Хайдеггера и Ж. Деррида

Картезианский дуализм, расколовший бытие на «внутри» и «снаружи», побудил М. Хайдеггера переосмыслить древнегреческое значение этоса (местопребывание вблизи Бога, которое хранит явление того, чему человек принадлежит в своем существе) [21, с. 215] и сформулировать свое отношение к классической метафизике. Она была определена им как метафизика присутствия в репрезентации, с сопутствующим ей эффектом «забвения бытия», смещающим смыслы существования человека в мире. Эта метафизика, по Хайдеггеру, размышляет о бытии, исходя из сущего, чья наличность количественно вычисляема. Следовательно, классическая метафизика характеризуется рациональностью (вынужденностью, принудительностью), расколдовавшей мир, подменившей таинство бытия овеществленной товарно-денежной предметностью «превращенных форм», понятийных обозначений, ценностных формулировок. В таком случае предмет размышлений («бытие-в-мире») замещается имеющимся в головах представлением об этом предмете. В данной связи онтологию классической метафизики, предписывающую рассуждать о бытии, равно как и о Боге, на языке понятий (оформляющих также и церковные догматы), Хайдеггер предпочитал называть онтоотеологией. Предел метафизике забвения, согласно Хайдеггеру, полагает постановка вопроса о бытии как таковом (а не о бытии сущего), а также различие бытия и сущего (онтико-онтологическое различие). Преодоление же последнего требует постановки проблемы человека в онтологической перспективе дара.

Поэтому в «Письме о гуманизме» М. Хайдеггер настаивает: идея человека может быть выражена иначе, не только через ценности, но и более сложным образом. Гуманизм есть бытие, которое дарит себя, поддерживая в человеке человечность [21, с. 204]. Обосновывая свою позицию, Хайдеггер различает два типа мышления (калькулирующее и осмысляющее) [21, с. 104] и подвергает критике метафизический аспект классической философской традиции. Вслед за Ницше, он признает «смерть» метафизики, закованной в понятийный, формально-логический язык. Согласно Хайдеггеру, последний становится все более родственным калькулирующему мышлению, направляющему развитие естественных наук. Прежде всего – в силу его технологизации, процедурного совершенствования, превращения во все более изощренный инструмент рациональной аргументации разнообразных целей и путей их достижения (оставляющих место для вынесения нравственных оценок самого широкого спектра). Именно это и не устраивает М. Хайдеггера, пытавшегося указать человечеству подлинное направление эволюционного развития. Выполнение данной миссии сопровождается преодолением концептуальных границ теоретизма (объективизма), выходом за пределы классической формы рациональности и, в конечном итоге, выходом за наличные границы сущего бытия. Хайдеггер обосновывает возможность такого выхода на пути проблематизации отношений времени и бытия, а в пределе – способа бытия человека-в-мире [18]. По сути, он вознамерился преодолеть картезианский разрыв мышления и языка, сопряженный с началом бурного роста естественных наук и техники, а

также с ограничениями рационалистической концептуализации духовного изменения философских текстов.

Основанием последней Ж. Деррида полагает порабощение стихии Логоса контролем структуры «внутри-снаружи», «внутреннее-внешнее» [10, с. 112]. Следствием этого стала подчиненность процесса выведения умозаключений понятию, генерализирующему смысл любого высказывания. Таковым изначально предстает понятие «идеал», аккумулирующее в себе обобщающий смысл идеального представления о содержании того или иного предмета философского размышления. Подчеркнем: мышление «от идеала», неразрывное с ценностными убеждениями и нормативными установками морального сознания (как правило, умозрительными, не укорененными в опыте, не опирающимися на эмпирию какой-либо духовной практики), отличается декларативностью. В наши дни привычка мыслить «от идеала» обнажила болезненность психических реакций человеческого сознания в отношении мировоззренческих вопросов, идеалов и ценностей. В условиях текущего кризиса западноевропейской цивилизации фундаментальной особенностью морального сознания является эффект, который можно возвести к кантовскому понятию антиномии. Это такое состояние человеческой мысли, теории, когда заранее предполагается, что одно утверждение (тезис) будет обязательно порождать другое (антитезис). Синтез не предполагается. В особенности остро современным обществом переживается антиномия светского и конфессионального, свойственная гуманистической концепции человека. Причина тому – противоречивость выработанного в эпоху Ренессанса идеала человека как нетварного творца, секуляризованного, обособленного, единичного, земного, отчужденного от вертикали своего небесного измерения (не только внутренне, но теперь уже и внешне).

М. Хайдеггер, как уже было сказано, отказался от традиционного аксиологического подхода к проблеме гуманизма. Он решает ее онтологически, сначала проблематизируя способ, которым бытие как таковое дается как данность, откуда вещи рождаются и рожают мир. Бытие как таковое дается способом дара, понимаемым как уникальное и сингулярное событие (событие всех событий), которое предшествует действию и причине, будучи происхождением (тем, что случается). Дар – способ, которым бытие дается как событие, первично обнаруживающее бытие изначально, вторично – сущее бытие. Человек обретает новый, исторический, способ существования в мире: способ дара события. На этом пути – выход из эмпирической дуальности и преодоление онтико-онтологического различия. Во временном просвете, где бытие человеческое и космическое воссоединяются в событие и где человеку оставлено место «собственного» (как событие со-бытия): «Дар присутствия – это собственное присваивания. Бытие исчезает в событии-присваивании. В свою очередь, наоборот, “бытие как событие” теперь подразумевает... позволение присутствовать» [19, с. 98]. Освояющее присваивание, в котором даны бытие и время, высваивает человека как того, кто воспринимает бытие, стоя внутри подлинного времени, приводит человека к его собственному. «Таким образом высвоенный и присвоенный событием и входит человек в его принадлежность. Эта принадлежность покоится в отличающем событие присвоении – затребовании в свою собственность. Посредством его человек впускается в событие» [19, с. 99]. Формулирование Хайдеггером концепта *dasein* (а с ним и способа существования, проявляющего себя как дар размышления в сказании и сказывании), прочтение онтологического как этического (и не только это) аннулируют картезианский разрыв мышления и языка. Императив «быть вновь, но по-иному», требует внеположности философского языка, открытия его иного измерения за рамками классической формы рациональности греко-западного Логоса. Следовательно – за рамками апории, антиномии и понятийной укорененности актов арти-

куляции мышления о бытии. Поэтому установка «вновь, но по-иному» находит свое отражение в графическом знаке, налагаемом на обозначающую бытие глагол-связку «быть» (в третьем лице, единственном числе неопределенной формы глагола). Каково предназначение данной графемы?

Ж. Деррида усматривает этот знак у М. Хайдеггера, различая за ним «вопрос о том, что создает нашу историю, порождает саму трансцендентальность. Хайдеггер напоминает нам об этом, когда... он, по той же самой причине, пишет слово “бытие”, перечеркивая его крестом <...>. Это не “чисто отрицательный знак”... это последняя возможность письма некоей эпохи. Вычеркнутое трансцендентальное означаемое в его наличии стирается, оставаясь доступным прочтению, разрушается, выявляя само понятие знака» [8, с. 140]. На первый взгляд этот знак (перечеркнутое крестом слово «есть») помогает Хайдеггеру выразить артикуляцию языка бытия поверх разговорной речи, т. е. сам сказ, сказывание в апофатическом молчании. Последнее же возвращает Логосу архаичную целостную структуру, вне различия в ней внешнего и внутреннего. Горизонт ее эмпирической возможности содержит указание на действенность изменения способа человеческой экзистенции.

Н. Автономова, анализируя контексты употребления данного знака самим Деррида, выделяет следующий смысл: «Приостановки действия, перечеркивания всех традиционных понятий (слова “перечеркивание” или “похеривание” – наложение буквы “X” при гашении марки – следует понимать буквально: слово не вымарано, его можно прочесть под перечеркивающим его знаком)» [1, с. 19]. Е. Гурко в данной связи полагает, что для Деррида велика роль «понимания именования одновременно как крещения и поношения» [5, с. 382].

Деррида, перенявшего у Хайдеггера эту графему, также интересуется картезианский разрыв мышления и языка, но по другой, нежели у Хайдеггера, причине. Его интересует не ментальные (осмысляющие или калькулирующие) трансформации логоса, а чувственные. Деррида возмущает изгнание из философской метафизики любых проявлений чувственно-эмоционального познания. Картезианский разрыв, положенный в основание «внешне-внутренней» структуры логоса, Деррида полагает базисным для образования классической формы рациональности и свойственного ей рафинированного бесчувственного теоретизма (объективизма). Господство последнего он называет «насилием света», своеобразным проклятием европейской философской мысли, историческое становление которой обусловлено метафорой света, ключевой для греко-западного логоса со времен Платона. «Мудрость никогда не прибегает к насилию: там, где правит мудрость, не существует конфликта между мышлением и чувством» [25, с. 332].

Получается, что Ж. Деррида отказывает западной философии в мудрости. И для него очень значима осуществленная Э. Левинасом критика гуссерлевской феноменологии: «Вслед за Платоном феноменология, более чем любая другая философия, должна была быть поражена светом» [10, с. 107]. Иначе бы не создавалось впечатление, что Гуссерль (вслед за Декартом) пытается описать путь достижения европейским ученым состояния «просветленного сознания», погруженного в чувства настолько чистые, что обретается способность «видеть» суть вещей, и в логические рассуждения привносится ясность о том, что же на самом деле происходит с теми или иными феноменами действительности. Поэтому «пути Левинаса определены из трудных: отвергая идеализм и любую связанную с субъективностью философию, он должен также выступить и против “Логоса, который никому не служит глаголом”» [10, с. 124]. Как и Левинас, Деррида не склонен доверять гуссерлевскому учению и методу, с его телеологией разума, восходящей к декартовской идее интуитивного интеллекта и рациональной достоверности, пораженных греческой метафорой света. Несомненно, Э. Гуссерль придерживался прима-

та теоретического сознания над бытием объекта, по отношению к которому переживается акт оценки. В рамках этого переживания объект обретает статус аксиологически значимого. Поэтому доступ к тому, что составляет бытие объекта, локализуется в рамках теоретического сознания. Для Ж. Деррида это неочевидно, так как гуссерлевский анализ восприятия музыкального произведения предполагает наличие такого специфического трансцендентального провозатого, как восприятие протяженной вещи (тем самым предполагается уникальный статус нетеоретического сознания). Здравый смысл подсказывает, что невозможно одновременно придерживаться и примата объективирующего действия, и неустранимой оригинальности нетеоретического сознания [10, с. 109]. Деррида, подобно Хайдеггеру, обрушивается также на классическую метафизику, классифицируя ее как плод спекулятивного теоретизирования, отчужденного от эмпирического истока. Это – «сциентистский объективизм, или, иначе говоря, другая метафизика» [8, с. 187]. Ее суть – насилие света. Деррида согласен с Левинасом: «насилие света» греческого Логоса устанавливает в дискурсивном пространстве полемики порядок вражды между конкурирующими философскими дискурсами [10, с. 148]. Вслед за Э. Левинасом, он заключает: «Если свет является стихией насилия, нужно сражаться против света при помощи некоторого другого света, дабы избежать наихудшего насилия, насилия безмолвия и ночи» [10, с. 147].

Поэтому для Ж. Деррида неприемлема онтология М. Хайдеггера. Ему чужда сама экстраполяция «права собственности» на отношение со-бытия. По мнению Деррида, зона «собственного», наличествующая в рамках со-бытия, свидетельствует о том, что Хайдеггер так и не преодолел барьер им же выделенного онтико-онтологического различия. Очевидно, Деррида полагал, что Хайдеггер был не в силах расстаться с рудиментом эго-формы сознания, вытребовавшей зону «собственного» в акте со-бытия: «Хайдеггер, похоже, вопрошает и сводит на нет теоретизм все еще во имя и внутри греко-платоновской традиции, находящейся под надзором инстанции взгляда и метафоры света. То есть пространственной пары внутри-снаружи» [10, с. 112]. Поскольку же «западная философия чаще всего была онтологией», подчиненной со времен Сократа Рассудку, который получает только то, что сам же себе дает... хайдеггеровская «онтология»... все же остается еще «эгологией» и даже «эгоизмом» [10, с. 122–123]. Тем не менее Хайдеггеру удался выход за пределы антиномичного мышления (ума), действительного лишь в соотносительности с идеалом, и Деррида признает это, пусть даже в «перекличке» с Левинасом: «Итак, “не будучи познанием, временность Хайдеггера является экстазом, “бытием вне себя”. Отнюдь не трансцендентностью теории, а уже выходом из внутреннего к внеположности» [10, с. 112]. И Деррида намеренно подчеркивает, что распознал особый методологический прием Хайдеггера, придающий хайдеггеровской апофатике новое, нетеоретическое измерение, а онтологии *presens* – эмпирический смысл. Но он не стремится исправить обнаруженные изъяны хайдеггеровской онтологии. Напротив, Ж. Деррида реализует собственный проект практической философии – Грамматологию, где отсутствует сам повод предъявления права собственности на событие со-бытия, поскольку взаимообусловленность внешнего и внутреннего, языка и мышления поддерживается тем, что вообще теряет какой-либо смысл. В связи с чем?

Поставив под сомнение способность хайдеггеровской онтологии преодолеть порог онтико-онтологического различия, Деррида обращает мысль к истоку, еще более древнему и объективному, чем тот, с уровня которого сошел свет, почитаемый греками и Хайдеггером: «Такое различие, более “древнее”, чем само бытие, не имеет никакого имени в нашем языке. <...> Это неизменное не является неким невыразимым бытием, к которому не могло бы приблизиться никакое имя, – например, Богом. Это неизменное является игрой, обуславливающей, что суще-

ствуют именные эффекты» [12, с. 50]. Еще более радикально утверждение, что значима лишь «игра следа или различия, которое не имеет смысла и не есть. Которое не принадлежит. Никакой поддержки и никакой глубины у этой шахматной доски без основы, на которой выставлено на кон бытие» [12, с. 45]. Таким образом, онтологическая основа Грамматологии – *differance* – игра различия смыслов бытия: «Деррида намекал на нечто третье – на “игру мира”» [1, с. 31]. Напомним: о существовании Ли́ла, циклической игры стихий космического целого, повествует Бхагавадгита. Мышление «от различия» (решетки, сети асимметричных *differance*, простирающейся от неба до земли) – своеобразное отсутствие присутствия генерализирующего смысла в любом дискурсивном высказывании, поскольку «наружу есть нутрь», отмеченная хайдеггеровским знаком перекрещивания [1, с. 36], по-новому обращающим к эмпирическому: «По ту сторону бытия и сущего это различие, беспрестанно различая(сь), прочерчивало(сь) бы само, это различае (*differance*) было бы первым и последним следом, если бы здесь еще можно было говорить о начале и конце. Такое различае уже предложило бы нам к тому же мыслить письмо без присутствия и без отсутствия, без истории, без причины, без первоначала, без телоса, абсолютно нарушая любую диалектику, любую телеологию, любую онтологию» [12, с. 94]. Дополняет сказанное и смысл другой цитаты: «Форма хиазма, этого X, очень меня интересует, не как символ неведомого, но потому что тут имеет место... род вилки, развилки (это серия *перекресток*, *carrefour* от лат. *quadrifurum* *двойная развилка*, *grille* решетка, *clae* плетенка, *cle* ключ и т. д.)» [11, с. 84–85].

Примечательно, что на позднем этапе своего творчества Ж. Деррида совершает религиозный поворот (во многом под влиянием Левинаса). Учитывая одну из трех версий религиозного поворота Деррида (каббалистическую) [5, с. 343–344], укажем на этот древний исток различия: «*Айн Соф Аур* – Безграничный Свет» [2, с. 60], или же «Абсолют – Непроявленное, о Котором у нас нет ни малейшего представления... за *Айн Соф Аур* существует еще одна сфера <...> *Айн Соф* – “без границ”. А еще дальше, за *Айн Соф* – *Айн*, т. е. “без”. Следовательно, в основе вселенной лежит отрицание. Однако “без”, означающее отсутствие, отнюдь не значит не-существование. *Айн* не является абсолютным небытием» [2, с. 61]. Таким образом, «жизнь... приходит из *Айн Соф Аур*, а в *Айн Соф Аур* – из *Айн Соф*, а в *Айн Соф* – из *Айн*, отсутствие, ждущее момента, чтобы стать присутствием» [2, с. 66].

Это позволяет предположить, что Деррида, как и намеревался, все же направил свою мысль к наидревнейшему истоку различия – к невидимому свету, который является большим, чем свет падший, ключевой для исчерпавшего себя греко-европейского Логоса. Постулат об укорененности мысли в «безопорном» *differance*, восходящем к древнейшему истоку бытия, перенаправляется от Игры стихий бытия к Безграничному Свету через *Айн*. Это позволяет Деррида оперировать логикой денегации (двойного/повторного отрицания), а также понятием «отсутствие присутствия»: «Конструкция *sens/sans = non - sens/sans = nonsense* подходит к описанию значения в Бытии, каковое является не-существующим (как для нас, так и для Бытия) и потому не присутствующим по определению, и представляет собой первую ступень *денегации* (*denegation*) как отрицания, негации присутствия» [5, с. 383]. Об обращении именно к этому истоку говорит также намерение Деррида оперировать метафорой невидимого (большого) света, или *solniger* [12, с. 305–311]. Грамматология – маршрут «окольного пути», претендующий на обретение некогда утраченного Искусства в форме различАния (*differance*): «*Differance* есть (я подчеркиваю это перечеркнутое “есть”) то, что делает возможным представление бытия-настоящим, никогда не представляет самое себя. Воздерживаясь от презентации, не показывая себя, оно выпадает из обычного поряд-

ка истины умозрительной, как если бы оно было нечто загадочное, существующее в оккультной зоне не-знания» (Ж. Деррида) [5, с. 364].

Продвигаясь к источнику (Айн Соф Аур) по окольному пути (Ли́ла), Деррида полагает наилучшим воспользоваться предписаниями Фрейда и дифференцировать сознание на дневное и ночное. Последнее же, будучи укорененным в бессознательном, скрывает в себе искру гнозиса, частицу Бога в человеке, действительно способную, при правильном с ней обращении, преобразить дневное сознание, придать ему большую осознанность, просветление, т. е. качественное изменение степени непрозрачности чувств (не на это ли намекают метафоры «холокост холокоста», «зола»?) [7].

К такой невозможной возможности Деррида прокладывает путь посредством критики нарциссизма, в которой угадывается его осведомленность о значимости мифа о Нарциссе в дионисийской фазе триады Великого Делания. В данной связи Деррида размышляет над проблемой двух источников, столь волновавшей Валери: «Чтобы источник в свою очередь стал образом, одновременно чтобы он ввязался в топику или в фантастику и чтобы он явился себе и был собою принят, чтобы он видел себя как изначальный взгляд, он должен разделиться. Везде, где вмешивается зеркало, всякий раз, когда в текст Валери вступает Нарцисс, источник может найтись в качестве зеркального эффекта, только если потеряется дважды» [12, с. 324]. Несомненно, речь идет о двух истоках сознания (небесном и земном), о раздвоении сознания на оригинал, ассоциируемый с высшим Нусом, и копию (эго-форму самосознания эмпирического индивида, символизируемую мифом о Нарциссе). Примечательно, что дальнейший шаг Деррида совершает в сторону левинасовского концепта «следа», с помощью которого *differance* получает доступ к артикуляции множественностью коннотативных значений любого высказывания, сотканых из нюансов эмоций и разноцветной палитры чувственных ощущений. И это не удивляет: окольный путь к обретению невозможной возможности, к Отсутствию Присутствия будет длиться не одну жизнь. Достигшему же источника достаточно встретить Лик (который есть собственный лик), чтобы растаяла иллюзия права собственного и утвердилось в своих правах вечное Единство, когда ничто уже не является «другим».

3. Об отсутствии присутствия

Веками к «Метафизике» привлекало искусство, адептом которого был Аристотель. Но скрывает ли оно в действительности тайну бытия? Положительный ответ можно получить только в одном случае: если распознать в хайдеггеровской графеме «великий символ *проявленного света* (*la lumière manifestée*), обозначаемого греческой X (хи), с каковой начинаются слова... (... *тигель, золото, время*), соответствующие тайной триаде Великого Делания. Андреевский крест (Хіаѡѡ), по форме аналогичный французской букве X, – наиболее простое выражение расходящихся от источника света лучей. Так графически обозначается искра. Свет можно сделать ярче, но представить его в более простом виде нельзя. Пересекающиеся линии – схематическое изображение звездных и вообще любых лучей. Поэтому оно превратилось в печать (*sceau*), знак *светового воздействия* (*illumination*), а в широком смысле – в знак духовного озарения, *откровения* (*révélation*). Святой Дух всегда изображали летящей голубкой с распростертыми крыльями – получался как бы крест. <...> И греческая, и французская X означает *письмена, начертанные самим светом*, световой след, признак его движения, подтверждение его реальности, истинная его сигнатура» [22, с. 226].

Обозначив природу своего не-знания, Деррида перенимает у Хайдеггера ту же графему – вероятно, чтобы подчеркнуть свою приверженность той же тайне: «Do ut des, то, что я перевел в своем языке, – дар как удачный бросок при игре в кости. Это еще зашифровано, ничего не проклинаящий более, чем тайну, я приспособа-

ливаюсь, чтобы культивировать ее, как сумасшедший, чтобы лучше сберечь то, что под ней скрывается» [9, с. 243]. Следующая цитата навеивает мысль об искусстве, именуемом герметическим: «Я перечитываю *По ту сторону* – одной рукой (все здесь удивительно *герметично*, это значит по-почтовому <...>. Ты скажешь, что Гермес не хромал, у него были крылья на ногах, да, да, но это ничему не противоречит, хромота не мешает этому старцу ни бегать, ни летать)» [9, с. 23].

Хромота Гермеса-Меркурия явно отсылает к сатурналиям, о чем, по свидетельству другого автора, говорит знак, указывающий на «цветок с четырьмя лепестками, символ универсальной материи, состоящей, согласно широко распространенному в Средневековье учению Аристотеля, из четырех *основных стихий* (*elements premiers*). Сразу под цветком два естества, с которыми работает алхимик; из их соединения образуется *Сатурн* Мудрецов» [23, с. 178]. А вот еще один пассаж: «Даже доходя (всегда от некоего субъекта), письмо уклоняется от *прибытия*. Однако оно доходит куда-либо, и всегда по несколько раз. Ты больше не можешь взять его. Это и есть структура письма (как почтовая открытка, иначе говоря, фатальное деление, которое она должна выдержать» [9, с. 203–204]. И еще: «час спустя мы много съели (рыба, рыба)» [9, с. 212]. Смысл возможно уточнить: «*mercureau* (*petit mercure*, *малая Ртуть*), превратившись в *maquereau* (*макрель*), скрывает первого апреля имя отправителя открытки или письма. Это *мистическая рыба*, объект мистификаций» [22, с. 492]. Отправитель, как и получатель, – сам автор, по законам жанра представленный в двух ипостасях, видимой и невидимой: «я – Другой Я сам».

И это неудивительно, поскольку Деррида, как представляется, придерживался левинасовской «идеи творения», предтечей которой явилось использование Койре термина *Другой* применительно к Богу [16, с. 9]. Особым типом связи между двумя «эго» (эмпирическим и высшим) видится эффект пирописьма, введенный на раннем этапе деконструкции. Поясним: Деррида (в соответствующем фрагменте из «*Differance*») проводит различие между письменностью/*differance* и *archi-écriture* с помощью метафоры «огня-письменности». С одной стороны, это «огонь разума полыхает в вереске нашего языка» [6, с. 125]. С другой стороны, на каждого из нас распространяется артикуляция *archi-écriture* – исходная письменность (психическая письменность снов и/или иероглифическая письменность, единая энергетическая система психической письменности). Ею предопределяется значение письменности как таковой (письменности/*differance*), и она, по Деррида, не отмечена радикальным различием означающего и означаемого. Она не заимствует своих означающих, а сама производит их. Такая письменность создает текст, который не может восприниматься как исходная или модификационная форма присутствия. Текст бессознательного – всегда уже лабиринт чистых следов, различий [5, с. 376–378]. Получается, что эмпирическое «я» обращено к «Другому в себе самом» исключительно желанием-сказать (выявленным Гуссерлем в ходе рассмотрения ноэтико-ноэматического слоя логоса) [12, с. 190–198]. Именно оно одержимо порывом творческого самосожжения дотла, до золы в ответ на иероглифические письма искры гнозиса из бессознательного. Актами подобного «холокоста холокоста» высшее Эго выводится из зоны трансцендентного в имманентность наличного сознания, согласуясь с библейским предписанием «одному следует возрастать, а другому умяляться». Примечательно и другое: будучи связующей почтой дневного и ночного истока сознания, артикуляция пирописьма, сам «огонь письменности... не приходит *после*, огонь пишет, пишет самое себя прямо в процессе сгорания» [6, с. 141]. Данная логика согласуется с проведенным К. Г. Юнгом исследованием тайны воссоединения телесной души эмпирического индивида с бестелесной душой (высшим Я). Суть сакрального процесса сокрыта в жертвенном способе существования духовной субстанции жизни. Согласно Юнгу,

субстанция жизненного духа двойственна, поскольку поддерживается непрерывной отдачей огненной праны, сила горения которой возрастает по мере сгорания непранической энергии: «...желание горит только для того, чтобы сжечь самое себя, и из этого огня появляется истинный живой дух, который создает жизнь по своим собственным законам <...>. Это значит: гори в своем собственном огне и не будь подобен комете или мигающему маяку, показывающему правильный путь другим, но не ведающему своего пути» [25, с. 164].

В силу двойственности, пирописьмо – послание, которое пишется двумя руками, одновременно вместе и раздельно. Следовательно, его содержание подчас озадачивает: «по поводу начиненного послания, такое послание представляет собой строфы, в большинстве своем сатирические, их поют по случаю праздников Осла, Сумасшедших и т. д.» [9, с. 223]. Поясним: образ мыслителя-безумца, более почитаемый Делезом, чем Деррида, списан с героя средневекового праздника «День Дурака», значимость которого для Великого Делания трудно переоценить: «так во времена веселого пародийного праздника Осла называли в народе высших должностных лиц и магистров некоторых тайных обществ. Примером последних может служить... Братство матери-дуры. <...> Мать-дура олицетворяет саму герметическую науку во всей ее широте» [22, с. 274]. Далее проясняется, чем интересен главный герой этой науки: «Меркурий предстает перед нами в качестве придворного шута... должность придворного шута... имеет герметическое происхождение. Это доказывает... привилегия, связывающая их с философами: безнаказанно говорить правду в лицо сильным мира сего. И, наконец, значение Меркурия, из-за непостоянства и летучести прозванного шутом (дураком) Великого Делания... находит свое подтверждение в первом аркане колоды Таро – фигуре Шута (Дурака, Fou) или Алхимика (Alchimiste)» [22, с. 276].

Таким образом, за метаморфозами Меркурия лучше наблюдать двойным зрением (физическими глазами и умом) – с тем, чтобы затем оформить их в бессмыслицу на языке Арго: «Владеющие арго, арготеры (*argotiers*) герметически произошли от *аргонавтов*, вступивших на корабль *Арго* (*Argo*) и объяснявшихся на *арготическом языке* (*langue argotique*), который мы называем *блатною феней* (*langue verte*). Аргонавты плыли к благословенным берегам Колхиды, чтобы получить знаменитое *золотое руно*. <...> Готическое искусство и впрямь *l'artgot* или *cot* (Хо) – *искусство Света и Духа*» [23, с. 70]. Фулканелли уточняет: «Миф о *золотом руно* полностью отражает тайну герметической работы, цель которой – получение Философского камня. На языке адептов *золотое руно* – подготовленная материя (*matiere prepare*) для Великого Делания, а также его конечный результат» [23, с. 229].

Ясно одно: окольный маршрут, проложенный Ж. Деррида, воплотился в его текстах, как «письмо, открытка, контракт или завещание, посылаемое самому себе перед тем, как отправиться в более или менее долгое путешествие с вероятным риском умереть в дороге, а также с надеждой, что это произойдет и послание пойдет в архив, или даже на нетленный памятник прерванного послания. Документ зашифрован, он останется в секрете, если “свои” умрут до возвращения “автора”. Но окажутся ли “свои” теми, кто сумеет расшифровать послание и, прежде всего, обосновать себя в своей истории, унаследовав этот код. “Свои”, те, кто сумеют или будут считать, что сумели» [9, с. 554].

Возвращаясь на круги своя, повторим мысль неоклассика: «Метафизика» Аристотеля возведена на тайном лексико-семантическом ключе. И вот почему: «Если Аристотель относится к различию между временем и пространством... как к какому-то заданному различию, загадочная артикуляция этого различия размещена в его тексте, скрыта в нем, утаена, продолжая действовать в этом сообщничестве, как сообщничество того же самого и иного внутри “с” или “вместе”, внут-

ри *simul*, в котором бытие-вместе оказывается не отдельным определением бытия, а самим его производством. <...> То, что само собой разумеется и заставляет работать дискурс в его артикуляции... – это маленькое слово «*hata*»... по гречески означает одновременно “вместе” и “одновременно”, и то и другое вместе, “*в одно и то же время*”. Это выражение изначально не является ни пространственным, ни временным. <...> Оно высказывает сообщничество, общее начало времени и пространства, со-появление как условие всякого явления бытия. Оно, в определенном отношении, высказывает диадду как минимум. Но Аристотель... говорит его, не говоря его, он позволяет ему сказываться или, скорее, оно позволяет Аристотелю сказать то, что он говорит» [12, с. 81–82].

Очевидно поэтому, решая дилемму Парменида, «Аристотель приходит к выводу, что нет противоречия в том, чтобы утверждать, что вещь в действительности есть X, тогда как потенциально она есть Y. Она есть X, но она собирается стать Y в будущем в силу потенциальности, которая не есть просто ничто, хотя она и не является подлинным сущим. Следовательно, сущее возникает не из несуществующего и не из сущего, в точности такого, как сущее *actu*, а из сущего, рассматриваемого как сущее *potentia*» [15, с. 153]. Это утверждение проливает свет на устремленность Деррида к традиции пиктографического письма, обращающегося к некоему X: «Фрейд где-то говорил, что, в конечном счете, самое загадочное – это сознание. Но можно ли все еще называть источником это я, которое не есть я, это бессознательное сознание, этот X, который ничего не имеет и который, собственно, и есть ничто.<...> Источник есть, и он в мире» [12, с. 321]. Однако неразгаданный X вне произнесения, и неудивительно: «Имеется в виду пифагорейская декада – число совершенства, иначе говоря, сумма кватернера: $1 + 2 + 3 + 4 = 10$ » [23, с. 292]. Можно также сказать, что «это полное число Делания, так как единица, две природы, три начала и четыре элемента дают двойную квинтэссенцию, две V, сросшиеся в римскую цифру X (десять). На этой цифре основана *пифагорейская кабала* (*Cabalede Pythagore*) или универсальный язык» [22, с. 226]. Уточним: «Знаменитая пифагорейская Y означала силу выбора и использовалась в мистериях как эмблема Развилки Пути. Главная дорога разделялась на две – направо и налево. Правая ветвь была названа *Божественной Мудростью*, а левая – *Земной Мудростью*. Юность, персонифицированная в кандидате, идет по Дороге Жизни, символизируемой центральным стволом знака Y, и достигает точки, где Путь разделяется. Неофит должен выбрать, пойдет ли он левой дорогой и, следуя диктату своей низшей природы, станет на путь заблуждения и бездумья, который неизбежно приведет его к исчезновению, или же он выберет правый путь и через целостность, труд и искренность окончательно достигнет союза с бессмертными в высших сферах» [24, с. 247].

Получается, что философское учение Аристотеля, определившее магистральные пути европейской мысли, метафизически восходит к римской цифре X, составленной двумя сросшимися V. Одна из них свыше двух тысячелетий направляла стратегии исследования, послужившие импульсом становления современной науки. Другая же восходит к философскому герметизму, классифицируемому И. Т. Касавиным как «типичная духовная периферия, отклоняющаяся как от ортодоксальной церковной, так и от светской магистрали, основа теоретических, сектантских, мистических и магических учений» [14, с. 184]. Получается, что Аристотель, пребывая в средоточии X, наметил человечеству смысловую ориентир эволюции: восхождение к высшему Нусу через проживание каждым-в-отдельности мистерии Логоса в единстве его чувственной и умозрительной компоненты. Необходимым условием старта такого восхождения предполагалось преобразование духа до качества квинтэссенции на пути самопознания. «Арете»

(этической и дианоэтической) предписывалось вести неопита, подобно нити Ариадны, через все трудности и испытания V.

Традиция неклассической философии, расположившаяся в области «духовной периферии», наследует одну из V, также являющую собой «развилку». И в ее основание Деррида поместил свою мысль, что и предопределило замысел «Грамматологии». Ориентир восхождения при этом был перенаправлен от Нуса к Айн Соф Аур. Очевидно, в такой оптике обретается надежда невозможной возможности преодоления (в какой-либо из следующих жизней) «собственного» в событии человека и бытия. Выход к внеположному – это выход за границы эго-формы сознания, раскалывающей бытие, сам его логос, на внутреннее и внешнее. Выход к внеположному осуществим только тогда, когда игра сил бытия (Лила) обогатит сознание опытом тщетности поисков счастья в дуальной иллюзии бытия, где калькулирующее мышление действует по принципу «разделения в разделении» (диады), а осознающее мышление – по принципу разделения (дуады). Лишь после этого имеет смысл искать в «Метафизике» ключи к искусству, запускающему процесс преобразования дуальной природы иллюзорного восприятия.

Но прежде придется признать обоснованность скепсиса постструктуралистских философов по отношению к эпистемологическим возможностям научного языка. Поскольку существует смысловой зазор между тем, что постигается интуитивно, и тем, как содержание постигнутого передается языковыми средствами. И этот зазор улавливается отсутствующей структурой языка, тем, что непроизносимо, но присутствует в высказывании. Здесь возникает вопрос об онтологически обусловленной структуре мировосприятия. Однако сама мысль о невидимой физическому зрению онтологической структуре порождает массу спекуляций. В особенности по поводу текстов, основанных на использовании логики негации (например, Э. Левинасом, Ж. Деррида, К. Мейясу). В ее рамках принято оперировать такими понятиями, как «отсутствие присутствия», «невозможная возможность» и пр. При этом предполагается, что нельзя выяснить с определенностью, скрывается ли нечто за феноменом отсутствия или же нет. С одной стороны, релятивизируются любые представления об истине, стирается различие между подлинным и иллюзорным, реальным и нереальным, воображаемым и проявляющим себя в материальной реальности. Вместе с тем открывается возможность философствования за скобками понятийно-дискурсивного мышления. Здесь можно экспериментировать с традиционным категориальным аппаратом, дополняя высказывания смыслами коннотативных значений, подвергая категориально оформленные умозаключения деструкции и деконструкции, расширяя предметную область исследований до целостности сознательно-бессознательного, реально-иллюзорного. Согласимся: эксперименты такого рода вдохновляются намерением построить философию на логическом допущении отсутствия в материальной реальности сущего бытия того, что подлежит обозначению понятием.

Раскрывая влияние «Метафизики» Аристотеля на двух ярчайших мыслителей неклассического типа, мы попытались выявить глубинные смыслы словосочетаний «отсутствие присутствия» и «невозможная возможность». И наша убежденность в очевидном возросла: философские проекты и М. Хайдеггера, и Ж. Деррида основаны на понятийной безопорности онтологически значимых умозаключений. Ее легитимность удостоверена сакральным графическим знаком, указывающим на отсутствующую структуру апперцептивно-трансцендентального восприятия. Текст, не опирающийся на знак такого рода, автоматически перемещается в разряд дискурсивного (вульгарного) письма, с его натуралистическим стремлением буквально, в алфавитном порядке, следовать маршрутом безопорности. В этом случае субстантивируется само понятие отсутствия (на данном приеме, как правило, основывается критика текстов неклассической философской мысли). Логика

такой субстантивации проста: «отсутствие присутствия» понимается как отсутствие способности различать истину посредством умо-зрения. В результате открывается простор для плюрализма мнений, множественности представлений об истине, каждое из которых опирается на ресурс рассудочной ментальности высоко развитого интеллекта. В философских высказываниях не остается и следа сверхчувственной апперцепции, поскольку они формулируются в отсутствие онтологически обусловленной структуры мировосприятия.

Резюмируем:

1. Осмысление влияния «Метафизики» Аристотеля на спиритуальную компоненту онтологии *presens* Хайдеггера и грамматики *differanse* Деррида позволило обнаружить периферийный путь обоснования специфики Бого-познания, генетически свойственный синтетической парадигме науки, философии и религиоведения. Оказалось, что под таковым следует подразумевать древнюю традицию алхимического гнозиса, сокрытую аристотелевским понятием *empeiria*. Учитывая, что данная традиция свойственна не только античной, но и даосской философии (а также тайци-цюань), можно утверждать, что разнообразные оптики сближения религии, науки и философии могут обнаруживать себя в широчайшем контексте алхимического гнозиса не только раннехристианских, но и восточных духовных учений.

2. М. Хайдеггер проблематизирует способ человеческой экзистенции в перспективе онтологии дара и в качестве ответа выдвигает концепт *dasein*, раскрывающий дар исторического существования индивида способом размышления-сказывания (сказа, сказания языком бытия). При этом графическое обозначение Хайдеггером слова «бытие» («есть» под крестом) позволяет полагать, что присущий религиозному познанию мистицизм вытесняется *empeiria* алхимического гнозиса, способствующего Бого-познанию не менее, чем мистический опыт (вероятнее всего, наряду с ним). Ж. Деррида ставит вопрос о даре как способе творческого существования (творческого горения, отдачи), являющем собой процесс иероглифического пирописьма на почтовых открытках. Поскольку «наружа есть (под крестом) нутрь» [8, с. 36]. Пирописьмо обращено одновременно и во внешний мир, и во внутренний. Следовательно, оно связывает дневной и ночной источники сознания (вырастающий в бессознательном из искры гнозиса, стремящейся совершить переход из потенции в акциденцию).

3. В наши дни человечеству, как некогда философии, открылась известная с досократовских времен перспектива развилки. Человечество – мировой ученик, призванный к выбору пути продвижения по ступеням эволюционной лестницы. Не пришла ли пора изменить способ человеческой экзистенции? Сдаст ли мировой ученик экзамен на зрелость, оставляющий позади требование юности следовать диктату своей низшей природы? Его решение – ключевое для современных проблем антропологического характера, для нависшей над человечеством угрозы биологического перерождения в рамках ускоренного становления техносферы. Смыслжизненный выбор подобен приговору: людям, чтобы оставаться людьми, необходимо восходить из дуальности по пути V. На повестке дня – умение видеть и любить мир в его целостности. Этот навык развивают сатсанги йоги, адвайты, а также социальные и духовные практики христианских общин. Смерть Нарцисса – мистерия первого приближения к существованию способом дара.

4. Смыслжизненная потребность в новом способе человеческой экзистенции заявляет о себе на фоне глобального космогонического процесса, наблюдаемого и изучаемого передовыми астрофизиками, геофизиками, биофизиками, биохимиками планеты [26]. Возникает новый тип рациональности, существенно меняющий привычные основы человеческого бытия. Вместе с тем остаются нерешенными

вопросы концептуализации и выявления потенциала языковых возможностей описания происходящих на наших глазах изменений мира, общества и самого человека. Не снят и поставленный Хайдеггером (и переосмысленный Деррида) вопрос об этическом основании социального проекта неклассической философии. Отдавать. Что это значит?

Литература

1. Автономова Н. С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. – М. : AdMarginem, 2000.
2. Айванхов О. М. От человека к Богу. – М. : Просвета, 2006.
3. Аристотель. Метафизика. – М. : Эксмо, 2006.
4. Визгин В. П. Кризис проекта модерна и новый антропотеокосмический союз // Философия науки. – Вып. 8 : Синергетика человекомерной реальности. – М. : ИФРАН, 2002.
5. Гурко Е. Н. Божественная ономотология: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции. – Минск, 2006.
6. Грицанов А. А., Гурко Е. Н. Жак Деррида. – Мн. : Книжный Дом, 2008.
7. Деррида Ж. Золы угасшей прах. – СПб. : Академический Проект, 2002.
8. Деррида Ж. О грамматологии. – М. : AdMarginem, 2000.
9. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. – Минск : Современный литератор, 1999.
10. Деррида Ж. Письмо и различие. – СПб. : Академический проект, 2000.
11. Деррида Ж. Позиции. – М. : Академический Проект, 2007.
12. Деррида Ж. Поля философии. – М. : Академический Проект, 2012.
13. Железнов В. Я. Экономическое мировоззрение древних греков // История экономической мысли / под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануилова. – Т. 1, вып. 1. – М. : Московский научный институт, 1916.
14. Касавин И. Т. Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000.
15. Катчмер Дж. Дао биоэнергетики. Восток-Запад. – К. : София, 1998.
16. Левинас Э. Значение и смысл // Труды ВРФШ. 2 : Онтология. Эстетика. Религиозная философия. – СПб., 1993.
17. Сатпрем Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. – СПб. : М. : Ключ, 2005.
18. Хайдеггер М. Бытие и время. – М. : Академический Проект, 2013.
19. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник / под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высшая школа, 1991.
20. Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник / под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 104.
21. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. – М. : Республика, 1993.
22. Фулканелли. Философские обители. – М. : Энигма, 2003.
23. Фулканелли. Тайна соборов. – М. : Энигма : ОДДИ-Стиль, 2008.
24. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007.
25. Юнг К. Г. *Mysterium Coniunctionis*. – М. : Рефл-Бук : Ваклер, 1997.
26. Миронова В. Ю. Запретная наука – обзор [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proza.ru/2017/11/29/471> (дата обращения: 15.01.19).

Irina Andreevna Ogloblina,

senior lecturer at Social Philosophy chair of YGI,
Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**The Problem of the Synthesis of Science, Religion, Philosophy from
the Position of Non-classical Rationality of Gift**

This article regards the problem of synthesis-paradigm of science, religion, philosophy. Within the framework of that problem it is necessary to understand the specifics of the religious way of knowledge. The phenomenon of gift is themed as a possible ethical basis for the Aristotle's empeiria. The problem of Aristotle's metaphysics empiric source is raised. The author analyzes this problem influencing the construction of the systems of non-classical philosophical ontology. The parallels are drawn between Aristotle's empeiria, Heidegger's ontology and Derrida's grammatology.

Key words: gift; logos; germetism; empiricism; empeiria; humanism; objectivism; relationship between thinking and language; ontology of presence; grammatology of differance.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
  - **название статьи;**
  - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
  - **аннотация** (150–250 слов);
  - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает дополнительного рецензирования. **Для магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

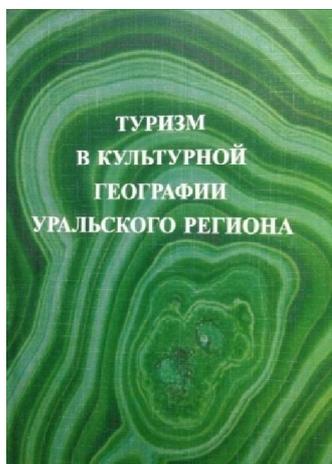
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятий по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

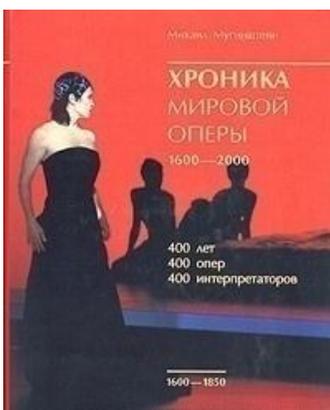
Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

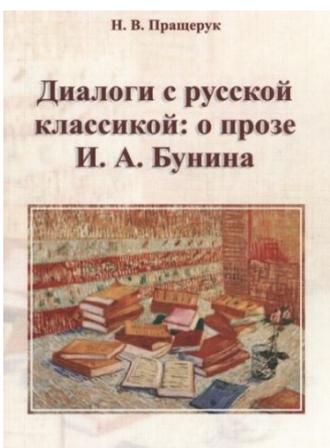
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

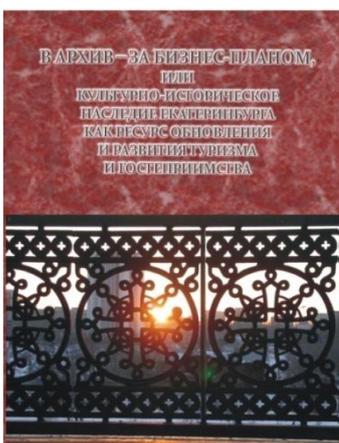
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

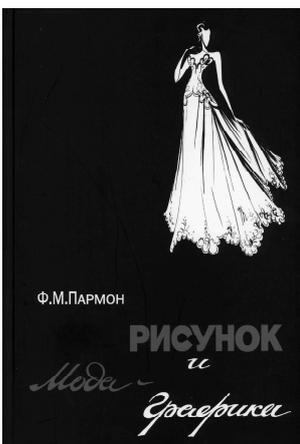

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Гуманитарный университет объявляет прием на обучение
по программам магистратуры на 2018/19 учебный год
по следующим направлениям:

- Психология (37.04.01)
- Экономика (38.04.01)
- Юриспруденция (40.04.01)

Срок обучения в магистратуре
составляет 2 года по очной форме,
2,6 года по очно-заочной и заочной форме*

Подготовка магистров в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Количество бюджетных мест:

- Психология (37.04.01)
Очная форма – 7 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
- Экономика (38.04.01)
Очная форма – 9 мест
Очно-заочная форма – 6 мест
Заочная форма – 5 мест
- Юриспруденция (40.04.01)
Очная форма – 8 мест
Очно-заочная форма – 9 мест
Заочная форма – 10 мест

Прием документов в магистратуру проводится в следующие сроки:

Бюджет:

- Все формы обучения – с 1 июня по 10 августа

Внебюджет:

- Очная форма – с 1 июня по 24 августа
- Очно-заочная форма – с 1 июня по 25 сентября
- Заочная форма – с 1 июня по 25 октября

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

* 2,5 года по очно-заочной и заочной форме (юриспруденция)

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется на платной основе.

Телефон приемной комиссии: (343) 369-10-11

Прием документов с 01.06.2019 г. по 13.09.2019 г.

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е   и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2019. № 1 (24)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 18.03.2019.
Дата выхода в свет 27.03.2019
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 7,9
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3